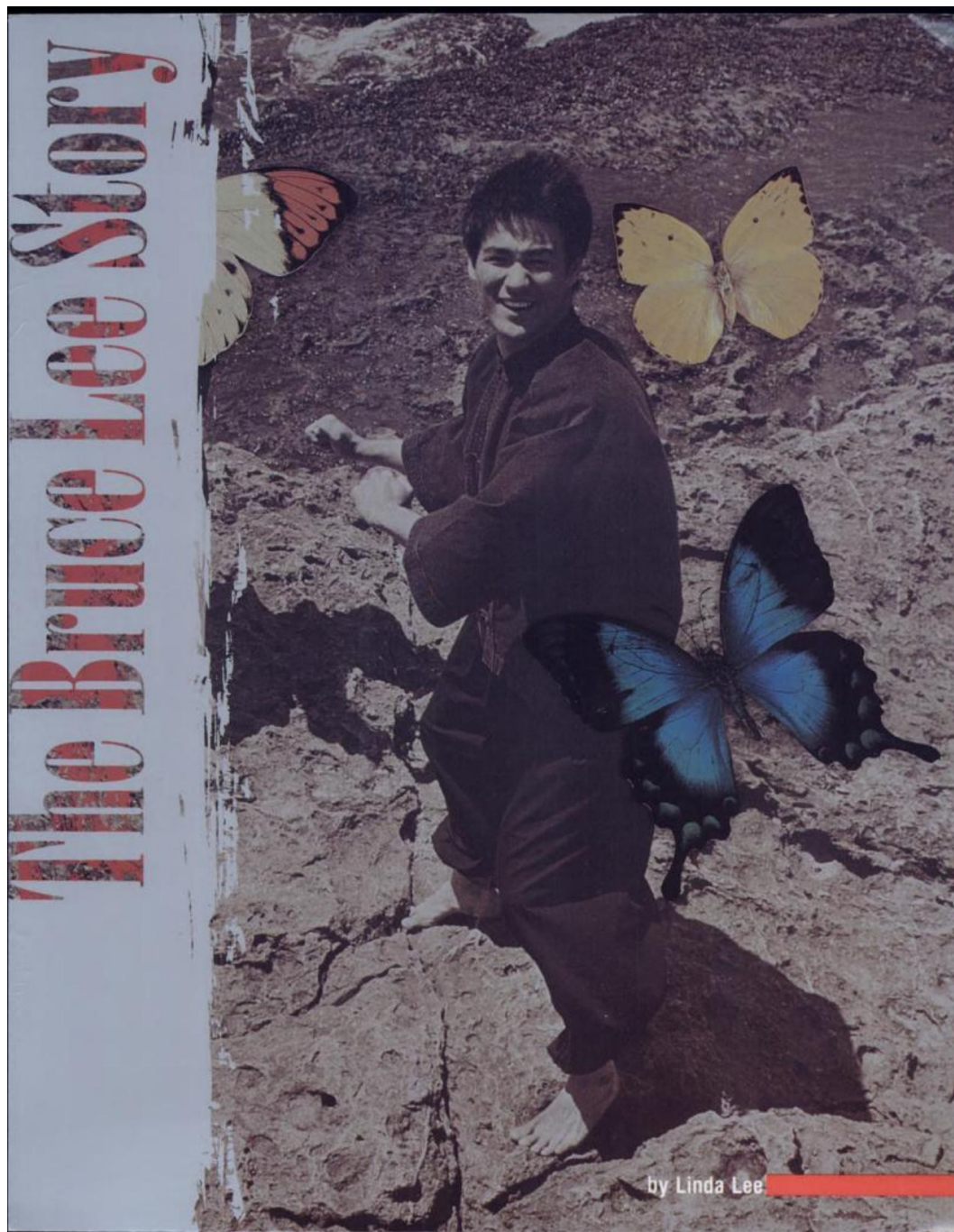

История Брюса Ли

Для свободного распространения

Информационная поддержка: http://vk.com/bruce_lee_official_page

© Дмитрий Семёнов, atheistd@gmail.com

Хабаровск, 2013

Редакторы: Майк Ли и Джек Вон

Графический дизайн: Серхио Онага

Фотографии, использованные в книге, любезно предоставлены Линдой Ли из частной коллекции, Рэинбау Пабλικейшнс Инк. и Охара Пабλικейшнс Инк. Дополнительные фотографии: Уорнер Бразерс, Голден Харвест Филмз, XX Век Фокс, Конкорд Продакшнс и Парамаунт Пикчерс.

© Линда Ли

Все права защищены

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

Номер книги по каталогу Конгресса: 88-63487

ISBN: 0-89750-121-7

13-ый тираж

ОХАРА ПАБЛИКЕЙШНС, ИНК.

САНТА КЛАРИТА, КАЛИФОРНИЯ

Оригинальный текст и фотографии по стандартной схеме были бережно заимствованы с гуглокниг. Перевод делался как подстрочником с минимизированными окошками, так и с распечатанного в ужасном качестве листа. Использовались англо-русские словари производства multitrans.ru, за что им отдельное спасибо. Также объявляется благодарность гуглопереводчику за бессмысленную белиберду словоблудия, и как результат за продление моей жизни посредством вызванного смеха. После двух-трех смысловых правок текст подвергался детальному изучению на предмет иных видов ошибок – в основном синтаксических и ошибок согласования в роде, числе и падеже.

После нахождения способа получения недостающих страниц с помощью программы Google Books Downloader процесс пошел более плавно, а страницы затем были скомпилированы в один оригинальный документ.

Тем не менее, некоторые страницы упорно отказывались открываться. Оставить пробелы в тексте я себе не мог позволить, поэтому открыл книгу в Amazon, и по словосочетаниям выстраивал недостающий текст. Буквально буква к букве. Очень нудная работа. После чего полученные абзацы склеивал друг с другом, проверяя правильность догадок дополнительными запросами на книгу. Например, последняя фраза одного абзаца и начальная фраза другого. Если они встали рядом, значит, все сошлось. Если нет – снова работа. Но уверен, оно стоило того!

Предисловие переводчика

Собственно здесь пару слов лично от меня, почему эта книга появилась вообще на свет. Творчеством Брюса Ли я увлекся сравнительно недавно в отличие от большинства сверстников. В школе спорт для меня ограничивался секцией большого тенниса и уроками физкультуры, на которых я демонстрировал средние успехи, где-то лучше (вис на перекладине, канат, отжимания, бег на короткие дистанции), где-то хуже других (бег на длинные дистанции, прыжки в длину, командные игры, ориентирование на местности). Во время командных игр я чаще сидел на скамейке (баскетбол) или стоял на воротах (футбол), и в целом меня это устраивало. Ближе к 10-11 классу у нас в школе заметили мой вспыльчивый характер, особенно по части драк, которые время от времени у нас случались. Вот тогда я можно сказать “влился” в компанию спортсменов, хотя по сути друзьями мы не были. Тогда-то и начались полшуточные-полусерьезные бои прямо на переменах между уроками. На удивление учителя не вмешивались в это абсолютно.

В детстве были просмотры различных фильмов, они завораживали меня, как и многих других подростков, однако мое едва возникшее желание заниматься в какой-нибудь боевой секции тут же убивали на корню родители – дескать, здоровье слабое, нельзя. Поэтому мой путь к боевым искусствам был самостоятельным и очень медленным. Закончив школу и поступив в университет, я начал понемногу наверстывать упущенное. Стал тягать гантель, которую нашел у отца, ходил подтягиваться на турники. Делал зарядку. Растяжку. Посмотрел все фильмы детства и вообще все, что нашел по боевым искусствам, интересным мне. И наконец наткнулся на творчество Брюса. Если быть откровенным, первый фильм мною просмотренный – «Путь дракона», поначалу казался мне далеким от боевых искусств. Брюс, поглощающий борщ, а затем ищущий туалет – был для меня как некий фарс. Однако потом я был вынужден изменить свое мнение. Последовавшие драки сначала с бандюгами, а потом с мастерами боевых искусств, включая небезызвестного Чака Норриса, убедили меня в качестве постановки боев и возбудили интерес к другим фильмам Ли.

Далее последовали «Кулак Ярости», «Большой Босс», «Игра Смерти», и наконец, главный шедевр Брюса – «Выход Дракона». На Ютубе легко нашлись демонстрации Брюса 60-х и начала 70-х, и вот тогда я всерьез занялся самосовершенствованием физической формы. Параллельно с этим я переводил тексты и книги, и мне показалось странным, что я никак не отдал дань уважения такому великому мастеру и учителю. Вот тогда и родилась идея перевести книгу о Брюсе. Лучше официальную и интересную. Но, поскольку книга Линды 1975 года «Мужчина, которого знала только я» уже была переведена, книга 1989 года обошла внимание переводчиков, и я решил, что настал ее час. Надеюсь, вы получите такое же удовольствие от ее чтения, как я испытал при ее переводе.

С уважением, Дмитрий Семёнов

Посвящение и благодарности от Линды Ли

Посвящение

Эту книгу я посвящаю Брэндону Брюсу Ли и Шэннон Эмери Ли – двум его детям, которые принесли Брюсу больше радости, любви и возможностей для реализации, чем крылья славы и богатства, чтобы они помнили о богатом наследии, которое принадлежит лишь им одним.

Благодарности

Мне бы хотелось выразить благодарность нескольким людям, которые есть в моей жизни, это исключительно замечательные люди.

Моей маме Вивьен Дикинсон, которая приходила мне на помощь во всем и всегда. Я люблю тебя, мама.

Моей сестре Джоан, которая заботилась о моих детях как о своих собственных в первые дни после смерти Брюса. Спасибо, сестренка.

Должна упомянуть вообще всех значимых людей в нашей большой семье. Я никогда не оставалась наедине со своими проблемами, потому что была окружена любовью и поддержкой всех этих замечательных людей.

Не у многих людей есть такой хороший друг, как Ребу Хуи. Мы всегда были вместе в добрые и трудные времена, и она всегда молилась о моем счастье и душевном спокойствии.

Спасибо Адриану Маршаллу, моему адвокату, сгладившему зачастую ухаби-стый юридический путь. Его внимание к юридическим аспектам жизни и смерти Брюса позволили мне вести благополучный образ жизни.

Выражаю благодарность всем членам сообщества «Джит Кун До», которые стремились защитить образ Брюса перед лицом невзгод. Спасибо, что продолжаете искать свой путь, вместо того, чтобы слепо следовать толпе.

Выражаю признательность всем сотрудникам Охара Пабλικейшнс, в частности учредителю и хорошему другу Брюса – Мито Уехара. Охара всегда оказывали Брюсу свое журналистское почтение и отстаивали его честь во множестве ситуаций. Спасибо сотрудникам Охара, сделавшим большой вклад в публикацию этой книги, включая Гэри Саймона, Серхио Онага, Майка Ли и Джека Вона.

Моя глубокая признательность бесчисленным поклонникам и почитателям Брюса. Вы помогли донести послание Брюса по всему миру и продолжаете это делать. Мне бы хотелось поблагодарить каждого из вас лично, и надеюсь, что ответила на большинство ваших вопросов в этой книге.

- Линда Ли

Слово Чжуна Ри

Выдающийся инструктор и патриот, величайший мастер Чжун Ри, считающийся «отцом американского тхэквондо»

Имя Брюса Ли известно благодаря популяризации боевых искусств по всему миру. Когда я познакомил Америку с тхэквондо, корейским боевым искусством, в 1956-ом, оно было практически неизвестно американской публике. Фильмы Брюса Ли, от телесериала «Зеленый Шершень» в 1966-ом до знаменитого оглушительного хита «Выход Дракона», одной из самых замечательных кинокартин, вызвали огромный интерес к боевым искусствам.

Брюс Ли был человеком разумным, сильным, соперничающим и любящим. Как один из самых близких друзей Брюса я всегда буду благодарен ему за то, что он сделал для создания и важности боевых искусств в современном обществе. Его безвременная кончина в таком раннем возрасте, в 1973-ем, была не только огромной потерей для боевых искусств, но и для всего мира. Брюс Ли по-прежнему живет в нашем сознании, поскольку его дух никогда не покидал наши сердца. Я в долгу перед его вдовой Линдой, за то, что она предоставила мне возможность донести полную историю Брюса Ли до всего мира посредством этой книги.

Брюс Ли был истинным мастером боевых искусств, учителем и международным лидером. Он проложил дорогу другим мастерам боевых искусств, таким, как Чак Норрис, Джеки Чан, Ральф Маччио, и Жан Клод Ван Дамм, которые стали кинозвездами нашего времени.

Я искренне верю, что эта книга просветит многих людей по всему миру, и в особенности тех, кто занимается боевыми искусствами. Я выражаю наилучшие пожелания семье Брюса, его дочери Шэннон, его сыну Брэндону и жене Линде.

- Чжун Ри

Слово Эда Паркера

*Эд Паркер - знаменитый мастер кэмпо,
заслуженно считающийся «отцом американского каратэ»*

Брюс был поистине уникальной и редкой личностью. С самого момента знакомства с Брюсом через Джимми Ли я был впечатлен его спокойствием, скоростью, точностью и силой. Имея вес всего 145 фунтов (=65,77 кг), он вкладывал в удары руками невероятную скорость и силу. Больше всего меня впечатляла его способность «хлопать» по воздуху во время ударов руками. Когда я познакомился с Брюсом поближе, для меня стало очевидным, что он обладал исключительными качествами. Он научился вырабатывать огромную внутреннюю силу, достигнутую исключительно точной синхронизацией сознательного и бессознательного, вместе с особым дыханием и силой, поставившими его выше других высококвалифицированных бойцов. Тогда как большинство бойцов работают над улучшением своего искусства годами, его движения выглядели столь же прекрасными, как и в первый день, когда я увидел его, и оставались такими до самой его смерти. Его совершенные способности никогда не давали сбой. Единственным улучшением по части боевых искусств в его жизни были дополнительные знания, приобретенные им посредством тренировок вин-чунь.

У Брюса была невероятная способность глубоко понимать и отслеживать сильные и слабые стороны мастеров боевых искусств. Я помню, как он наблюдал за тем, как мастер боевых искусств выполняет отдельный удар ногой, на совершенствование техники которого ушло восемь лет. Затем он выполнил тот же удар ногой, который выглядел так же хорошо, как в первый раз, только во второй он был еще лучше. И хотя он никогда не выполнял этот удар ранее, невозможно было убедить других в этом. На мой взгляд, величина его таланта составляла один к двум миллиардам.

Не считая владения боевым искусством, Брюс был жизнерадостным, остроумным, интересным человеком, у него был талант привлекать к себе внимание людей. Он редко появлялся на публике, не привлекая к себе внимание. Вдобавок к этому особому харизматичному влиянию он всегда был уравновешенным, самоуверенным и временами высокомерным мужчиной. Его редкие вспышки тщесла-

вия, тем не менее, с легкостью перекрывались его высокими физическими способностями. Он выступал против традиционной головной и говорил об этом открыто. Он питал отвращение к системам, которые пропускали своих учеников как через копирку, и хотя он высказывал свои идеи и теории прямо, к сожалению, их часто неверно истолковывали.

Благодаря исключительным способностям Брюса Джимми Ли добился моей помощи. Он знал, что раз уж я отметил исключительный талант Брюса, то использую все свое влияние, чтобы помочь Брюсу добиться признания в кино и на телевидении. Мы предвидели будущее боевых искусств, в котором Брюс был звездой. Зная о присутствии множества кино- и телепродюсеров на моем первом международном чемпионате по каратэ, прошедшем в 1964 году на Лонг-Бич, штат Калифорния, я попросил Брюса продемонстрировать свои способности. Демонстрация Брюса была заснята на пленку, и после турнира я показал ее Биллу Дозьеру, который взял Брюса на роль Като в телесериале «Зеленый Шершень». Поскольку остальное уже история, я благодарен тому, что был частью жизни Брюса Ли, и для меня большая честь, что меня попросили написать это предисловие к замечательной книге о его жизни - взглядом глазами его жены Линды.

- Эд Паркер

1

Впервые я увидела Брюса в конце длинного вестибюля в гарфилдской средней школе в Сиэтле, штат Вашингтон. Мне было 17 лет, я училась в старших классах, ему было 22, и он учился на втором курсе университета Вашингтона. Я разговаривала с подружками, как вдруг подняла глаза и спросила: “Кто это?” Он был красивым, хорошо одетым парнем, носил шляпу с тонкими полями и длинное бежевое пальто, и не напоминал обычного человека в нашей школе – слишком молодой для учителя, но при этом старше и намного образованнее обычного студента. На его руке повисла приятная японская девушка, выпускница школы Гарфилда прошлого года.

Моя подруга-китаянка Сью Энн Кэй ответила мне: “О, да это же Брюс Ли, парень, у которого я беру уроки кунг-фу. Он здесь, чтобы прочитать лекцию по китайской философии на уроке мистера Уилсона”. Я была более чем впечатлена, наблюдая, как он смеется, говорит и обменивается шуточными ударами с некоторыми подростками в вестибюле. Прошло несколько месяцев, прежде чем я лично познакомилась с Брюсом.

Брюс провел лето 1963 года в Гонконге, совершив первую поездку домой после весьма поспешного отплытия в 1959-ом. За эти четыре года он превратился из мятежного юноши в ответственного молодого человека, которого с радостью встретили члены семьи. Я окончила среднюю школу, приступила к летней работе в «Сирс», и готовилась осенью поступать в университет Вашингтона.

Я бывало подшучивала над своей подругой Сью Энн по поводу той странной китайской самообороны, которой она занималась. Я никогда раньше не слышала слово кунг-фу, и даже каратэ и дзюдо были относительно малоизвестными терминами в начале 60-х. Сью Энн практически вызвала меня на слабо: “Почему бы тебе как-нибудь не прийти на урок, и не посмотреть, что это такое?”

Брюс и я перед его залом для тренировок на Университете Уэй в Сиэтле

Брюс тренирует небольшую группу учеников в крытом гараже в ранние годы в Сиэтле

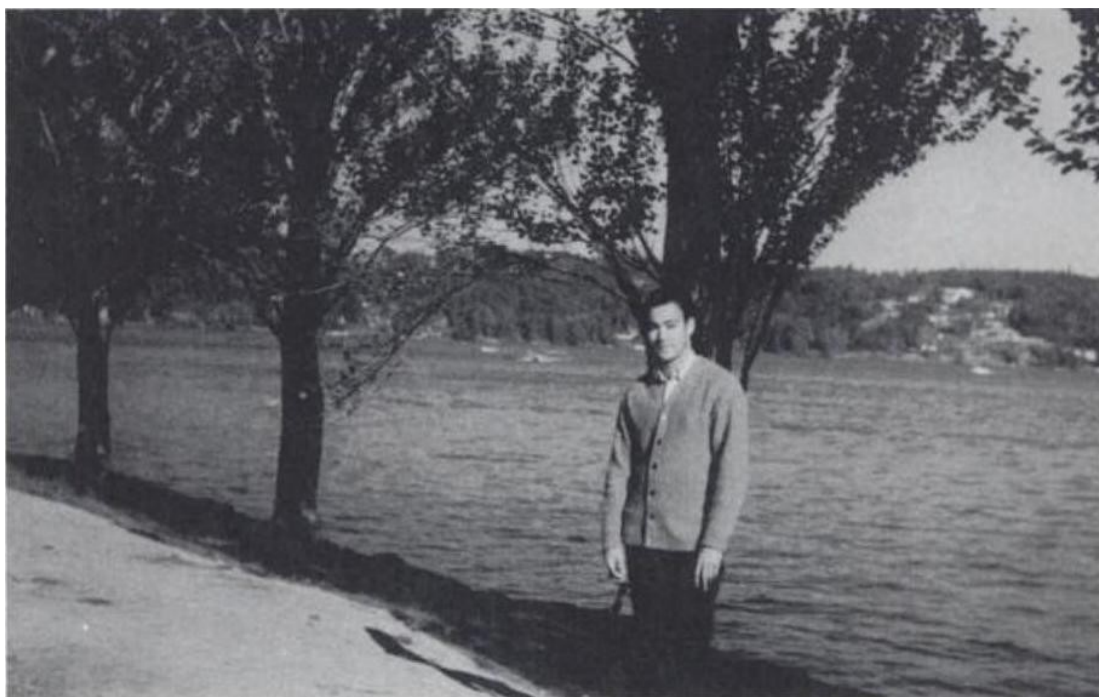
Одним воскресным утром я пошла с ней в китайский квартал. Мы вошли в здание через створку двери, выходящую на тротуар, спустились по лестничному пролету выцветших, темных ступенек и вошли в подвальное помещение с бетонными стенами, голыми лампочками без каких-либо иных элементов декора. Я подумала: “Бог мой! Во что я себя втягиваю?” Не последний раз, когда у меня возникали подобные мысли.

Тем не менее, атмосфера в этой комнате была веселой и располагающей. Около десятка людей разговаривали и делали растяжку, готовясь к началу занятия. Сью Энн отдала честь своему сифу (инструктору) Брюсу, и он подошел, чтобы поприветствовать нас. Он представил меня классу и затем начал обучать. Меньше всего я подозревала, что почти год отделяет это воскресное утро от того дня, когда я выйду замуж за Брюса Ли.

Я начала регулярно заниматься. Однако уроки были чем-то большим, чем просто изучение техники в спортзале. В них также присутствовал социальный элемент. Брюс всегда был другом для своих учеников, и как-то воскресным утром после тренировки мы все отправились на обед в китайский ресторан. Что и стало моим знакомством с настоящей китайской едой. До этого времени китайская еда ограничивалась чоп-суи (китайское рагу с грибами и острым соусом), чоу-мейн (китайское рагу из курицы или говядины с лапшой) с хрустящими макаронными изделиями и сахаром в чае. Когда Брюс впервые увидел, как я кладу сахар в китайский чай, он едва не поперхнулся. Я съела первый китайский гамбургер и другие небольшие закуски под названием дим-сум, которые обычно подают на китайский обед. С того момента я изменила свои взгляды на жизнь. После долгого веселого обеда (Брюс смешил меня до коликов в животе) мы все отправились в кинотеатр в китайском квартале. Мы смотрели японские фильмы про самураев, кажется «Санхуро» или «Сатоичи», «Слепое Фехтовальщика», и все это время Брюс обстоятельно комментировал происходящее на экране. Еще одним китайским фильмом, который мы посмотрели в тот день, был «Сирота», последний фильм, в котором снялся Брюс перед отъездом из Гонконга. До этого я едва ли знала, что у Брюса был актерский опыт. Он никогда не придавал особого значения тому факту, что был юной звездой в Гонконге. А теперь он был на экране кинотеатра в ки-

тайском квартале Сиэтла. Я поняла, что этот человек был чем-то большим, чем я себе представляла.

Может показаться странным, что меня вдруг привлекла азиатская культура. В конце концов я была голубоглазой блондинкой с английскими и шведскими корнями, родившейся и выросшей на тихоокеанском северо-западе, получив протестантское образование от матери со строгими англо-саксонскими взглядами. Но на самом деле все было не столь странным, когда я вспоминаю об этом. Моя средняя школа располагалась во внутренней части города, и даже в конце 50-х была на 40% черной, на 40% белой и на 20% азиатской. Многие из моих подружек были японками и китаянками. У них дома меня встречали с тем же гостеприимством, что и их у меня. Я даже встречалась с наполовину японцем в течение недолгого времени, пока моя мама не поставила свою печать неодобрения на этих отношениях. С девушками проблем не возникало, но с парнями это определенно было именно так – в нашей семье это было неприемлемо. Мой отец умер, когда мне было пять лет, и воспитание моей старшей сестры и меня легло на плечи моей матери. Это была непростая задача, поскольку теперь моей бедной маме пришлось столкнуться с настоящими проблемами.

Брюс на берегу озера Вашингтон

Брюс перед колоннами амфитеатра в кампусе университета имени Вашингтона, где он пригласил меня на наше первое свидание

*Брюс ведет занятия в своем тренажерном зале на Университете Уэй.
Второй слева - помощник инструктора Брюса, Таки Кимура.
Рядом с ним Чарли Ву и Сью Энн Кэй*

Я в костюме группы поддержки в гарфилдской средней школе

В сентябре 1963 года я поступила на первый курс в университете Вашингтона, где у Брюса начался третий курс, и он выбрал в качестве специализации философию. Многие из изучавших кунг-фу также посещали университет, что позволяло продолжать наши занятия на еще более частой основе. Практически каждый день во время ланча Брюс устраивал прием в Хабе (здание студенческого клуба). Там постоянно находилась группа друзей и поклонников, сидевших вокруг Брюса. Он привлекал всеобщее внимание своими философскими излияниями, шутками, вызывающими громкий смех, и больше всего остального, своими завораживающими демонстрациями кунг-фу.

Брюс и Джеймс Ли

Брюс и Таки Кимура

Вдобавок к привлечению большого внимания к своей персоне, Брюс также привлекал новых учеников. Более того, он упрашивал университет позволить ему проводить официально утвержденные занятия в тренажерном зале, и этими действиями он также создавал себе репутацию. Он производил в кампусе такую сенсацию, которую в последующие годы воспроизведет с той же точностью на более масштабном уровне. Позже, когда Брюс проводил демонстрации в университете, он привлек одних из самых преданных учеников из рядов спортивных команд. Его высоко ценили игроки в футбол и другие спортсмены, чьей первой реакцией было, что этот маленький китаец не сможет их тронуть. Ряд людей, с которыми Брюс вступил в контакт в университете Вашингтона, был миниатюрным изображением того, чему было суждено произойти в будущем. Его уважали профессора, которым было мало дела до боевых искусств, как и члены студенческого сообщества, относившиеся с уважением к его чрезвычайно тренированному телу.

Брюс и на меня производил огромное впечатление. Меня записали на медицинский курс, поэтому у меня было много занятий по естествознанию. Тем не менее, я всегда находила время, чтобы посидеть в Хабе, и с течением времени начала периодически прогуливать, чтобы быть рядом с Брюсом. Мой первый год обучения в колледже практически обернулся катастрофой. Учеба и все большее притяжение к Брюсу были не совместимы. Но на этот раз я не понимала, что происходит, и кроме того я не думала, что Брюс когда-нибудь оценит меня с романтической стороны. Он был настолько привлекательным и обаятельным, что мог делать свой выбор относительно свиданий. Несмотря на это, я была рада просто быть частью группы студентов, занимавшихся кунг-фу.

Одним из наших любимых занятий в школе были прогулки к большой прямоугольной площадке на траве, использовавшейся для проведения концертов на открытом воздухе. Она была окружена деревьями и прекрасными греческими колоннами с другой стороны. Целая группа нас ходила туда заниматься кунг-фу, где нам было предоставлено множество свободного места и мягкая трава в случае падения. Как-то днем мы с Брюсом бежали с одного конца площадки к другому, и когда группа остальных студентов осталась позади, он толкнул меня на землю. Я думала, что он собирается показать мне новый прием, но вместо этого он удержал меня от падения, и когда я перестала смеяться, спросил меня, не хочу ли я пообедать с ним в Спейс Нидл. Я на секунду задумалась и спросила: "Ты хочешь сказать,

мы все пойдем?” И он ответил: “Нет, только ты и я”. У меня не было слов, хотя я сумела найти силы, чтобы сказать: “Да”.

Брюс по прибытию в Гонконг – это его первая поездка домой после четырех лет, прожитых в Соединенных Штатах, лето 1963 г.

25-го октября 1963-го вечером состоялось наше первое свидание. Брюс забрал меня у подруги на своем черном Форде '57-го года. Моя мама никогда бы не отпустила меня на свидание с ним, поэтому я миновала это препятствие на некоторое время. Я взяла у подруги платье и плащ, потому что у меня не было ничего подходящего из одежды для модного ресторана. Спейс Нидл построили в Сиэтле к всемирной выставке 1962-го года, и его смотровая площадка и вращающийся ресторан возвышались над всем городом. “Модный” - подходящее слово для описания внешнего вида Брюса. Когда он приехал на наше свидание, он был одет в черный итальянский шелковый костюм, пурпурную рубашку и черный галстук. Его волосы были приглажены по бокам, а прядь волос свисала со лба. Он выглядел так похоже на моего кумира Джорджа Чакариса, лидера Шаркс в «Уэтсайдской Истории», что я просто не смогла устоять.

Я нервничала по поводу того, смогу ли я продолжить разговор с роскошным мужчиной, когда теперь я осталась с ним наедине и не чувствовала себя в безопасности группы учеников. В наших отношениях появился новый элемент. Однако мои опасения были напрасными, поскольку Брюс раскрепостил меня. Он всегда мог говорить за нас обоих, и даже в последующие годы, когда у меня не было слов, он заполнял неловкие паузы. За обедом меня поразила история жизни Брюса и его планы на будущее. У меня мелькала мысль спросить его, почему он выбрал именно меня для этого романтического вечера, но я была слишком стеснительна, чтобы завести об этом разговор.

В завершение вечера Брюс подарил мне сувенир. Эта была крошечная скандинавская кукла-пупс, изображавшая тролля. Брюс взялся заплетать кукле волосы в косички. Я была рада, потому что мгновенно поняла значение подарка. Она была похожа на меня, когда я заходила в здание студенческого союза с мокрыми волосами, заплетенными в косички после занятий по плаванию. Брюс лучше всех умел делать подарки - он всегда привносил в подарок что-то от себя, как когда у него не было денег, так и тогда, когда он мог себе позволить быть более расточи-

тельным. Наше свидание завершилось легким поцелуем, когда Брюс высадил меня у дома. Так завершился этот замечательный вечер.

Name 姓名 LINDA EMERY No. 0008
Address 地址 2332 11TH E. PERMANENT MEMBER
RANK

	5
	6
3	7
4	8

Signature Linda Emery

Моя членская карточка института Чжун-Фан Гунфу

Осенью 1963-го Брюс перевел институт Чжун-Фан Гунфу на Университи Уэй, 4750, рядом с университетским кампусом. Теперь он был убежден, что сможет зарабатывать себе на жизнь в качестве инструктора по кунг-фу, и в его планы на будущее входило открытие школ в различных местах по всей стране. Новое помещение составляло 3 000 квадратных футов и занимало весь первый этаж здания. В нем была огромная общая душевая, примерно 10 на 15 футов с большим количеством леек, выступающих из стены. Видимо предполагалось, что душевыми в этом тренажерном зале будет пользоваться лишь один пол (мужской или жен-

ский) в отдельно взятое время. Брюс любил включать все лейки одновременно и превращать душевую в парилку.

*Первокурсницей я занималась кунг-фу у Брюса.
На этом фото я стою перед тренажерным залом на Университете Уэй*

Брюс в Сиэтле 1963 г.

В конце тренажерного зала находилась комната, которую Брюс использовал как спальню. У него был прекрасный комплект мебели из тикового дерева, который он привез из Гонконга прошлым летом. Что забавно, в спальне Брюса не было окон. Когда ты заходил в заднюю дверь, рядом с дверью также не было выключателя. Приходилось брести вслепую по комнате в крошечной тьме в поисках света. Можно было вечно блуждать по комнате, потому что отсутствие солнца не позволяло узнать точное время дня. Иногда я подвозила Брюса утром в университет, и он все еще спал, потому что в комнате было так темно, что он и понятия не имел, который был час.

То был единственный раз в нашей жизни, когда мы с Брюсом подсели на мыльную оперу. Для нас это практически превратилось в ритуал. Каждый день после университета мы бежали к нему и добирались к началу «Дженерал Хоспитэл». Затем Брюс отвозил меня обедать в китайский ресторан, в котором он знал повара, старого А Сэма. Почти каждый раз мы заказывали одно и то же - говядину под устричным соусом и креветки под соусом из черных бобов. Это было великолепно - мои вкусовые рецепторы становились такими же, как у китайцев. К сожалению, мне приходилось ехать домой и со своей семьей снова съесть весь обед. Моя мать начала думать, что я страдаю анорексией, так как ем такими маленькими порциями. Я всегда была худощавым ребенком, и она была убеждена, что я должна съесть ужин полностью. Так как она не знала, что я встречаюсь с Брюсом, все это начало перерастать в неприятную ситуацию, и я была в затруднении, как с ней справиться. Мне не нравилось обманывать свою маму, но еще меньше мне не нравилась идея не иметь возможности видеться с Брюсом, и я знала о глубоком возмущении, которое мама испытывала по этой части. Это был один из тех моментов в жизни, когда нет удачных решений, поэтому на некоторое время я просто отложила его в сторону. Поскольку мы с Брюсом практически постоянно находились вместе, потребовалось немало ухищрений и небольшая помощь друзей. Разумеется, это не могло продолжаться вечно, и в скором времени все могло перерасти во взрывоопасную ситуацию. Моя успеваемость скатывалась в пресловутую трубу. Учеба в моей жизни занимала отнюдь не первое место. А у Брюса вообще не было проблем - он мог «нарезать» сочинения по философии даже во время рекламы. Его знания английского были практически совершенными с точки зрения грамматики. Они были определенно лучше моих, потому что он знал все правила наизусть, изучая английский как второй язык.

Мои родители – Эверетт и Вивьен Эмери

Когда я попала в затруднительную ситуацию и начала отставать по учебе, Брюс помогал мне писать письменные работы по английскому. От него было мало помощи в химии или математике, но писал он хорошо. Кроме того я говорила ему, что именно по его вине я не делала вовремя свои задания. Он мог лишь улыбнуться, соглашаясь.

Обучаясь в университете Вашингтона, Брюс поддерживал отношения с одним близким другом Джеймсом Йиммом Ли, специалистом и инструктором по кунг-фу в Окленде, штат Калифорния. Брюс встретился с Джеймсом мельком в 1959-ом, когда он впервые приехал в Соединенные Штаты и остановился на пару

месяцев в районе Залива, давая уроки по ча-ча-ча. У Джеймса и Брюса был общий интерес в кунг-фу, и они провели вместе немало времени, сравнивая различные техники и философские взгляды. Когда Брюс переехал в Сиэтл, чтобы посещать университет, они с Джеймсом по возможности продолжали видеться друг с другом.

К июню 1964-го, под конец третьего курса, у них с Джеймсом появились планы по открытию второго филиала института Чжун-Фан Гунфу в Окленде. Брюс решил, что ему нет необходимости заканчивать университет, по крайней мере не в тот момент, и что лучше осуществить свои основательно продуманные планы по открытию филиалов своей школы. Под конец учебного года Брюс отказался от аренды помещения на Юниверсити Уэй, 4750 и договорился с Таки Кимура проводить свои занятия в качестве главного инструктора филиала института Чжун-Фан Гунфу в Сиэтле. Его мебель и остальное имущество переправили в Окленд, и он продал свою машину из-за нехватки денег. Я наблюдала за его ураганной активностью с беспокойством, задаваясь вопросом, как мне вписаться в этот генеральный план.

Отвозя Брюса в аэропорт на рейс в Окленд, я по-прежнему не знала ответа на этот вопрос. Как и сам Брюс. Сама идея серьезных намерений пугала его до смерти. Он хотел быть финансово обеспеченным перед тем, как принимать на себя ответственность за жену и семью. Мы поговорили о браке, но уже позже, спустя некоторое время.

Моя мать Вивьен Дикинсон

Мой отчим Поп - Уиллард Дикинсон

Готовясь сесть на самолет, Брюс мог прочитать все, что я чувствую, у меня на лице. Он сказал просто: “Я вернусь”, а потом улетел. У меня было такое чувство, будто земля ушла из-под ног. А что если я никогда его больше не увижу? А что если он добьется большего и лучшего, а воспоминания обо мне затеряются в суматохе? Эти мысли мелькали у меня в мозгу. Мы не давали обещаний друг другу. Брюс не хотел давать обещаний, пока не “создаст” себя. Он считал, что важно иметь финансовую опору перед тем, как он будет готов завести жену и детей. Вспоминая прошлое, я рада, что он не решил ждать вечно, в противном случае Брэндон и Шэннон могли так и не появиться на свет.

Лето 1964-го было летом писем. Брюс все лето ежедневно писал, выражая свои желания и беспокойства. Я арендовала почтовый ящик в центральной части Сиэтла, где получала письма Брюса, потому что не могла им позволить приходить ко мне домой. Мне казалось, что теперь не было нужды рассказывать маме о Брюсе, потому что он мог никогда не вернуться.

Брюс во времена Като. Китайский иероглиф под автографом на английском в переводе означает «дракон».

Наконец Брюс написал, что хочет, чтобы я поехала с ним, и что он вернется в Сиэтл, чтобы забрать меня. Если это звучит как одностороннее решение, думаю, так оно и было. Я знала, что хочу быть с этим человеком навсегда. Решение было за Брюсом, сможет ли принять идею свадьбы. Брюс отдалился на два с половиной месяца, что дало ему время, чтобы все обдумать. Само собой, я была счастлива, ликовала, была в экстазе. За исключением... проблемы с семьей, особенно с мамой. Не за горами была очень деликатная ситуация, полная гнева и обиды. Брюс был очень обеспокоен реакцией моей семьи. Фактически это была одна из причин,

почему он так долго колебался с ответом. Он понял, даже лучше, чем я сама, что когда женишься на женщине, ты также женишься на ее семье. Он не хотел вступать в брак с нависающей тучей в виде отказа семьи принять наше решение. Но мы оттягивали этот вопрос так долго, что теперь он стал чрезвычайно трудным. Однако мы были молоды и влюблены, и любовь победила - мы решили стойко встретить трудности. У меня были ужасные ощущения по этому поводу, но я знала, что женитьба с Брюсом была верным шагом.

Брюс тренируется на холмах в Гонконге – 1963 г.

Мы с Брюсом сошлись на трусливом выходе из ситуации. Мы поженимся, сбежим в Окленд, а потом позвоним моей маме и расскажем ей об этом. Мой друг сделал так же пару месяц назад, и когда страсти улеглись, все остались живы. Это был мерзкий план, и я боялась. У Брюса было больше чувства истории и лучшее представление о том, какая реакция будет у моей матери, и он уверил меня, что все будет хорошо. Его слова оправдались. Его никогда не радовало утаивание наших отношений, но он согласился смириться с этим на время ухаживаний.

Брюс вернулся в Сиэтл в среду, 12 августа, и мы отправились в здание суда графства Кинг, чтобы обратиться за разрешением на вступление в брак. Помимо вынужденного трехдневного периода ожидания, существовала большая проблема, которую мы не предусмотрели. Во-первых, мы не знали, что имена тех, кто подает заявление на вступление в брак, публикуются в газете. Во-вторых, старые тетушки это тот тип людей, которые читают раздел о статистике брака в газете. В частности, моя тетушка Салли, которая позвонила моей маме, чтобы рассказать ей, что Линда К. Эмери и Брюс Чж. Ф. Ли объявили о своем намерении пожениться. Кошке не только вынули из мешка, она теперь сидела на колене моей матери.

Моя мать позвонила семейному знахарю. Мои тетя и дядя приехали из Эверетта. Мы с Брюсом были приглашены на ковер для объяснения ситуации. Нам ничего не оставалось кроме как раскрыть свои планы. Весь день семья старалась отговорить нас от этого глупого поступка. Их аргумент состоял в том, что если подождать, не случится ничего страшного, и это даст нам время проверить наши чувства. Но мы с Брюсом уже это сделали - если кому и требовалось время, так это семье. Моя мать чувствовала обиду и злость, что я, ее ребенок и круглая отличница, на которую она возлагала такие большие надежды, собиралась сбежать с неудачником китайским инструктором по кунг-фу. Когда я пишу это, мои дети старше, чем я, когда предоставила своей матери такую информацию, и могу с готовностью понять ее чувства. Больше всего, разумеется, было то, что я обманула ее. Ни Брюс, ни я не гордились этим фактом.

Никогда не ставился вопрос, нравится ли Брюс моей семье. Они просто не знали его. Большой проблемой был межрасовый аспект. Они считали, что мы станем жертвами предрассудков общества, так же, как и наши дети. Мои тетя и дядя были очень религиозными, и считали, что смешение рас омерзительно. Я же, наоборот, искренне верила, что Бог благословит наш союз. Моя мама страдала больше, чем все остальные.

Кто-то может подумать, что из-за всей этой суматохи у нашей свадьбы получилось неудачное начало. Я склонна верить, это лишь усилило наше намерение стабилизировать этот союз. Допрашивая нас с такой тщательностью и заставляя нас объяснять наши чувства друг к другу вслух, моя семья по сути выполняла роль добрачных консультантов. В конечном счете, мы были убеждены больше чем когда-либо, что поступаем правильно.

Брюс прожил в Соединенных Штатах пять лет, обеспечивая себя сам, и привык принимать решения самостоятельно. Кроме того, его мама была наполовину европейкой, так что в его семье расовый барьер ломался уже не первый раз. Брюс написал своей семье, извещая их о своих планах, даже притом, что они хотели, чтобы он женился на китайке, тем не менее, они рады были принять меня в свою семью. В первый раз они услышали о наших отношениях из писем Брюса, но они верили в его благоразумие. Думаю, они всегда знали, что несмотря на трудности, которые переживает молодой человек в Гонконге, он был умным человеком с хорошим чувством что хорошо и что плохо в общепринятом смысле.

И хотя у моей мамы были плохие предчувствия относительно моего будущего счастья, я должна отдать ей должное за то, как правильно она повела себя в этой ситуации. Что сделано, то сделано. В последующие месяцы и годы она начала нежно любить Брюса и приняла его как члена нашей семьи. Она часто приезжала к нам, когда мы жили в Лос-Анджелесе и Гонконге, и была рада рождению наших детей Брэндона и Шэннон. Сегодня я уверена, что она и представить себе не мо-

жет, что у нее когда-нибудь возникнут причины для беспокойства о нашем счастье.

Еще тренировки в Гонконге

2

“Сколько себя помню, я чувствовал огромную творческую и духовную силу, которая намного больше, чем вера, честолюбие, уверенность, решимость, проницательность. Все это вместе взятое. Мой разум становится словно загипнотизированным этой доминирующей силой, которая находится в моих руках” - Брюс Ли

Ли Хой Чуэнь держит Брюса (ему три месяца) в дебютном фильме

Брюс родился в год дракона, в час дракона (между 6 и 8 часами утра) 27 ноября 1940 г. С самого начала было очевидно, что он незаурядный и особенный ребенок, обладающий огромной кипучей энергией.

Он появился на свет в сан-францисской больнице Джексон Стрит у мистера и миссис Ли Хой Чуэнь. Его отец, известный в кантонской опере Гонконга актер, находился в то время на американских гастролях. Мать Брюса, Грейс Ли, наполовину немка и католичка, назвала его Ли Чжун Фан, что в переводе значит “вернись снова”, потому что ей хотелось, чтобы однажды он вернулся в Соединенные Штаты на постоянное место жительства. Одна из нянечек в больнице предложила английское имя Брюс, но это имя никогда не употреблялось в семье до его поступления в гонконгский колледж Ла Салль много лет спустя. Дома его всегда звали женским именем Сай Фон (маленький феникс). Мистер и миссис Ли потеряли своего первого сына, и по китайской традиции, когда рождаются будущие сыновья, к ним часто обращаются женским именем, чтобы запутать духов, которые могут украсть их души.

Крошка Брюс

По всей вероятности в Соединенных Штатах не так много людей, которые могли бы заявить о схожести домашней атмосферы детства Брюса со своей. В начале 1941-го, когда родители Брюса вернулись в Гонконг, в трехкомнатную квартиру на Натан Роуд, 218, Коулун, семейство Ли состояло из мистера Ли, его жены Грейс, двух сестер Брюса Фебы и Агнес, брата Питера, к которым позже присоединился его младший брат Роберт. С тем же успехом Брюс мог бы разбить палатку на центральном вокзале Нью-Йорка.

Не считая близких членов семьи эта квартира также служила домом для невестки мистера Ли и пятерых ее детей. После смерти своего брата мистер Ли, как и положено по китайскому обычаю, забрал всю семью в свой дом и заботился о них как о своей собственной. Учитывая прислугу и сына одного из слуг, получается, что почти 20 человек теснились в одной квартире, вместе с разнообразными собаками, кошками, птицами и рыбками.

Можно представить себе ужасающую сцену за семейным обеденным столом, не говоря уже об утренних криках в единственной ванной комнате. Хотя Брюс не понимал этого в то время, по всей вероятности именно в семействе Натан Роуд зародились ростки джит кун до, чтобы позже дать начало основам эффективности, экономии движения и простоте. В любом случае я бы предположила, что в большинстве случаев философские и духовные исследования Брюса характера своей внутренней сущности перебивали более значимые диалоги вроде: “Поторопись, Брюс, твоя очередь пользоваться ванной!” Несмотря на это, наставник Брюса, и соответственно его направление в жизни должны быть найдены где-то еще за пределами его родного дома.

Именно благодаря связям отца Брюс в конечном счете стал детской кинозвездой. Его отец бывало водил его за кулисы в театрах, и часто брал его с собой на гастроли в континентальный Китай во время школьных каникул. По возможности Брюс болтался на съемочной площадке, когда его отец работал над очеред-

ным фильмом. В молодом возрасте отец Брюса был удивительно красивым человеком с очень динамичной сценической игрой. Брюс любил и уважал своего отца, возможно, даже боготворил, а временами боялся его. Что касается его собственных актерских способностей, очевидно, что с самого начала Брюс обладал своим огромным природным даром, равно как и большой любовью к гриму.

Дети Ли. Слева направо: Роберт, Агнес, Брюс, Питер, Фиби

Немногие сделали такую большую кинокарьеру в столь раннем возрасте, как Брюс. Ему едва исполнилось три месяца, когда он появился в китайском фильме, снятом в Сан-Франциско, хотя Брюс считал профессиональным дебютом на экране свою роль в «Начале человечества», снятом в Гонконге, когда ему исполнилось шесть. Ему было восемь, когда он сыграл свою вторую роль – под именем Ли Сиу Лунг (маленький дракон Ли), под именем, под которым он стал известным в Гонконге и китайских кинокругах юго-восточной Азии. К 18 годам Брюс сыграл в 20 фильмах, включая главную роль в своем последнем фильме в качестве детской кинозвезды – «Сирота».

Всякий раз, когда Брюс работал поздно ночью или получал ранним утром звонок по поводу съемок, вспоминает мать Брюса: “Ему это очень нравилось. В два часа утра я кричала ему: ‘Брюс, машина приехала’, и он вскакивал, обувал туфли и в очень приподнятом настроении уходил. Не возникало проблем с тем, чтобы поднять его с постели, когда дело касалось фильма. Однако когда мне приходилось по утрам будить его в школу, это была совсем другая история”.

Отец Брюса, Ли Хой Чуэнь

Семейство Ли

Хотя ребенком Брюс уважал и любил своего отца, их отношения отца и сына не основывались на воспитании и участии. Одна из причин тому заключалась в напряженном графике Ли Хоя, из-за которого он часто находился вдали от Гонконга. Мистер Ли был по большей части отсутствующим родителем. Трудно сказать, как это повлияло на Брюса-ребенка, но вспоминая взрослую кинокарьеру Брюса, я понимаю, что из всех проблем, с которыми он сталкивался, когда был вынужден находиться вдали от дома, величайшим мучением была для него разлука с семьей.

Кроме того, что был отсутствующим отцом, Ли Хой Чуэнь также был лицензированным курильщиком опиума. Поэтому, возвращаясь домой в Гонконг, он часто отсутствовал для Брюса с точки зрения сознания. В течение своей жизни Брюс редко баловался даже самыми слабыми алкогольными напитками, и я считаю, что истинные причины тому коренятся в его воспитании, а также в его желании быть физически здоровым и всегда находиться в хорошем состоянии.

В конечном счете стало очевидно, что отражение личности Брюса, и что еще важнее, его направление в жизни нельзя было найти ни в раннем периоде карьеры шоу-бизнеса, ни в его семейной жизни.

В школе Брюс был никем иным, как жадным до знаний учеником. Говоря простыми словами, для него просто оказалось невозможным следовать обычному формату государственного образования, как и позже в своей жизни он не смог следовать канонам боевых искусств. Хотя Брюс проявлял умеренный интерес к истории и обществознанию, он терпеть не мог математику и точные науки. Как в шутку говорит его мать: “Когда ему исполнилось десять, он как раз и мог сосчитать до десяти”.

После китайских общеобразовательных школ в возрасте 12 лет Брюс поступил в колледж Ла Салль. Ла Салль - католическая школа для мальчиков. Занятия велись на английском языке, несмотря на то, что большинство мальчиков – китайцы и не имели англоговорящего окружения, как это было в случае Брюса. Говоря научным языком, успехи Брюса в Ла Салль в лучшем случае были средними. Думаю, что его волнения в тот момент жизни увеличивались, и в результате у него в школе неоднократно возникали проблемы. Брюс не мог найти направление в своей жизни в образовательном стандарте. Когда кипучая сила продолжала бушевать внутри него, он сделал то же, что и многие подростки, борющиеся за свою индивидуальность, делали в смутные времена – Брюс обратился к улице и группе сверстников.

Вспоминая ранние годы Брюса, и обдумывая многие мысли, которыми он делился со мной, становится очевидным, что юношей его чрезвычайно беспокоила невозможность найти духовного наставника. Ему требовался наставник, который помог бы ему найти направление, в которое было необходимо направить его особенную и невероятную энергию. И он часто отмечал в последующие годы: “Хороший учитель – это своеобразный проводник истины, который выявляет уязвимости своего ученика, заставляя его изучать себя как внешне, так и внутренне, и в конечном счете становится с ним одним целым”.

Грейс - мать Брюса

Брюс – юный гонконгский актер на съемках «Сироты»

Брюс сыграл роль юного преступника в «Сироте» - последнем фильме в роли детской гонконгской кинозвезды – приблизительно 1958 г.

Брюс читает сценарий, ранний этап карьеры. Обратите внимание на напряжение на его лице, характеристику, которая позже станет его отличительной чертой в зрелых ролях

В 1940-х британская королевская колония Гонконга, с городом Коулуном и его пригородами в Новых Территориях, была густонаселенным, тесным местом, где людям приходилось ожесточенно бороться, чтобы выжить. Брюс провел там свое детство во время японской оккупации во Второй Мировой Войне. Однажды

он вскарабкался на Натан Роуд, чтобы демонстративно потрясти кулаком японскому самолету, пролетающему над головой. Более того, он пережил беспокойные и опасные годы, последовавшие за торжеством коммунизма на континентальном Китае, когда постоянный поток беженцев, многие из которых бежали из-за голода, влился в колонию.

Ватаги молодых китайцев бродили по улицам Коулуна, ища приключения там, где могли их найти. Брюс, со своей чрезмерной энергией и боевой доблестью, очень скоро оказался в одном ряду с сильнейшими. В интервью журналу «Черный пояс» в октябре 1967-го он рассказал: «Я был шпаной и искал с кем подраться. Мы использовали цепи и шариковые ручки с ножами, скрытыми внутри». Его семья вспоминает, как Брюс прятал это оружие в кладовке. Брюс, выходя на улицу, часто носил с собой цепочку от туалетного бачка, обмотанную вокруг пояса. Тем не менее, это оружие по большому счету использовалось для бравады, чем для чего-то еще. Брюс предпочитал использовать кулаки. Его братья вспоминают, что если Брюсу кто-то не нравился, он говорил об этом прямо в лицо, и это означало, что у этого парня появились большие проблемы. Бои начинались из-за пустяка или вообще без повода. Провокации служили общим поводом к драке. Брюс наезжал на очередного подростка на улице, и оба парня начинали тарашиться друг на друга» - он бывало говорил своим братьям и другим родственникам, что никто не мог выдержать его взгляд.

Когда съемочная группа «Выхода Дракона» в начале 1970-х отправилась в Гонконг, Джим Келли был удивлен высоким уровнем преступности и жестокостью подростковых банд. В интервью журналу «Бойцы в мире звезд» он сказал следующее: «Я считал жестокими подростковые банды в Соединенных Штатах, но они просто ручные по сравнению с гонконгскими. Банды, по-моему, они называются триадами, просто ужасны».

Объясняет сам Брюс: «Этим подросткам просто нечего ждать от будущего. У белых подростков (британцев) была самая лучшая работа, а остальным приходилось работать на них. Именно поэтому большинство подростков стали шпаной. Жизнь в Гонконге настолько плоха. Подростки, живущие в трущобах, никогда не смогут вырваться из этого преступного круга». В течение своей взрослой кино и телекарьеры Брюс был большим героем для гонконгских подростков.

Большая часть учеников, посещающих колледж Ла Салль, были китайскими католиками, и между ними и британскими школьниками, посещающими школу имени короля Георга V, расположенную на холме, было острое соперничество. Гонконгские китайцы недолюбливают британцев, и понятное отношение во взглядах истории колонии и отношениях основано на расовом превосходстве и неполноценности. После школы Брюс и группа его школьных китайских приятелей собирались на холме, чтобы высмеивать англичан, что неизбежно выливалось в порой довольно ожесточенные драки.

Вскоре после поступления в колледж Ла Салль, Брюс однажды пришел домой и сказал матери, что хочет обучаться боевым искусствам. Он сказал, что его дразнили после школы, и он хочет научиться правильно защищаться. Его отец занимался тайцзыцюань, медленно выполняемой серией упражнений и движений. Брюс занимался тайцзы вместе с отцом всего один или два раза, но медлительность движений не соответствовала характеру Брюса. Мама отнеслась с пониманием и согласилась платить за обучение. Его учителем стал известный мастер Ип Ман, специалист по искусству вин-чунь.

Брюс позирует на мотоцикле – раннее свидетельство его пристрастия к быстрым средствам передвижения

Единственный учитель Брюса Сифу Ип Ман, мастер системы вин-чунь кунг-фу

Сифу Ип Ман держит на руках крошку Брэндона, 1965 г.

Со дня знакомства с Ип Маном Брюс принялся за обучение кунг-фу с неистовой энергией. Когда у него в чем-то возникал интерес, он приобретал первобытную силу – его желание обучаться и побеждать становилось страстью, а преданность кунг-фу была просто безграничной. Тогда как остальные ученики могли пропускать занятия, Брюс ежедневно занимался после школы. Степень одержимости Брюса поражала его сверстников. Казалось он жил кунг-фу. Вот он глубоко погружен в свои мысли; а в следующий момент он уже на ногах, стараясь реализовать идеи, которые мелькают у него в голове. Идя по улице, он удивлял прохожих, совершая удары руками и ногами по листьям на деревьях. Дома во время обеда он молотил то одной, то другой рукой по табуретке рядом с собой, чтобы сделать свои руки более жесткими и увеличить силу мускулов.

В течение первых двух месяцев жизни Брюса называли Мо Сы Тунг (непоседа). От восхода до заката он был просто ураганом любопытства. Спустя время, ради сохранения собственной жизни члены семьи обнаружили, что единственный способ умерить пыл Брюса это дать ему книгу для чтения. И он любил читать, часами напролет.

Если и было что-то, что Ип Мэн дал Брюсу, что могло определить направление Брюса в жизни, то это был интерес молодого ученика к философским учениям Будды, Конфуция, Лао Цзы, основателей даосизма и других великих восточных мыслителей и духовных лидеров. В результате разум Брюса стал квинтэссенцией мудрости этих учителей, в частности, но не исключал глубокое изучение принципа инь-ян. Инь-ян обычно изображается в виде символа из двух рыб. Основы этого принципа остались в Брюсе и сопровождали его в течение всей взрослой жизни. Следующие отрывки взяты из нескольких сочинений на английском, написанных Брюсом во время учебы в университете Вашингтона:

“Слово тайцзы (в переводе «великий предел») было впервые употреблено Чоу Чунем более 3000 лет назад. Принцип ян (белизна) олицетворяет положительность, твердость, мужественность, материальность, тьму, ночь, холод и так далее.

Основная идея тайцзы состоит в том, что нет ничего вечного, все подвержено изменениям. Другими словами, когда действие достигает наивысшей точки, оно становится бездействием, а бездействие перетекает в инь. Действие – причина бездействия, и наоборот. Система взаимодополняющих друг друга роста и спада непрерывна. С ее позиций можно увидеть, что две силы, которые на первый взгляд конфликтуют, на самом деле взаимозависимы; вместо противодействия между ними наблюдается взаимодействие и чередование.

Применение принципов инь и ян в гунфу выражается законом гармонии. Он гласит, что каждый должен находиться в гармонии, а не в противостоянии, с силой и мощью противостояния. Это означает, что никто не должен делать то, что не естественно или спонтанно. Важно не злоупотреблять ни в том, ни в другом направлении. Когда противник А применяет силу (ян) к противнику Б, Б не должен отвечать ему силой; другими словами, не используй положительность (ян) против положительности (ян), а вместо этого уступи ей мягкостью (инь) и направь ее в сторону собственной силы, негативность (инь) в положительность (ян). Когда сила А достигает наивысшей точки, положительность (ян) меняется на негативность (инь), Б подстерегает его в момент незащищенности и атакует силой (ян). Таким образом, весь процесс проходит без неестественных движений и перенапряжения. Б подстраивает свое движение последовательно и гармонично под А, не используя сопротивления и не прикладывая больших усилий.

Закон гармонии дал начало тесно связанному с ним закону, закону невмешательства в природу, который учит человека, занимающегося гунфу, забыть о себе и следовать за своим соперником (силой), вместо того, чтобы обратиться к себе; он не движется вперед, а отвечает на соответствующее действие. Основная идея - победить соперника, приспособившись к нему и используя его собственную силу. Именно поэтому занимающийся гунфу никогда не позиционирует себя против соперника, и никогда не находится в прямой оппозиции к направлению его силы. Когда его атакуют, он не сопротивляется, но контролирует атаку, чувствуя ее. Этот закон иллюстрирует принципы непротивления и ненасилия, основанные на идее, что ветви ели трескались под весом снега,

*в то время, как обычный тростник, который слабее, но более гибкий, смог пре-
взойти его. Лао Цзы указывал нам на значение мягкости. В противополож-
ность общему представлению принцип инь как мягкость и уступчивость ассо-
циируется с жизнью и выживанием. Имея способность уступать, человек мо-
жет выжить. И напротив, принцип ян, принимающий на себя жесткость и су-
ровость, заставляет человека ломаться под давлением”.*

*Примечание редактора: Брюс Ли предпочитал южное кантонское произно-
шение «гунфу» северному китайскому произношению «кунг-фу». В данной книге,
так как слово «кунг-фу» общеупотребимо в английском языке, используется вез-
де, за исключением записей Брюса и названия его школы.*

Брюс и ученик Дуг Палмер практикуются в чи сао

Для подкрепления своей точки зрения Брюс цитирует строфы Лао-цзы:

«Будучи живым, человек податлив, мягок;

Мертвый, он негнущийся, окоченевший

Все живые существа, трава и деревья, полны жизни

Пластичны, но также податливы,

А мертвые хрупки и сухи;

Негнущееся окоченение – спутник смерти,

А податливая мягкость – спутник жизни;

Неподатливые солдаты не одерживают побед;

Жесткое дерево обладает большей готовностью для топора.

У сильных и могучих выбивают почву из-под ног;

Мягкие и податливые возвышаются над ними всеми».

Брюс продолжает:

*“Путь движения в гунфу тесно связан с движением сознания. Фактиче-
ски, разум способен управлять движением тела. Разум повелевает, а тело реа-
гирует соответствующим образом.*

*Для выполнения основной техники гунфу физическая подвижность долж-
на проявляться в ментальной и духовной подвижности, чтобы сделать разум*

не только живым, но и свободным. Для того чтобы осуществить это, изучающий гунфу должен оставаться сдержанным и спокойным, и овладеть принципом “чистого разума”... не пустого разума, исключаящего все эмоции, и не просто хладнокровия и спокойствия разума. Хотя спокойствие и хладнокровие важны, именно “неосмысливание” разума главным образом составляет принцип “чистого сознания”. Изучающий гунфу использует свой разум как зеркало – оно ни за что не цепляется, и ничего не отвергает; оно воспринимает, но не задерживается... Позвольте разуму думать о чем ему хочется, без вмешательства отдельного мыслителя или эгоизма того или иного человека. Пока он думает, что хочет, нет абсолютно никаких усилий, чтобы освободить его; происходит “отсутствие” отдельного мыслителя. Не нужно пытаться что-то сделать, поскольку что бы ни появлялось, секунда за секундой оно принимается, включая неприятие... Это иммунитет сознания по отношению к эмоциональным влияниям... Чистое сознание требуется, чтобы контролировать весь разум, как мы используем глаза, останавливая их на различных объектах, но не прилагаем особых усилий, чтобы видеть. Таким образом, концентрация в гунфу не имеет обычного ощущения запрета внимания, направленного на отдельный объект чувств, а просто является спокойной осведомленностью о том, что произойдет здесь и сейчас. Наглядным примером такой концентрации может служить зритель на футбольном матче; вместо сосредоточенного внимания на игроке, у которого находится мяч, у него формируется картина всего футбольного поля. Аналогичным образом разум, изучающий гунфу, сконцентрирован не на том, чтобы подробно останавливаться на отдельной части тела соперника. Во время спарринга изучающий гунфу учится забывать о себе и следует за движением своего соперника, оставляя разум свободным, чтобы совершить ответное движение без какого-либо излишнего обдумывания. Он освобождается от сознательных внушений сопротивляться, и использует гибкий подход. Все его действия исполнены без самооценки; он позволяет своему сознанию оставаться стихийным и свободным. Как только он перестает думать, его поток движения сбивается, и противник тут же наносит ему удар”.

В последующие годы, когда судьба уносила его в необычные и изнурительные направления, мышление Брюса неизбежно становилось все более гибким. Он был готов приспособливаться и соответствовать меняющемуся образу жизни. Брюс писал:

“Мир полон людей, решительно настроенных кем-то стать и причинять кому-то беспокойство. Они постоянно хотят идти вперед, выделяться. От такого стремления нет пользы для изучающего гунфу, поскольку гунфу отвергает все формы самоутверждения и конкуренции.

Изучающему гунфу, если он действительно хорош, совсем не присуща гордыня. Гордость преувеличивает превосходство в статусе кого бы то ни было в глазах других. В гордости есть страх и незащищенность, поскольку, когда человек стремится к высокой оценке, то достигнув определенного статуса, его автоматически буруевает страх потери этого статуса. Затем защита статуса оказывается самой важной потребностью, тем самым создавая ощущение тревоги.

Как мы знаем, гунфу направлено на работу над собой, и поэтому внутреннее я является чьим-то истинным я; поэтому для того, чтобы познать свое истинное я изучающий гунфу живет, не завися от мнения окружающих. Так как он совершенно самодостаточен, он не имеет страха перед тем, что его не ценят. Изучающий гунфу посвящает себя тому, чтобы стать самодо-

статочным, и никогда не зависит от мнения окружающих, чтобы оставаться счастливым. Мастер гунфу, в отличие от новичка, контролирует свои силы, он спокоен и скромн, не имея ни малейшего желания хвастаться. Под влиянием занятий гунфу его мастерство обретает духовность, и он сам, став свободнее посредством духовной борьбы, претерпевает изменения. Для него слава и статус – не более чем пустой звук”.

Разумеется, записывая эти слова, Брюс не имел и малейшего представления о том, какое будущее лежит перед ним. Он слегка вкусил славу, будучи детской кинозвездой, но имел слабое представление о высотах, которых достигнет, став воплощением героических качеств китайцев и других азиатов.

К пятнадцати годам Брюс был значительной фигурой среди подростков, живших в районе Коулуна. Он был очень симпатичным, и начал вызывать интерес у девушек. Его брат Питер вспоминает, как Брюс проводил до 15 минут перед зеркалом, укладывая волосы, убедившись, что его галстук должным образом завязан - прирожденный перфекционист. Его внешний вид, самоуверенность, репутация бойца, говорили о том, что у него не было трудностей с привлечением женского внимания. Его подход к девушкам был также тонко сбалансированным – всего лишь грамотная смесь самоуверенности, чувствительности и легкой грации. Словом, он производил значительное очарование на женских особ, попадавших в его сферу влияния. Он даже оказался искусным танцором, выиграв чемпионат по ча-ча-ча в британской колонии в 1958-ом. В бумажнике у него был список 108 различных движений. Во всем, чем бы ни занимался Брюс, будь то боевые искусства, кино, танцы или дружба, он отдавал всего себя.

Вскоре после поступления в школу Ип Мана Брюс стал следовать по пятам за двумя парнями старшего возраста, Вонгом Сун-лунгом и Чунгом Чук-хингом (Уильям Чунг). Они также изучали вин-чунь, и, изучив основы стиля, жаждали бросить вызов представителям других школ кунг-фу. По большей части это были весьма неплохо проведенные и рискованные встречи - молодые люди измеряли храбрость, силу, навыки и энергию друг друга. Эта “два брата” и Брюс, “младший брат”, основали костяк задиристых представителей вин-чунь. Начнем с того, что состязания ограничивались горсткой участников по обеим сторонам и всегда держались в секрете. Тем не менее, в конце концов поединки стали более крупными и открытыми, когда соперничающие группы брали напрокат машины и выезжали на открытую местность в Новых Территориях. Здесь отбирались судьи, устанавливались правила и подготавливался “ринг”. Эти матчи продолжались несколько лет, неизменно с участием Брюса и других специалистов по вин-чунь, тем не менее, не всегда оканчиваясь их победой.

Когда Брюса “попросили” покинуть колледж Ла Салль, он перешел в школу святого Франсуа Ксавье, где его, по словам младшего брата Роберта, “считали королем горилл – боссом всей школы”. Дело было скорее не в том, что он стремился нанести физический вред менее способным подросткам, а в том, что он никогда не отказывался принять вызов. Как выразился Роберт: “Брюса не требовалось просить дважды подраться”.

Примерно в то же время большой интерес к Брюсу проявил ирландский брат в школе святого Франсуа Ксавье. Брат Кенни один или два раза спарринговал с Брюсом, и узнав, насколько хорош тот был, убедил его принять участие в боксерских чемпионатах между школами - бокс по официальным правилам. В финале среди школ Брюс встретился с англичанином из школы короля Георга V, который был чемпионом в течение трех лет подряд. Брюс принял стойку кунг-фу и стал

ждать действий соперника, который начал пританцовывать в классическом боксерском стиле, а затем пошел в атаку, тогда-то Брюс и нокаутировал его.

Тем не менее, на горизонте маячили неприятности. По словам Роберта Ли, ученики школы Чой Ли Фут бросили вызов школе вин-чунь. Вскоре обе группы подростков встретились на крыше многоквартирного жилого дома в районе Переселения. Многие из крыш этих зданий были отданы под баскетбольные площадки. Правило заключалось в том, что выиграет та школа, которая первой заставит своего соперника перейти белую черту. Предполагалось, что это будет не жестокий поединок, а просто серия спаррингов. То, что начиналось по-дружески, вскоре стало чем-то отвратительным, когда один из учеников «чой ли фут» поставил Брюсу фонарь под глазом. Это привело Брюса в режим полной боевой готовности, и он тут же обрушился на противника серией прямых ударов. Он был очень быстр, и парень просто не мог ничего сделать. Брюс достал его по лицу несколько раз, и тот упал за черту. Брюс, все еще в ярости, разrazilся рядом ударов ногами, попав парню в глаз и рот, а также выбив зуб.

Родители парня обратились в полицию с жалобой, и миссис Ли пришлось пойти в местное отделение полиции и подписать документ, утверждающий, что она будет нести ответственность за будущее хорошее поведение Брюса, когда он находится под ее присмотром. Затем она отвела Брюса в расположенный неподалеку ресторан и провела с ним спокойную, но при этом серьезную беседу о его будущем. Миссис Ли не сказала ничего о происшедшем инциденте остальным членам семьи, но вскоре после этого случая сказала мужу, что Брюс, которому уже исполнилось 18, должен заявить о своих правах и сделать выбор в пользу американского гражданства. “Его сердце не лежит к учебе” – объяснила она мистеру Ли. Учитывая сказанное, в тот момент жизни у Брюса не было никакой надежды попасть в колледж, останься он в Гонконге, и один Бог знает, что могло из него выйти.

*Брюс упражняется в ча-ча-ча.
Он выиграл в Гонконге чемпионат по ча-ча-ча в 1958 г.*

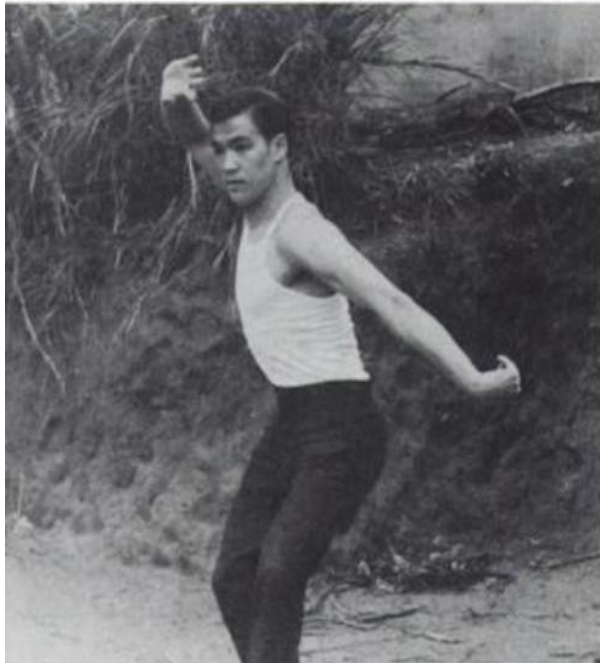
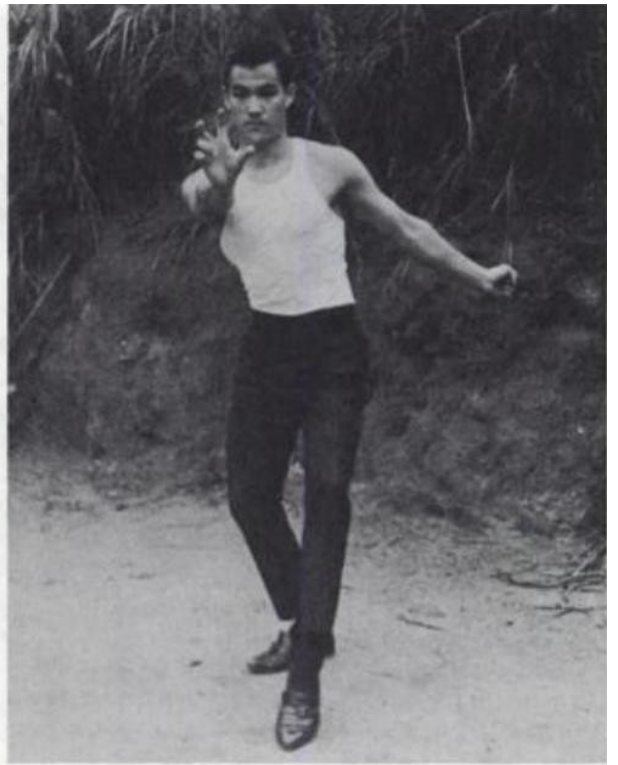
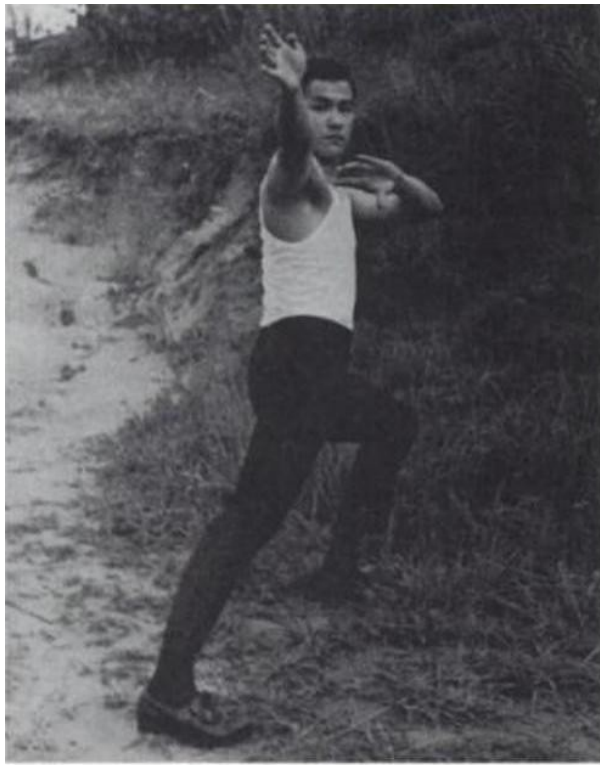
Брюс Ли со своим отцом Ли Хой Чуэнем

На борту парохода, плывущего из Гонконга в Соединенные Штаты, в апреле 1959-го Брюс учил танцевать пассажиров первого класса

Танцы ча-ча-ча. Юношей Брюс носил очки, которые позже заменил контактными линзами

*Тренировка в Гонконге и игры с птицей в семейном доме
на Натан Роуд – лето 1963-го*

Брюс тренируется со своим отцом и друзьями в Гонконге за городом

Брюс на встрече с семьей в Гонконге, 1963 г. Его отец (слева) рад видеть, что его сын вернулся успешным молодым человеком

Так было решено, что Брюс должен вернуться в Сан-Франциско. Пароход, на котором он поплыл, принадлежал Эмерикэн Президент Лайнс. Вояж занял 18 дней, и послужил для Брюса временем глубокого внутреннего анализа и адаптации к новой среде. Покидание своей семьи, друзей, и единственного дома, который у него был, ради неизвестного места рождения было волнительным, но и тревожным испытанием. Брюс жил беззаботной молодостью, но теперь столкнулся с неопределенным будущим, даже не представляя, как прокормит себя, когда у него закончатся те сто баксов, что ему дали на дорогу. Реальность обрушилась на него очень быстро. Но размышляя об этих тягостных вопросах, Брюсу также удавалось

наслаждаться жизнью. Хотя у него был билет второго класса, он провел большую часть времени на палубе первого класса, проводя демонстрации ча-ча-ча и обучая некоторых пассажиров своим сложным па.

*Оттачивание движения в ча-ча-ча.
В арсенал Брюса входило более ста различных движений*

*В зрелые годы Брюс вернулся в одну из своих альма-матер,
школу святого Франсуа Ксавье на церемонию награждения*

Брюса изображали малолетним преступником, но в общем и целом, я полагаю, что это было преувеличенное представление. Брюс, я просто убеждена, был по сути слишком интеллигентным, чтобы не понимать, где можно переступить черту. Когда я смотрю на старые фотографии своего мужа, сделанные во времена учебы в школе святого Франсуа Ксавье, он выглядит далеко не мятежным преступ-

ником. На фотографиях со своим классом он очень хорошо смотрится в школьном пиджаке, его волосы аккуратно уложены, и в своих очках он выглядит абсолютно серьезным и прилежным молодым юношей. В своем личном дневнике Брюс писал:

- *30 ноября 1958: сейчас я пытаюсь понять, кем мне быть – доктором или может кем-то другим? Если я сделаю выбор в пользу доктора, мне придется усердно учиться.*
- *1 декабря 1958: нужно больше заниматься математикой. Больше заниматься английским (разговорным).*

Прибытие Брюса транстихоокеанским пароходом завершило главу в его жизни, когда он жаждал выделиться из многих миллионов как молодой человек, обладающий уникальной личностью и целью. Достижение звездного статуса к 18-летнему возрасту было едва ли не лучшим приготовлением к построению стабильной личности. Когда человек добавляет к этому физическое и умственное превосходство, установленное над современниками при помощи способностей в боевых искусствах и других навыков, я считаю, это просто прекрасно, что Брюсу удалось приехать в Америку таким уравновешенным и даже превосходным юношей.

3

“На мой взгляд 99% восточной самообороны – бред. Это просто показушная чепуха. Она неплохо выглядит, но бесполезна в реальной жизни” – Брюс Ли

*Брюс перед своей студией на Университете Уэй в Сиэтле.
Этот молодой юноша, одетый с иголки, тот самый человек,
с которым я познакомилась в 1963 г.*

В течение жизни Брюса и даже в течение нескольких лет после его смерти появилось поразительное множество мастеров боевых искусств, пытавшихся подражать ему. Вообще говоря, я не обижаюсь на их стремления, скорее считаю это комплиментом Брюсу как мастеру боевых искусств и как человеку. Тем не менее, что я нахожу любопытным, так это путь, по которому пошли многие из этих людей, пытаясь достичь своих целей и ошибочно делая упор на физическую сторону искусства, и по большей части, совершенно игнорируя невероятную интеллектуальную и духовную сущность Брюса. Есть те, кто считает, что они могут стать такими, как Брюс, если будут питаться той же пищей, которой питался Брюс, заниматься по точно такому же тренировочному расписанию, как он, путешествуют в Гонконг, чтобы изучать вин-чунь, одеваются как он, зачесывают волосы так же, как он, и даже говорят с его кантонским акцентом.

Еще больше меня разочаровывают те, кто пишет мне с просьбой получить пару носков Брюса и другие памятные вещи. Некоторые даже предлагали огромные суммы за его Мерседес 350SL, надеясь, что если будут ездить на его машине, то постигнут самую суть мастера. И были те, кто появился на могиле Брюса в Сиэтле, говоря о вечной преданности и ощущении, что они с Брюсом “едины”. Некоторые писали мне с рассказом о личных встречах с Брюсом на “том свете”. Что они упускают из вида, так это то жизненно важное обстоятельство, что истинная сущность превосходства Брюса в боевых искусствах сосредоточивалась вокруг его чрезвычайно тренированного интеллектуального и эмоционального состояния.

Для иллюстрации моей точки зрения, вероятно, стоит привести несколько отрывков, взятых из двух эссе, написанных Брюсом по английскому языку на первом курсе во время учебы в университете Вашингтона.

“Гунфу - особый навык, это скорее прекрасное искусство, нежели просто физическое упражнение. Это тонкое искусство соответствия сущности разу-

ма с сущностью техники. Принцип гунфу заключается не в том, что его следует изучать как науку, фактически это поиск руководства к действию, основанного на голых фактах. Это искусство развивается спонтанно, подобно цветку, в сознании, свободном от эмоций и желаний. Сердце этого принципа гунфу находится в “Дао” – стихийности Вселенной”.

Далее Брюс пояснил, что слово “Дао” не имеет полного эквивалента в английском, и предложил использовать слово “истина”, продолжив объяснять истину, которой должен следовать каждый изучающий кунг-фу:

“Дао действует в инь и ян, паре взаимодополняющих сил, которые сотрудничают друг с другом и находятся за гранью всех явлений. Принцип инь/ян, также известный как «тай чи», является основой гунфу”.

И как Брюс настойчиво твердил своим ученикам:

“Простых технических знаний гунфу недостаточно, чтобы человек стал настоящим мастером этого искусства, он должен углубиться в изучение своего внутреннего духа. Дух можно понять лишь в том случае, когда сознание находится в абсолютной гармонии с принципом самой жизни, именно тогда он достигает определенного состояния в даосизме, известного как “отсутствие сознания””. Отсутствие сознания состоит в сохранении абсолютной текучести разума, что делает его свободным от интеллектуальных обдумываний и действительных волнений любого рода. Я считаю, что каждый может настроить себя на свою цель, используя жгучее желание, чтобы воплотить эту цель в жизнь”.

*На ступеньках ресторана Руби Чоу,
где Брюс жил и работал по приезду в Сиэтл, 1959 г.*

На заднем дворе дома Джеймса Ли в Окленде

Следующий отрывок - воспоминания Брюса об одной из множества тренировок с Ип Маном:

“После четырех лет упорных тренировок гунфу я начал понимать и ощущать принцип мягкости – искусство нейтрализации усилий соперника и уменьшения расхода энергии. И то и другое должно осуществляться спокойно и без усилий. Это звучало просто, но при практическом применении оказалось трудно. В тот момент, когда я вступил в бой с соперником, мой разум был совершенно возмущен и нестабилен. Особенно после серии обмена ударами руками и ногами, когда рассеялась как дым вся моя теория мягкости. Единственная оставшаяся мысль – что я должен так или иначе побить его и выиграть поединок.

Мой инструктор, профессор Ип Ман, глава школы вин-чунь, подошел ко мне и сказал: “Лун, расслабься и успокой свой разум. Забудь о себе и следуй за движением своего соперника. Позволь своему разуму, первичной сущности, совершить ответное движение без каких-либо посторонних колебаний. Прежде всего, изучи искусство отрешенности”.

Вот оно! Я должен расслабиться. Однако в тот момент я уже совершил нечто противоречивое, против своей воли. Это произошло, когда я сказал себе, что должен расслабиться. Необходимость совершить усилие в слове “должен” была уже несовместима с легкостью слова “расслабиться”. Когда мое острое самосознание расширилось до того, что психологи называют “двойной слепой метод”, мой инструктор вновь подошел ко мне и сказал: “Лун, следуй за естественным ходом вещей и не вмешивайся в него. Запомни: никогда не противопоставляй себя природе вещей, никогда не находишься в прямой оппозиции к проблеме, а контролируй ее, меняя направление вместе с ней. Не занимайся на этой неделе. Ступай домой и подумай об этом”.

На следующей неделе я остался дома. Проведя много часов в медитации и тренировках, я сдался и в одиночку отправился плавать на джонке. На море я вспомнил о прошедших тренировках, разозлился на себя и ударил по воде рукой. И в тот же миг меня озарила мысль. Разве не вода, самая простая субстанция на земле, является сущностью гунфу? Разве обычная вода только что не продемонстрировала мне принцип гунфу? Я только что ее ударил, но она не почувствовала боли. И вновь я ударил по ней со всей силы, и вновь она не понесла никаких повреждений. Затем я попытался схватить пригоршню воды, но это оказалось невозможно. Вода, самое мягкое вещество в мире, могла приспособиться к любому сосуду. Хотя казалась слабой, она могла проникнуть в самое твердое вещество в мире. Вот оно! Я хотел стать таким, как вода.

Вдруг мимо меня пролетела птица, и я увидел ее отражение в воде. Именно тогда, когда я созерцал себя, еще один мистический смысл внезапного озарения открылся предо мной. Разве мысли и эмоции, возникшие у меня перед соперником, мелькали не так же, как отражение птицы над водой? Именно это профессор Ип Ман подразумевал под отрешенностью – не отбрасывать эмоции и чувства, не быть непреклонным и зажатым. Поэтому, для того, чтобы контролировать себя я должен сперва признать, что нахожусь в согласии с природой, а не выступаю против нее. Я лежу в лодке и ощущаю свою связь с Дао; я стал с природой одним целым. Я просто лежу и позволяю лодке свободно и беспрепятственно плыть по течению, куда ей заблагорассудится. В тот момент я достиг состояния внутреннего ощущения, когда соперничество стало взаимодополняющим, а не взаимоисключающим. Теперь в моем сознании больше не было никакого противоречия. Весь мир стал для меня единым”.

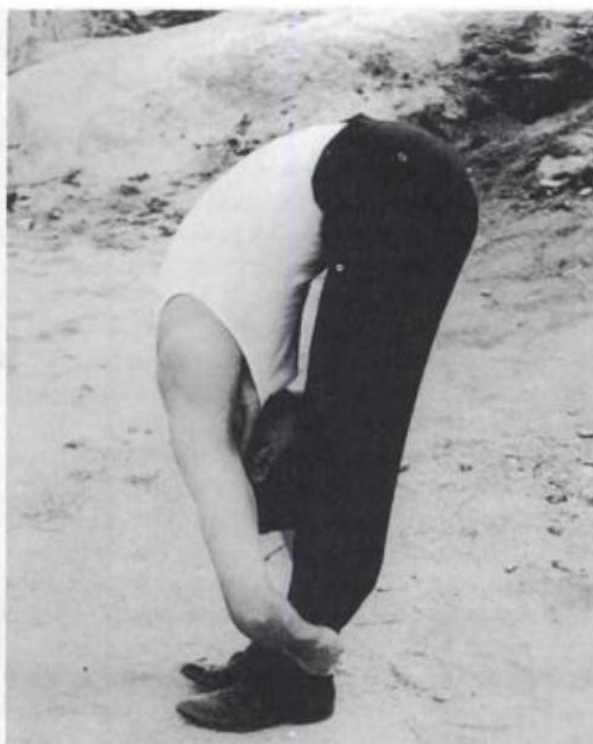
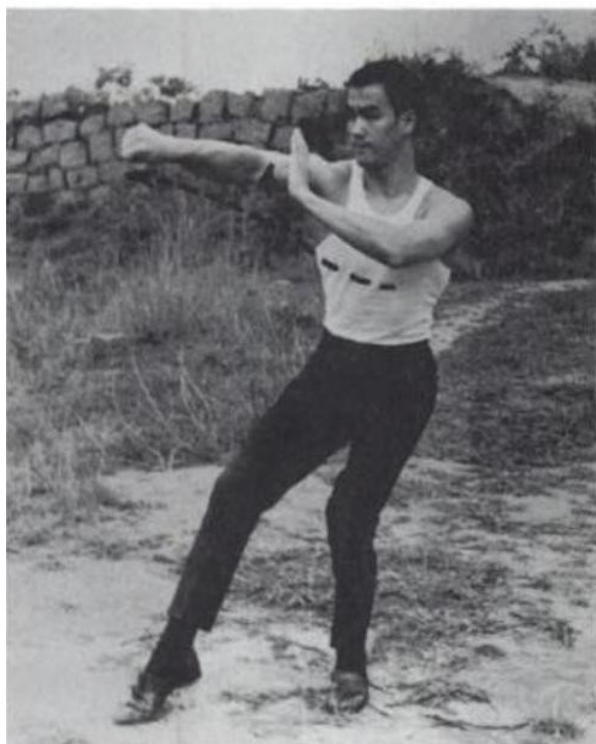

Брюс в типичной стойке вин-чунь

Брюс и Таки Кимура отрабатывают технику бросков

Вот так мозг Брюса работал в возрасте 18-20 лет. По существу профессор Ип Ман направил Брюса к духовному аспекту кунг-фу, аспекту, который в конце 1950-х был и по-прежнему является наиболее важным элементом, упускаемым инструкторами по боевым искусствам, ведущими обучение в Соединенных Штатах. Духовная сторона боевых искусств в западном мире не имеет стабильного финансового положения. Ученики, которые занимаются боевыми искусствами в Штатах, главным образом интересуются изучением физических движений, кто-то с позиций здоровья, другие для самообороны, а некоторые потому что собираются принимать участие в соревнованиях. Очень немногие начинающие заниматься боевыми искусствами так уж заинтересованы в духовном и философском аспектах Дальнего Востока. Можно себе представить выражение на лице новичка, когда инструктор говорит ему или ей отправиться домой на неделю и “подумать об отсутствии сознания”.

Брюс оттачивает высокие удары ногами - большая редкость, если не говорить о показательных выступлениях. Обратите внимание, что он отметил на фотографиях направление движений пунктирными линиями со стрелками-указателями, чтобы отточить свою технику. Его гибкость была просто превосходной.

Следует помнить, что религиозная основа западного мира – христианство. В результате родители детей, отданных на изучение искусства, часто подходили к потенциальным инструкторам, желая знать, будет их ребенок изучать основы буддизма или медитацию дзэн. С юридической точки зрения, особенно в свете того

факта, что в современном западном мире вредоносные иски это обыденная реальность, даже те немногие инструкторы, что могут обучать основам, которым обучали много лет назад Брюса, очень неохотно поступают таким образом, если есть какое-либо подозрение, что они будут направлять какого-нибудь ребенка или даже взрослого, по тому пути, который можно интерпретировать как противоречащий их религиозным убеждениям. Как резкий контраст Брюса не только привлекал духовный аспект боевых искусств, он стремился к нему с большим рвением. В конечном итоге этот отдельный элемент сделал его невероятно уникальным и впоследствии популярным.

Если есть хоть один вопрос, касающийся жизни Брюса как мастера боевых искусств, который сбивал с толку большое множество других мастеров боевых искусств, так это этот: как молодой человек в двадцатилетнем возрасте, изучавший относительно простой стиль кунг-фу всего пять лет (вин-чунь это простой стиль, созданный хрупкой монахиней, и по большей части в нем отсутствуют удары ногами и он имеет всего три простых формы), человек, весивший менее 150 фунтов и ростом чуть более пяти футов, семи дюймов (~ 1,7 метра) - как мог этот человек стоять на передовой всего сообщества боевых искусств в Соединенных Штатах и говорить, что более 95% всего, что он видел и слышал – полная ерунда – не говоря уже о том, что твердо придерживался этой мысли?! Весьма очевидно, что Брюс обладал большой ценностью, в нем было нечто совершенно особенное, его суть была гораздо больше, чем просто мастерское знание физических движений вин-чунь. Хотя Брюсу было всего 18 лет, когда он приехал в Сан-Франциско из Гонконга, он привез с собой глубокие внутренние знания как о себе самом, так и о мире, в котором двигался и дышал.

В первые месяцы жизнь в Штатах оказалась не легче и не сложнее, чем она была для миллионов иммигрантов до Брюса. Более того, до своего приезда Брюс уже был гражданином и обладал базовыми знаниями английского, хотя ему пришлось усердно потрудиться, чтобы их улучшить. Он нашел кров и работу среди различных китайских коммун. Сперва он остановился у старого друга своего отца в Сан-Франциско и заработал немного денег, давая уроки танцев. Затем Руби Чоу, владелица ресторана в Сиэтле и важная фигура в политике местного масштаба, предложила ему комнату над ее рестораном как жест дружбы его отцу и в обмен на его услуги официанта. Брюс ухватился за возможность стабильной работы и переехал в Сиэтл. Он ходил в техническую школу Эдисона днем, чтобы получить диплом средней школы, а по ночам работал у Руби Чоу, часто совмещая эту работу с работой по вложению вкладышей в газеты (суть заключалась в том, чтобы вставлять рекламные объявления или объявления о распродаже в печатные полосы) Сиэтл Таймс.

Одним из первых друзей Брюса в Сиэтле стал Таки Кимура. Таки – японо-американский бизнесмен, которому было 38 лет на момент знакомства с Брюсом. Таки был интернирован во время Второй Мировой Войны, и как следствие у него были сложности с поиском работы в послевоенную эпоху с ее доминировавшими анти-японскими настроениями. Он потерял немалую долю самоуверенности и обратился к боевым искусствам в надежде восстановить хотя бы ее часть. “Я брал уроки по дзюдо примерно в 1959 г.” – объясняет Таки. “Меня побили два или три раза люди, у которых были только мускулы и больше ничего. Моя дисциплина в то время была серьезно подорвана. Некоторые из тех, кто посещал одно из занятий Брюса, пришли в супермаркет, где я работал. Они рассказали мне, что встретили этого паразитического молодого человека из Гонконга. Разумеется, я сказал себе, я уже многое повидал, и он не может быть настолько хорош. Но они продол-

жали твердить, что он “невероятен”. В то время эти парни тренировались на задних дворах и городских парках. Я вышел на территорию университета к футбольному полю, и вот тогда-то я и познакомился с ним. Я был так поражен и впечатлен его способностями, что немедленно спросил его, могу ли я стать членом его клуба, и почти год мы занимались по воскресеньям в парках. Я был заинтригован его громадной силой, то, что в один момент он мог быть веселым, а через мгновение чрезвычайно серьезным”.

С того времени Таки и Брюс стали друзьями на всю жизнь, и Таки приобрел большой опыт в Чжун-Фан кунг-фу, где тогда преподавал Брюс. Фактически, через несколько лет, когда Брюс уехал из Сиэтла, Таки стал его первым помощником инструктора, и сохраняет за собой эту должность по сей день.

Но даже в те ранние дни преподавания на задних дворах и городских парках Брюс разрабатывал грандиозные планы. Он был решительно настроен на успех, как видно из его записей 14-летней давности:

Даже будучи ребенком у меня была инстинктивная жажда к продвижению и росту. Для меня функция и обязанность квалифицированного человека это искреннее и честное развитие чьего-либо потенциала. Благодаря своему убедительному личному опыту и целенаправленному изучению я пришел к тому, что прежде всего лучшая помощь это самопомощь; что нет никакой другой помощи кроме самопомощи – сделать все возможное, всецело посвящая себя поставленной задаче, у которой на поверку нет конца, поскольку это непрерывный процесс. Я многого добился за все эти годы процесса развития, я сменил свою точку зрения от слепого следования пропаганде, установленной правде, и так далее, к внутреннему поиску причины своего незнания.

В качестве дополнительной информации я считаю важным упомянуть, что в течение взрослой жизни Брюс был книголюбом лучших авторов концепции “самопомощи”, в том числе Нормана Винсента Пила, Наполеона Хилла, У.Кле-мента Стоуна, Гуйла Денес и доктора Максвелла Мальца.

В колледже Эдисона Брюс всерьез полагал, что долгая битва за понимание себя и своего искусства, как он сам утверждал “оказывается, не имеет предела”. Брюс заставил себя усердно заниматься математикой и точными науками, областями, в которых он был наиболее некомпетентным, хотя ему удавалось наслаждаться историей и философией. Получив диплом средней школы, он обеспечил себе удовлетворительные оценки и был допущен в университет Вашингтона – что его семья сочла бы неправдоподобным подвигом за каких-то два года до того. Он был решительным и динамичным молодым человеком, уверенным в своих способностях, который, как и все выдающиеся личности, не был расположен следовать за толпой и часто конфликтовал с другими волевыми личностями.

Как сказал его друг Чжун Ри, величайший мастер тхэквондо: “Брюс обычно стремился быть непосредственным и прямолинейным в замечаниях, в частности, при обсуждении боевых искусств. В практически отчаянных попытках объяснить себя и свои идеи без двусмысленности, он часто сталкивался с представителями классического кунг-фу, каратэ и других видов боевого искусства”. Позже, в 1967-ом Брюс подытожил свои идеи кратко, но ясно журналу «Черный пояс». Он настаивал на том, что кунг-фу должно опираться на “реализм и правдоподобие” и заявлял, что трудно найти стоящие рекомендации в этом искусстве.

Брюс развлекается у дома Джеймса Ли

Брюс и Таки Кимура

“Слишком много дурачества в нереалистичных стойках и классических формах и ритуалах” – объяснил он. “Они просто слишком искусственные и механические, и по сути не готовят ученика к реальному бою. Парень может быть избит, занимаясь всей этой классической ерундой. Классические методы вроде этих, которые я считаю формой паралича, лишь делают твердым состояние, которое однажды было текучим. Эти специалисты всего лишь слепо разучивают классические приемы и трюки, которые никуда не приведут”.

Он описывал этот тип обучения как немного больший, чем “организованное отчаяние”, и говоря о классических версиях кунг-фу подчеркивал преимущества

простоты и прямоты. “На мой взгляд 99% всей восточной самообороны – просто бред” – заявлял он репортерам. “Это просто показушная ерунда, она неплохо выглядит, но бесполезна в реальной жизни. Если на 90-футовую женщину нападет 250-футовый мужчина, единственное, что она сможет сделать, это изо всех сил ударить его в одно из трех мест - глаза, пах или колено. Этого будет достаточно, чтобы мужчина потерял равновесие на какое-то мгновение, после этого ей лучше бежать отсюда со всех ног.

*В своем доме детства на Натан роуд, 218, Коулун, Гонконг,
Брюс стоит в классической боевой стойке в кальсонах от пижамы*

“Или эта мода ломать кирпичи и доски ребром ладони” – продолжает он.
“Как часто, я вас спрашиваю, вы видите, чтобы кирпич или доска вступали с кем-

нибудь в бой? Это не более чем трюки. Человек не будет стоять и ждать, пока его ударят. Многие изучающие каратэ так увлечены фыркающими звуками и ответными движениями, что упускают из виду то, что должны делать против соперника – вырубить его, да побыстрее. Учитель по каратэ говорит им: 'Если ваш соперник сделает это, тогда вы должны сделать это, и ты делаешь это, а потом то'. И пока ты вспоминаешь эти 'то и это', другой парень убивает тебя. Столкнувшись с выбором ударить своего соперника по ребрам или сделать тычок в глаза, ты каждый раз выбираешь глаза”.

Брюс, я должна подчеркнуть, никогда сознательно не высказывался так, чтобы нажить врагов, но скорее всего это было неизбежно, поскольку многих он гладил против шерсти. В своем голом энтузиазме к кунг-фу он часто казался заносчивым. Он не мог скрыть свое рвение к преобразованию традиционных подходов.

Брюс демонстрирует свою мускулатуру и недюжинную силу

К примеру, он высмеивал идею разделения между “твердыми” и “мягкими” школами кунг-фу. “Это иллюзия” – заявлял он. “Видите ли, в реальности мягкость/твердость это одна неразрывная сила непрерывного взаимодействия движения. Мы слышим, как многие учителя заявляют, что их стили мягкие, а другие заявляют, что обучают твердым; эти люди слепо цепляются за один отдельный взгляд целого. Меня однажды спросил так называемый китайский “мастер” кунг-фу – один из тех, у кого борода и все такое - по части того, что я думаю об инь (мягкости) и ян (твердости)? Я просто ответил ‘ерунда’! Разумеется, он был немало шокирован моим ответом и никак не мог прийти к выводу, что эти формы – части одного целого”.

В конце концов Брюс назвал свой метод преподавания “джит кун до” (путь опережающего кулака); тем не менее, он решительно настаивал на том, что этот метод никогда не должен называться “стилем”. Он полагал, что эти слова неточны по отношению к тому, что он стремился достичь, и однажды объяснил: “В основе всех стилей лежит утверждение, что их методы помогут справиться со “всеми” видами атак. Другими словами, их структура охватывает все возможные линии и стороны, также будучи способной ответить тем же со всех сторон и линий. С учетом того, что все возможные линии и стороны охвачены, откуда берутся все эти “различные” стили?”

Обратите внимание на пунктирные линии и указатели, нарисованные Брюсом, для детального анализа своих движений

Брюс выполняет отжимания на двух пальцах одной руки

“Полагаю, что тот, кто заявляет, что его стиль кардинально отличается, должен принять стойку на голове, а совершая удар, он должен развернуться и трижды покрутиться вокруг себя. В конце концов, сколько существует способов, чтобы обрушиться на противника, не отклоняясь от естественного и прямого пути? За этим “неклассическим” способом все эти инструкторы, вероятно, понимают нападение по прямой линии, или по кругу, а может они только бьют ногами или даже просто иначе смотрят на противника, хлопая здесь и щелкая там. По-моему стили, которые цепляются лишь за один отдельный аспект боя, находятся вне свободы. Видите ли, избранный метод, каким бы изнурительным он не был, вовлекает тех, кто его практикует, в замкнутый шаблон. Я всегда говорю, что реальный бой никогда не является статичным, он не имеет границ и пределов, и он постоянно меняется время от времени. Внезапно соперник “оживает”, и больше не похож на стоворчювого робота. Другими словами, научившись определенному стилю, его сторонник встречает соперника через экран сопротивления. В реальности он всего лишь исполняет свои традиционные блоки и слушает собственные крики”.

На последующие раздраженные вопросы Брюс обычно подтрунивал над многими инструкторами по боевым искусствам. “Среди всех спортсменов в мире только в сфере боевых искусств есть те, у кого проблемы с лишним весом и плохой

формой. И знаете что? Обычно это инструкторы. Да-да, только в боевых искусствах инструктор может себе это позволить. Потому что он может обманывать при помощи собственного рта. Ему не требуется доказывать, ведь ему не нужно спарринговать. Ему лишь нужно убедить своих учеников, что он неуязвим. И кто ему бросит вызов? Эти парни слишком чтут ритуал, со всеми этими поклонами и позерством. Этот вид восточной самообороны все равно, что плавание на суше. Можно выучить все стили плавания, но если ты никогда не бывал в воде, все они бессмысленны. Эти парни никогда не дерутся. Они хотят ломать трехдюймовые доски, два кирпича сразу и так далее. Но зачем? Ведь все это не делает их бойцами”.

Подобные заявления были достаточно противоречивыми, и, думаю, бессмысленно отрицать, что многих инструкторов боевых искусств Брюс очень раздражал, хотя лучшие из них, как, например, Чжун Ри и Эд Паркер, как бы сильно не соглашались с Брюсом, уважали его за его честные взгляды и прямоту, став его друзьями на долгие годы.

Однако в ранние времена были те, кому требовалось указать место. Японец -обладатель черного пояса по каратэ, посетивший одно из ранних выступлений Брюса, возразил его мнениям и идеям, выраженным в аналогичном ключе, и бросил вызов Брюсу. Брюс попытался объяснить, что не имел в виду ничего личного и что не хотел никого унижить, а просто объяснял суть собственных методов. Эксперт по каратэ повторил свой вызов, и Брюс был вынужден принять его. Они направились в близлежащий тренажерный зал. Следом за ними следовала большая, возбужденная толпа. Бой был коротким и зрелищным. Каратист начал бой с удара ногой, который Брюс, все еще используя метод вин-чунь, блокировал. Используя прямые удары руками, классический метод вин-чунь, Брюс оттеснил обладателя черного пояса к белой черте и затем нокаутировал его, добив его ударом по лицу. Специалист по каратэ был так впечатлен, что стал одним из ярых поклонников Брюса. Как сказал как-то Боб Уолл, инструктор по каратэ западного побережья: “Единственное, что я ненавижу в Брюсе, так то, это что он может делать все, о чем говорит”. На это Таки Кимура добавил: “Многие люди возражали, но когда видели своими глазами то, что он мог делать, то сразу же хотели присоединиться к нему”.

Вскоре после прибытия в Соединенные Штаты из Гонконга в апреле 1959-го Брюс испытывал сильное желание открыть квун (тренировочный зал) в Сан-Франциско и заняться преподаванием. Он рассказал журналу «Черный пояс», что некоторые каратисты, с которыми он познакомился в течение первых шести месяцев, проведенных в городе, “хотели, чтобы я открыл додзе (квун) в Сан-Франциско, но меня это не интересовало. Я хотел продолжить свое образование”.

Однако как резкий контраст он также вспомнил, что ему не нравилась случайная работа, которую ему приходилось выполнять, чтобы прокормить себя, когда он впервые приехал в Сиэтл, и добавил полушутя: “Я был слишком ленив для этой рутинной работы и начал попутно обучать людей кунг-фу”. Факт в том, что Брюс больше не мог бросить кунг-фу, даже временно, это было равносильно тому, чтобы перестать дышать. А что касается лени...я бы сказала, что он был избирательно ленив.

*Найти место для тренировок в Гонконге было нелегко.
Обратите внимание на жилье для переселенцев на заднем фоне*

*Отжимания на трех пальцах одной руки.
Верхняя часть его тела была хорошо развита благодаря этому упражнению*

Брюс никогда сознательно не ставил перед собой задачу достичь мировой славы, которая, в конце концов все равно появилась на его пути. Это не значит, что он не осознавал необходимость зарабатывать на жизнь или не мечтал о том, чтобы мир узнал о его обожаемом кунг-фу. В письме, написанном старому другу из Гонконга в сентябре 1962 года, задолго до того, как он прорвался на экраны Голливуда, Брюс раскрывает не только свои планы на будущее, но и свою решимость сделать искусство кунг-фу более широко известным:

Это письмо трудно для понимания. В нем описаны мои мечты и мой образ мышления. В целом можно даже сказать, что это мой образ жизни. Оно будет немного сбивчивым, поскольку трудно написать в точности свои чувства. И все же, я хочу описать и ознакомить тебя с ними. Постараюсь написать это письмо ясно, и надеюсь, что ты не станешь делать поспешных выводов, пока не дочитаешь до конца.

Есть два способа зарабатывать на жизнь. Первый – результат кропотливой работы, а второй – результат воображения (разумеется, он также требует труда). Факт в том, что тяжелый труд и бережливость приводят к достатку, но судьба, в смысле богатство, это награда человеку, который может думать о том, что не обдумывалось ранее. В каждой отрасли, каждой профессии, идеи это то, чего жаждет Америка. Идеи сделали Америку такой, какая она есть, и одна хорошая идея сделает человека таким, каким он хочет быть.

Одна сторона моей жизни – гунфу. Это искусство оказывает огромное влияние на формирование моего характера и идей. Я занимаюсь гунфу в качестве физкультуры, формы тренировки сознания, метода самообороны и способа жизни. Гунфу – лучшее из боевых искусств; и тем не менее китайские производные дзюдо и каратэ, которые являются лишь основой гунфу, процветают по всей территории Соединенных Штатов. Так происходит потому, что никто не слышал об этом великом искусстве, кроме того по нему нет квалифицированных инструкторов. Я верю, что долгие годы моих тренировок укрепят мои шансы стать первым инструктором этого движения. И все же у меня впереди немало лет, чтобы отточить свою технику и характер. Поэтому моя цель состоит в создании первого института гунфу, который позже будет представлен сетью филиалов по всей территории Соединенных Штатов (я установил себе максимальный срок 10-15 лет на выполнение этого проекта). Моя причина не сводится к единственной цели заработать денег. У меня множество мотивов. Вот лишь некоторые из них: мне бы хотелось, чтобы мир узнал о великолепии китайского искусства; мне нравится учить и помогать людям; мне бы хотелось, чтобы у моей семьи был богатый дом; мне бы хотелось создать что-то свое; и последнее, но одно из самых важных – потому, что гунфу это часть меня.

Я знаю, что моя идея верна, и таким образом, результаты будут положительными. Меня волнует не вознаграждение, а возможность запустить механизм, чтобы достичь его. Мой вклад будет мерилом вознаграждения и успеха.

Перед смертью кто-то спросил покойного ныне доктора Чарльза П. Штайнмеца, гения электричества, как на его взгляд: “Какая область науки достигнет наибольшего развития в следующие 25 лет?” Он задумался на несколько минут, после чего выпалил: “Духовная реализация”. Когда человек достигает сознательной жизненно важной реализации огромных духовных сил, и начинает применять эти силы в науке, бизнесе и жизни, его развитие в будущем становится беспрецедентным.

Когда ты бросаешь маленький камешек в пруд, по воде начинает идти рябь, которая в конце концов полностью охватывает пруд. Именно это произойдет, когда я придам своим идеям определенный план действий. Прямо сейчас я могу проектировать свои мысли в будущее. Я могу видеть наперед. Я мечтаю (помни, что настоящие мечтатели никогда не сдаются). Сейчас у меня может не быть ничего кроме крошечного местечка в подвале, но поскольку мое воображение бьет полным напором, я вижу изображенную на тканях моего сознания картину прекрасного пяти или шестиэтажного института гунфу с филиалами по всей территории Соединенных Штатов. Меня непросто сбить с толку, и я с готовностью визуализирую преодоление преград, одерживание побед над неудачами, достижение “невозможных” целей.

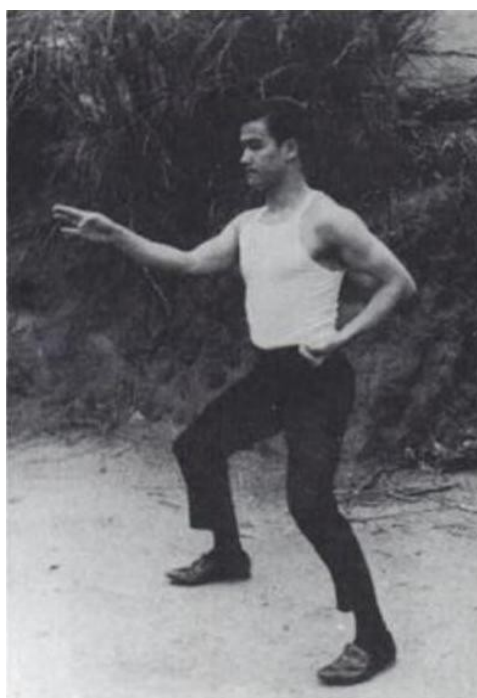
*Школьный класс Брюса в школе святого Франсуа Ксавье в Гонконге.
Брюс стоит во втором ряду, третий слева*

*Великий мастер Чжун Ри представляет Брюса Ли
на своем турнире в Вашингтоне, округ Колумбия*

Брюс тренируется с другом семьи, Сильвией Лай, популярной гонконгской ведущей, которая позже станет женой Роберта Ли

Затем Брюс рассказывает старую индуистскую легенду, в которой некое высшее существо решило вселить “божество” в самого человека, “поскольку человек никогда не додумается искать его в себе”. Он продолжает:

Является оно божеством или нет, я ощущаю огромную силу, эту неиспользованную мощь, динамику внутри себя. Это ощущение не поддается описанию, и ни с чем нельзя сравнить это ощущение. Это как сильные эмоции в сочетании с верой, но намного сильнее.

В общем, цель моих планов и действий – поиск истинного смысла в жизни – спокойствия духа. Я знаю, что совокупность всех вещей, что я упомянул выше, необязательно сводится к спокойствию духа, однако, оно может стать

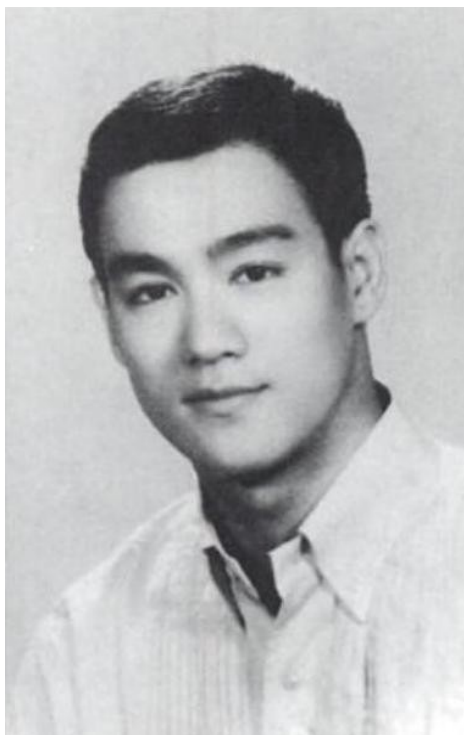
таковым, если я больше посвящу себя достижениям, чем нервной схватке. Для того, чтобы достичь этого спокойствия духа, весьма ценным будет изучение отрешенности даосизма и дзэн.

Вероятно, кто-то скажет, что я слишком нацелен на успех. По правде говоря, это не так. Видишь ли, мое желание заключается в том, чтобы совершить прыжок от осознания того, что я могу это сделать. Так просто быть собой, поэтому в моем сознании нет страха или сомнения. Успех приходит к тем, кто сознательно нацелен на успех. Если ты не нацелен на него, то как, черт возьми, можно надеяться, что обретишь его?"

Когда он писал вышеупомянутые строки, Брюсу было чуть больше двадцати, и он прожил в Соединенных Штатах три или четыре года. Его владение английским было первоклассным, лучше чем у многих коренных американцев и невероятным для того, кто до 12 лет не учил его. В то время я еще не знала Брюса, но когда познакомилась с ним год спустя, у него было ясное представление о том, ка-

кого будущего он для себя хочет, как собирается этого достичь, и как совместить свои амбиции с мечтами и выпавшим на его пути успехом с основными принципами кунг-фу.

Брюс в возрасте 23 лет, когда я познакомилась с ним 1963 г.

К концу 1963 года Брюс выпустил проспект института кунг-фу, располагавшегося на Университи Уэй рядом с кампусом колледжа в Сиэтле. Регулярная плата составляла 17 долларов для студентов младших курсов и 22 доллара в месяц для всех остальных. Проспект, отпечатанный и проиллюстрированный, предупреждал, что невозможно стать мастером кунг-фу за три простых урока. Для этого требовались интеллектуальное мышление и упорная работа. Подчеркивая простоту искусства, Брюс обещал, что “движения плавные и короткие, но и чрезвычайно быстрые; они прямые, меткие и направлены в цель без лишних движений”. Он обещал, что кунг-фу разовьет уверенность в себе, скромность, координацию, приспособляемость и уважение к другим.

Так все и началось. Меньше чем через год мы с Брюсом поженились, и готовились к переезду в Окленд. Впереди был волнительный период борьбы, упорной работы и беспокойства, времена высокой эйфории и минуты почти отчаяния и уныния. Были времена, когда мы испытывали недостаток средств, времена, когда казалось, что успех не за горами. Во многих отношениях это была беспокойная жизнь – мы переезжали из одного дома в другой не меньше 11 раз за наши девять лет брака. И все же, мы никогда не испытывали серьезных финансовых затруднений, и просто находиться рядом с Брюсом для меня было более чем достаточно. У нас были трудные времена, но это были приятные трудности. У Брюса были цели, амбиции и высоты, которых требовалось достичь, и он знал, что для того, чтобы они стали явью, ему нужно было вложить в жизнь столько же, сколько он ожидал получить от нее взамен.

4

“На первый взгляд Брюс показался Эду Паркеру заносчивым, но увидев Брюса в действии, Эд согласился, что ‘у него есть все права на существование – он мог заставить воздух хлопнуть, когда совершал удары руками’”.

Нашим первым совместным домом стал дом Джеймса Ли в Окленде, штат Калифорния. Вскоре после того, как мы въехали в него, жена Джеймса скоропостижно скончалась, оставив его с двумя маленькими детьми. Джеймс, Карена, Греглон, Брюс и я стали одной семьей, и вскоре благодаря появлению Брэндона нас стало шестеро. За эти годы время от времени я читала много статей в различных журналах, преувеличивавших нашу бедность в то время. Фактически, институт Чжун-Фан Гунфу, который Брюс с Джеймсом открыли на Бродвее, с самого начала оказался весьма успешным. Несколько сотен долларов в месяц, которые приносил институт, было достаточно, чтобы покрыть наши расходы.

Через несколько месяцев после того, как Брюс и Джеймс начали преподавать, специалист по кунг-фу из Сан-Франциско бросил вызов Брюсу. Он недавно приехал в Соединенные Штаты из Гонконга, стремясь утвердить себя в качестве ведущего сифу (учителя) в китайском сообществе. За этим вызовом лежат любопытные исторические причины, подготовившие почву для того, чему было суждено произойти в недалеком будущем.

В начале 1900-х китайцы, эмигрировавшие в Калифорнию и другие западные штаты часто становились объектами безжалостной дискриминации со стороны европейцев, видевших этих мягких, трудолюбивых людей с косичками передовым отрядом “Желтая угроза” – и даже, что еще важнее, источником дешевой рабочей силы. С 1870-х Китай стал предметом растущей эксплуатации со стороны иностранцев, в частности, британцев. По этой причине сформировались тайные общества, практикующие кунг-фу и другие боевые искусства, чтобы помочь изгнать “заморских чертей” с древней земли. Учеников убеждали, что те, кто владеет кунг-фу, могут превзойти любые трудности, и некое священное безумие охватило юношей, искренне веривших, что смогут противостоять вражеским бомбам и пулям голыми кулаками. Некоторые инструктора даже “стреляли холостыми”, убеждая своих учеников, что пули не причинят им вреда. Тогда это было в их духе, поэтому в начале этого тысячелетия тысячи молодых китайцев атаковали британскую и американскую армии – это был бунт, известный как “Восстание боксеров”. Число убитых китайцев исчислялось тысячами.

Дом Джеймса Ли в Окленде был для нас с Брюсом первым совместным домом

Джеймс Йимм Ли. Джеймс Ли умер в декабре 1972 г.

С учетом этой исторической позиции, неудивительно, что в начале 1960-х китайцы, в частности те, кто жил в Америке, не хотели раскрывать секреты своих боевых искусств европейцам. Стало неписанным законом, что искусство должно преподаваться только китайцам. Брюс считал такое мышление совершенно устаревшим. Когда велись споры о том, что белые люди, обученные секретам, используют это искусство, чтобы нанести вред китайцам, Брюс указал на то, что если бы белый человек действительно захотел причинить вред китайцам, то у него было множество других способов это сделать. “В конце концов, он крупнее”.

Тем не менее, вскоре Брюс обнаружил, что поначалу его взгляды не разделяли некоторые члены китайского сообщества в Сан-Франциско, в частности, те, кто вращался в сфере боевых искусств. Одним из них был человек, бросивший ему вызов, который в назначенный день появился в квуне Брюса на Бродвее в сопро-

вождении парочки китайских коллег. Он передал ему узорчатый свиток на китайском, что придало вызову официальность. Брюс прочел свиток, который оказался ультиматумом от сообщества боевых искусств Сан-Франциско. В нем утверждалось, что если Брюс не примет вызов, он будет вынужден либо закрыть свой институт, либо прекратить обучать европейцев. Брюс посмотрел на человека.

“Ты именно этого хочешь?”

Бросивший вызов человек, казалось, почти оправдывается. “Ну, нет, это не то, чего я хочу, но я представляю здесь этих людей”. Он указал на своих китайских товарищей.

“Тогда ладно” – сказал Брюс.

Это произвело невероятный эффект на кунфуиста и его группу поддержки (около полудюжины или около того учеников в этот момент зашли в зал). Очевидно, они воображали, что Брюс был бумажным тигром, который, столкнувшись с фактическим вызовом опытного специалиста, просто струсит. Они принялись что-то обсуждать между собой. После обсуждения они предложили Брюсу: “Давай не проводить это как матч – давай просто устоим небольшой спарринг. Пусть просто каждый опробует свою технику”.

Брюс нетерпеливо и сердито отмахнулся. Немногие были более вспыльчивы, чем он.

“Нет, ты бросил мне вызов. Так давай драться!” Настоящий бой был, очевидно, последним, чего хотели эти парни, даже притом, что именно им в первую очередь принадлежала инициатива бросить вызов. Их следующим шагом было попытаться обговорить некоторые правила, чтобы никто серьезно не пострадал.

“Не бить по лицу. Не бить ногами в пах” – начал было человек, бросивший вызов.

Джеймс Ли в институте Чжун-Фан Гунфу в Окленде

Джеймс Ли демонстрирует свою известную технику ломания кирпичей

“Я не придерживаюсь этих правил!” – заявил Брюс. “Ты пришел сюда с ультиматумом и вызовом, надеясь припугнуть меня. Ты бросил вызов – так что правила устанавливаю я. Поэтому, насколько я убежден, это будет беспощадный бой. Без ограничений”.

На тот момент я была на девятом месяце беременности нашим сыном Брэндоном. Полагаю, я должна была нервничать. И все же, правда в том, что я чувствовала себя весьма спокойно и сдержанно в сложившихся обстоятельствах. Я знала, что Брюс был разгневан и вспыльчив, но мне казалось, что он полностью контролирует свое физическое и эмоциональное состояние. У меня не было сомнений, что он сможет о себе позаботиться.

Брюс и предполагаемый специалист традиционно поклонились друг другу и затем начали бой. Соперник Брюса принял классическую стойку, тогда как Брюс, который в то время все еще использовал свой стиль вин-чунь, произвел серию прямых ударов. Через минуту человек, сопровождавший бросившего вызов, попытался остановить бой, когда Брюс начал одерживать верх. Джеймс Ли помешал им остановить бой. Минутой позже, когда Брюс продолжал атаку всерьез, его соперник начал пятиться так быстро, как мог. На мгновение бой угрожал перерасти в фарс, когда он фактически развернулся и побежал. Когда оба мужчины вернулись в центр ринга, соперник Брюса был не способен провести атаку. Брюс быстро повалил его на пол и навис над ним с поднятым кулаком.

“Хватит?” – крикнул Брюс.

“Хватит!” – молил его противник. Брюс потребовал повторного ответа на свой вопрос, чтобы убедиться, что тот понял, что это конец боя.

Все еще очень разгневанный Брюс поставил человека на ноги, после чего вышвырнул всех на улицу. Не думаю, что когда-либо видела более пораженную группу кунг-фу бойцов, до или после, и с этого момента сообщество боевых искусств Сан-Франциско больше никогда не смело угрожать Брюсу напрямую. Вспоминает Эл Дакаскос много лет спустя: “Это был первый и последний раз, когда у Брюса были проблемы с китайским сообществом. Фактически, если пойти в китайский квартал Сан-Франциско сегодня, или любой другой китайский квартал, выяснится, что для них Брюс - великий герой. Они скажут тебе: ‘Да, Брюс - китаец и великий кунфуист!’, и их гордости просто нет предела”.

Вся жизнь Брюса была процессом совершенствования, и этот огромный эффект как нельзя лучше виден в его работе с боевыми искусствами. Стычка с кунфуистом из Сан-Франциско, которую я только что описала, заставила Брюса задаться вопросом о своем самовыражении в боевых искусствах. До этого боя он в значительной степени довольствовался импровизацией и расширением своего оригинального стиля вин-чунь, но затем вдруг понял, что хотя он выиграл со сравнительной легкостью, его выступление не было ни четким, ни эффективным. Бой, как он понимал, должен был завершиться через несколько секунд после того, как он нанес первый удар. Вместо этого он затянулся на три минуты. Кроме того, под конец боя Брюс чувствовал себя очень запыхавшимся, что подтвердило, что он был далек от совершенного физического состояния. Так он начал разбирать бой, стремясь найти способы улучшить свои действия. В конце концов он пришел к выводу, что основа вин-чунь создает ему ограничения. Она делала большую ставку на технику рук, в ней было мало техники ударов ногами и таким образом, по сути, она была неполной. Осознав физические ограничения стиля вин-чунь, он начал отходить от этого стиля, исследовать, испытывать новые движения, заново рассматривать традиционные стили. Он не делал этого, прыгая от стиля к стилю или от инструктора к инструктору, а скорее искал лучшее в самом себе, отсекая ненужное и сохраняя полезное. Возможно, для него это было проще, чем для большинства, поскольку он всегда чувствовал личное обязательство перед самим собой быть лучшим во всем, чем занимался – не самым великим или самым успешным - а скорее выразить себя в высочайшей степени, на которую он был способен.

Я, беременная Брэндоном

Брюс держит на руках свою новорожденную дочь Шэннон

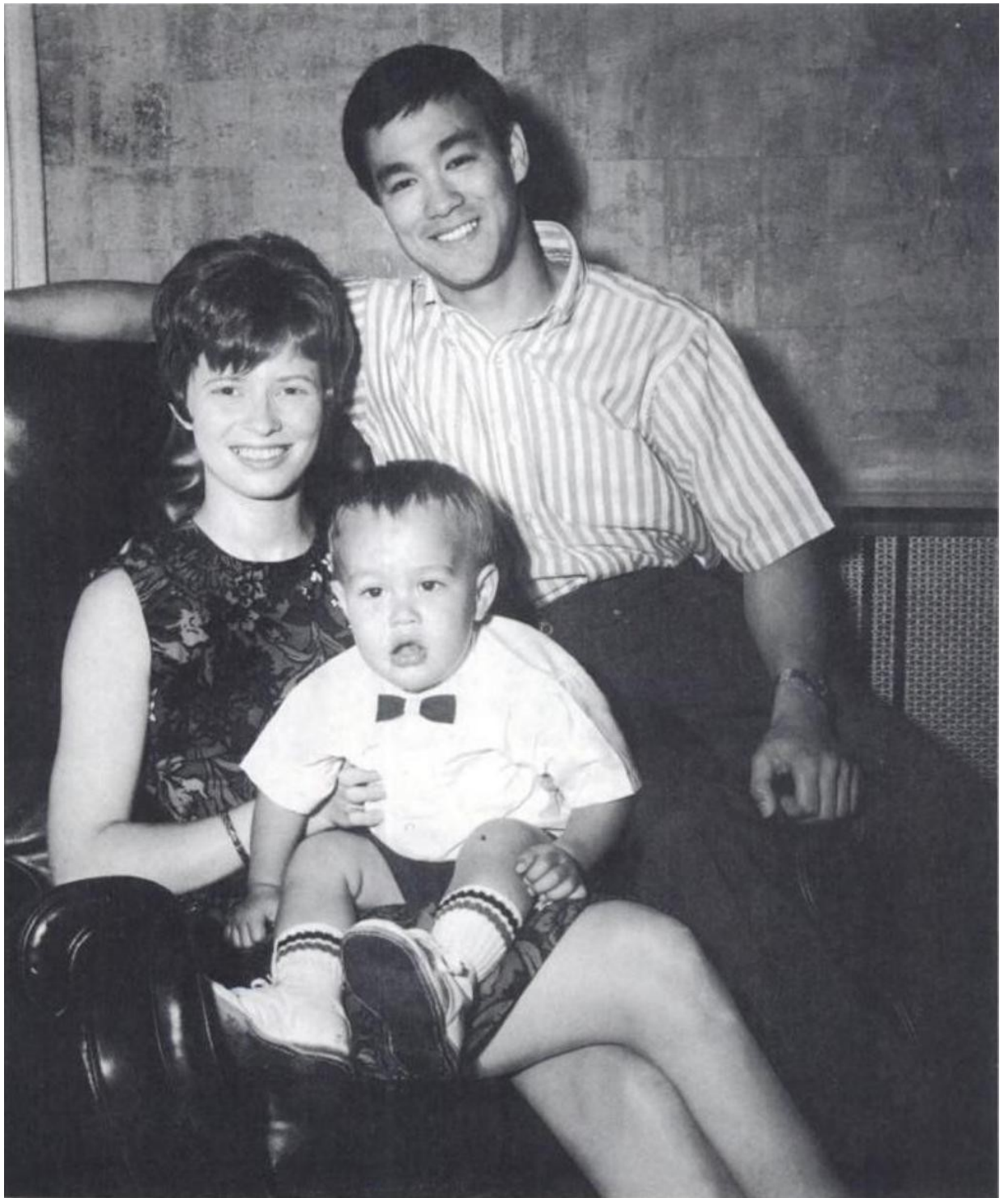
Я с Брэндоном. Обратите внимание на черные как смоль волосы на головке у малыша, которые скоро приобретут белый цвет.

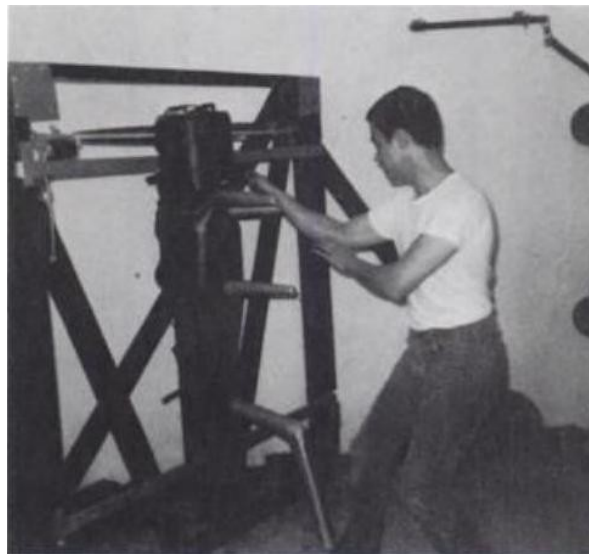
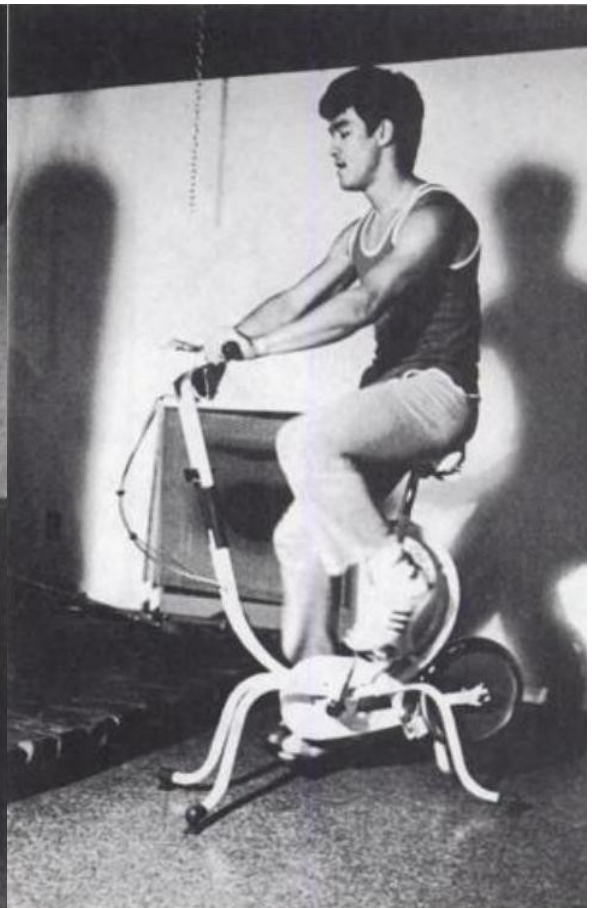
Малютка Шэннон. Зеница ока своего отца

Брэндон в двухлетнем возрасте пробует ходить

Наше семейное фото времен Като

Брюс использует мишень в виде подвешенного листа бумаги, занимается на велотренажере и отрабатывает удары на деревянном манекене

*Брюс в традиционном костюме гунфу
отрабатывает технику на деревянном манекене*

Этот бой также заставил Брюса использовать более сложные и изнурительные методы тренировок. Постепенно он пришел к разработке некоторых видов оборудования, который, как он считал, окажут ему большую помощь. Я часто видела, как он сидя за столом воплощает на листке бумаги ту или иную идею по специальному приспособлению. Обычно его друг и ученик, Херб Джексон, специалист и мастер-новатор, изготавливал необходимое оборудование. Брюс постоянно стремился к наиболее реалистичному оборудованию. В конце концов, тяжелые мешки и манекены не могли дать сдачи. Поэтому он попытался разработать оборудование, которое бы увеличило скорость реакции – приспособление, которое бы

возвращалось к нему из различных углов, вынуждая менять тактику, двигаться, быть настороже, и в особенности сохранять активность. Но даже лучшее оборудование не могло имитировать условий реального боя. Именно поэтому главным элементом его тренировок был спарринг, и в течение его жизни он проводил столько не подготовленных заранее спаррингов, сколько это было возможно.

“Для меня лучшим упражнением является бег” – рассказал как-то Брюс репортеру, подчеркивая, что “нет всесторонне развитых бойцов, которые бы не проводили бои без тяжелого спарринга”. Он настаивал на том, что “бег столь важен, что ты должен заниматься им в течение всей жизни. В какое время бегать не так важно, главное, что бежишь. В начале ты должен бежать медленно, постепенно увеличивая расстояние и темп, и наконец используя спринт для развития дыхания”. Сам он бегал ежедневно от 15 до 45 минут, пробегая от двух до шести миль. Кроме того, каждый второй день он проезжал 10-20 миль на велотренажере и часто катался с Брэндоном на велосипеде. Кроме бега он также твердо верил в упражнения для пресса – стойки на руках, поднятия ног и так далее. “Зачастую один из китайских мастеров с большим животом говорит, что чи (внутренняя сила) опустилась в желудок. Они не шутят – у них она действительно опустилась и исчезла!”

Брюс и Дэн Иносанто, его старший ученик и помощник инструктора института Чжун-Фан Гунфу в Лос-Анджелесе

Брюс считал, что его удары руками и ногами должны быть отточены, и ежедневно совершенствовал их, чтобы быть ловким. Одним особым приспособлением был деревянный манекен, первоначально привезенный им из Гонконга. Он сделал его невероятно сложным по мере продвижения в своем искусстве. Это приспособление составляло шесть футов в высоту и где-то фут в диаметре. Стояло оно на платформе 8x8, и поддерживалось пружинящим механизмом, что означало, что ее реакция на удар была практически непредсказуемой. У него было две съемных руки ниже шеи и еще одна в центре, выступающая аж на два фута. У манекена также была металлическая нога, устремленная в сторону и вниз. Его руки помогали совершенствоваться, к примеру, «пак сао» (технику захвата) и также технику «чи сао» (липкие руки). Важность ноги манекена состояла в том, что он учил бойца ставить ногу таким образом, чтобы автоматически блокировать переднюю ногу соперника, таким образом не давая ему совершить удар ногой или подсечку. Более того, ученик мог также отрабатывать на манекене удары коленом.

В действительности Брюс пользовался парой различных мешков для отработки ударов руками. В дополнение к мешку для ударов, набитому бобами, и прикрепленному к стене, тяжелый мешок использовался для нанесения тяжелых, продолжительных ударов руками, созданного таким образом, чтобы заставить соперника врасплох. Он также использовал мешок “верх-низ”, чтобы наносить прямые удары. “Если ты не бьешь по нему прямо, мешок не совершит к тебе ответное движение” – объяснял он. Он был полезен для совершенствования работы ног. Поддерживаемый эластичными шнурами сверху и снизу, мешок всегда совершал ответное движение с невероятной скоростью, поэтому бойцу приходилось всегда быть начеку. Он пользовался круглой боксерской лапой, которую держал помощник, для создания эффекта движущейся мишени. Важность этого упражнения состояла в том, что учила его не выдавать свои удары. Эта лапа выглядела как перчатка кэтчера, за исключением того, что была полая. Брюс обычно таскал одну из них с собой, и если встречал кого-то интересующегося боевыми искусствами, он надевал ее и говорил: “Вот, сделай свинг – больше ничего”. Большинство сперва замахивались, а затем били по ней. Брюс просил их надеть ее, а затем демонстрировал, что необязательно замахиваться, чтобы ударить – все, что нужно, это небольшая дистанция. Жесткость получавшегося в результате удара была такой, что однажды он вывихнул плечо одному сотруднику в офисе журнала «Черный пояс».

Он даже использовал в тренировках обычную бумагу. Он подвешивал листок бумаги на толстую веревку или цепь на желаемую высоту. Цель этого упражнения состояла в том, чтобы увеличить скорость и обеспечить правильное использование тела для достижения мощи. Оно помогло развить его движение бедром при ударах руками, а также было полезно как для боковых, так и для крюкообразных ударов ногами. Это упражнение учило Брюса определять расстояние на глаз, но основная цель состояла в выработке точности и четких движениях.

Без сомнения, одни из самых зрелищных движений можно было увидеть в его тренировках с тяжелым щитом. Это было увлекательное зрелище. Когда Брюс держал мишень для ученика, я ни разу не видела, чтобы удар ученика сотрясал его. Однако, когда приходил черед Брюса совершать удар ногой, ученик часто пролетал через всю комнату, приземляясь плашмя на спину.

Когда Роберт, младший брат Брюса, поселился у нас в Гонконге, он вспоминал, что как бы усердно он не пытался напрячься, чтобы выдержать один из ударов Брюса ногой по тяжелому щиту, он неизбежно оказывался в задней части сада, но как он добавляет “к счастью Линда всегда сперва открывала дверь”. Щит также использовался для улучшения пробивной способности. Если партнер или ученик думал, что Брюс собирается атаковать, он мог попытаться отступить так быстро, как это возможно, хотя проникающая мощь Брюса была такой, что даже лучшим каратистам не удавалось избежать его атак во время тренировок.

Брюс постоянно подчеркивал, что лучшая тренировка это спарринг в свободном стиле с использованием защитного оборудования. “В спарринге нужно носить подходящее защитное оборудование и выкладываться. К тому же можно действительно изучить правильный ритм и определить необходимое расстояние для выполнения ударов ногами, руками и так далее. Желательно спарринговать со всеми типами людей – высокими, низкими, быстрыми, неуклюжими – да, временами неуклюжий парень может навешать более опытному бойцу, потому что его неуклюжесть является своего рода рваным ритмом. Хотя лучший спарринг-партнер это быстрый, сильный человек, который не придерживается ничего, это сумасшедший, который изо всех сил царапается, хватается, бьет руками и ногами”.

Такой была жизнь Брюса в 60-х. За ежедневным ранним подъемом следовал разогрев из растяжки и временами бега до завтрака или час на велотренажере. Затем наступало время отдыха: чтение, телевизор, игры с детьми (к Брэндону в 1969-ом присоединилась наша дочь Шэннон) или делал деловые звонки. За легким ланчем следовало еще более усиленное чтение и тяжелая тренировка. После этого, перед тем, как лечь спать в 11 вечера, он диктовал на кассетный магнитофон все вопросы, которым на следующий день требовалось уделить внимание. В соответствии с детским прозвищем в течение каждого божьего дня Брюс редко сидел на месте. Он был самым близким человеком к вечному движению насколько это себе можно представить.

“Брюс был один на два миллиарда” – Эд Паркер

Брюс со своим преданным другом и “второй мамой” Евой Дао

У института в Окленде дела шли не так хорошо, как рассчитывали Брюс и Джеймс Ли. И тому была всего одна реальная причина – Брюс был перфекционистом, решительно настроенным принимать в свою школу только серьезных учеников, на которых по его мнению стоило тратить время. Брюс однажды сказал репортеру в интервью: “Трудно найти искренних и серьезно настроенных учеников. Многие из них энтузиасты с пятиминутным азартом, некоторые из них приходят со злым умыслом, но, к сожалению, большинство из них второсортны, в основном, это конформисты”. Более того, Брюс настаивал на эксклюзивности своего квун – что доступ в него имеют лишь достойные ученики, что его школа во всем мире единственная в своем роде, что все уроки кунг-фу проводятся для здоровья, самообороны, получения восхищения со стороны окружающих, саморазвития и, прежде всего, спокойствия духа.

Когда мы переехали в Лос-Анджелес в 1966-ом, Брюс открыл свой третий квун в китайском квартале на Колледж Стрит, 628. Рассказывает Дэнни Иносанто, который стал помощником инструктора: “Брюс не хотел превращать свое искусство в источник прибыли, поэтому он просто покрасил окна в красный цвет. Он не любил таблички у входа и подобные вещи”. Что больше всего потрясло Дэнни в Брюсе как в инструкторе, так это то, каким полностью расслабленным он был, и при этом постоянно отпускал шутки, благодаря чему все пребывали в хорошем настроении, и в то же время “сохранял должную дисциплину”.

Как резкий контраст Дэнни вспоминает свое первое знакомство с Брюсом как учителем. “Секрет ударов ногами, как учил этому Брюс, в контролируемом гневе. Помню, как однажды он попросил меня сделать удар ногой. Он держал тот щит, и в течение пяти минут я бил ногами этот щит, отчаянно стараясь улучшить

свой удар. Мне действительно казалось, что я вкладываю в него все силы – но Брюс все еще не был доволен. Наконец, он подошел и дал мне пощечину, крикнув в это же самое время: ‘А теперь ударь!’ Он держал щит передо мной – я просто кипел от гнева и тут же – бах! Просто фантастика!”. Брюс редко применял подобную мотивацию при обучении, но он знал темперамент Дэна достаточно хорошо, чтобы понимать, что в данном случае это было необходимо.

Дэнни: “В результате тренировки с Брюсом были гораздо больше, чем просто изучение методов борьбы или самозащиты. Джеймс Ли, к примеру, утверждал, что после тренировок с Брюсом он был на подъеме, больше чувствовал себя самим собой, и что вся его жизнь изменилась. Еще одним из учеников Брюса был сначала застенчивый, робкий, тихий и даже стыдливый человек. Он учился драться со всей агрессивностью дикого зверя, и смог применить уроки в обычной жизни, выйдя из своей скорлупы и раскрывшись как личность”.

Но как именно Брюс достиг таких результатов? Объясняет Дэнни: “Брюс всегда подстраивал свои рекомендации к личности человека, с которым общался. То, что он говорил одному ученику или даже помощнику инструктора всегда отличалось от того, что он говорил другому. Таким образом, он создавал с тобой очень непосредственную и тесную связь. Он связывал все это с индивидуальными характеристиками, принимая во внимание рост, скорость и другие качества человека. Некоторые быстро били ногами, некоторые медленно, некоторые лучше работали руками. Так он научил каждого находить свои сильные стороны и использовать их. Он также учил каждого находить и свои слабости. Он также объяснял, что не было никакого прока в подражании ему. Ни у кого из нас не было сочетания его скорости, ритма, гибкости, координации или даже его строения. Он утверждал: ‘Человек, поскольку он творческая личность, намного важнее, чем любой стиль или система’. Чего он намеревался добиться, так это раскрепостить людей – освободить их от собственных внутренних тормозов. Он был и психологом и философом – и его ученики брали на вооружение эти преимущества. Вскоре я осознал, что сам себе мешаю достичь большего, поскольку я напряжен и скован. Первое, что мне требовалось сделать, это освободиться от психического напряжения”.

Дэн отмечает, что Брюс “фактически установил новые стандарты. Он был как Роджер Баннистер – как Эйнштейн, Эдисон или Да Винчи, если хотите, в том, что касается боевых искусств”.

Отчасти в шутку, но главным образом для того, чтобы донести свое сообщение более наглядно, Брюс воздвиг миниатюрное надгробие рядом со входом в квун. На надгробном камне лежали цветы и были начертаны такие слова: “в память о когда-то подвижном человеке, уничтоженном зубрежкой и изуродованном классической чепухой” – Брюс однажды высказался журналу «Черный пояс»: “Этот камень отлично выражает мои чувства”.

Примерно в то же время «Черный пояс» выпустил о Брюсе большой выпуск в двух частях. В квуне в китайском квартале у репортера Максвелла Полларда состоялась длительная беседа с Брюсом, и он также понаблюдал за его тренировкой с Дэном Ли, одним из лучших друзей Брюса и блестящим кунфуистом. “Частные уроки, как правило, неинтересны” – объяснил Брюс. “Гораздо приятнее обучать тех, кто прошел через традиционные тренировки. Они понимают и принимают то, что я им предлагаю. Если мне попадается интересный и потенциально перспективный человек, я не беру с него ни цента”, что было чистой правдой.

Репортер сравнил движения Брюса по куну с “пантерой, контратакующей, наступающей, наносящей удары руками с огромной силой – подчас, удары коленом, джебы пальцем, мощные удары руками в солнечное сплетение, удары локтями и коленями”. Что, в особенности его впечатлило, так это то, что тело Брюса постоянно находилось в расслабленном состоянии. Он считал движения Брюса движениями “блестящего, чрезвычайно совершенного боксера, совершающего свои удары с максимальной экономией”. Его движения напоминали “смесь стиля винчунь с западным фехтованием”.

К этому времени стиль боевых искусств Брюса настолько развился, что ему пришлось дать имя – джит кун до. Он объяснял, что “джит” означало “останавливать или перехватывать”, “кун” – “кулак”, а “до” – “способ или высшая реальность”. Джит кун до, объяснял Брюс, это “прямое выражение чувств с минимумом движений и энергии. Никакого секрета нет. Мои движения просты, прямы и неклассичны”.

В джит кун до не было установленных правил и классических форм, так как основной упор делался на ритмику – и поэтому во время спаррингов Брюс использовал “рваный ритм”, добавляя при этом, что “классические формы – это бесполезные попытки “задерживать” и “фиксировать” постоянно меняющиеся движения в схватке, их можно подробно разбирать и анализировать как труп. Но когда ты находишься в реальном бою, ты не дерешься как труп. Твой соперник живой, движущийся объект, который не стоит в одной и той же позе, он подвижный и живой. Дерись с ним реалистично, не так, словно ты дерешься с роботом”.

Из своих наблюдений он давно понял, что большинство видов кунг-фу, каратэ, тхэквондо и других боевых искусств основаны на стилях, которые, по сути, несовершенны. У каждого из них были свои собственные формы, движения и так далее, и каждый специалист вступал в бой, полагая, что у него есть все ответы, по этой причине Брюс отказывался назвать джит кун до “стилем”, что на его взгляд ограничило бы его. В результате джит кун до не подчинялось ни правилам, ни формам, а лишь установленному числу движений и техник, с помощью которых можно было противопоставить его другим техникам. Сама суть джит кун до состояла в исследовании самого себя, что в свою очередь требовало огромного самопознания. Таким образом, это не был стиль боя, которому можно легко обучиться. Многие из этих догадок появились благодаря его чтению и последовательному пониманию сил природы, тогда как часть других была продуктом его собственного опыта.

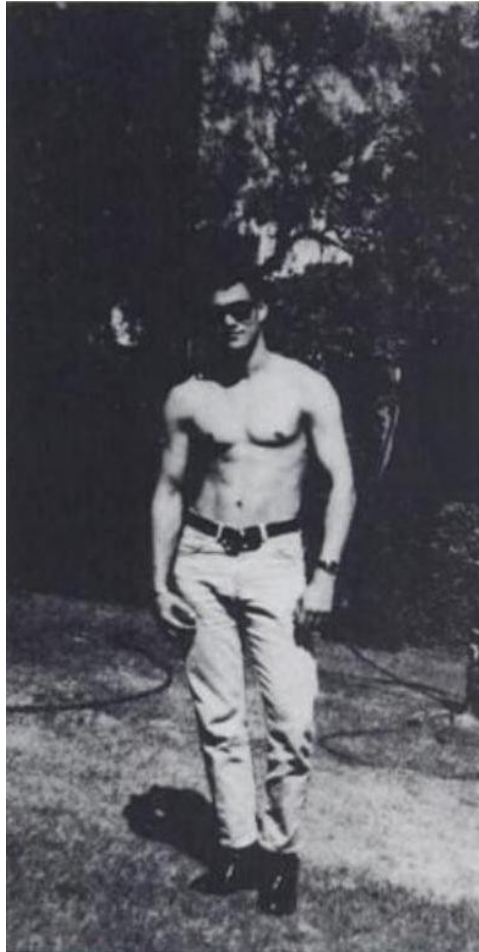
В какой-то момент Поллард вынудил Брюса объяснить, что он подразумевает под “прямотой”. Едва он промолвил эти слова, как бумажник Брюса взлетел в воздух. Инстинктивно Поллард вытянул руку и поймал его. Брюс ответил: “Это и есть прямота. Ты сделал то, что естественно. Ты не стал терять время. Ты просто протянул руку и схватил бумажник – ты не приседал, не ворчал, не вставал в позу лошади и не совершал какое-нибудь классическое движение, чтобы дотянуться до бумажника. Ты бы не поймал его, если бы сделал это. Другими словами, если кто-то хватает тебя, ударь его! Не делай ненужных, сложных движений! Тебя отметелят, если ты их сделаешь, а в уличном бою на тебе просто разорвут рубашку”. Затем Брюс рассказал то, что всегда считал классическим определением джит кун до. “Создавая статую, скульптор не добавляет на фигуру глину. На самом деле, он отсекает долотом все ненужное, пока истина не откроется за преградами. Джит кун до не подразумевает добавление чего-либо. Оно подразумевает уменьшение. Другими словами, отойти от несущественного. Это не ежедневное увеличение, а ежедневное снижение. Искусство это поистине самовыражение. Чем более слож-

ным и ограничивающим является метод, тем меньше возможность для выражения истинного чувства свободы. Хотя она играет важную роль на раннем этапе, техника не должна быть слишком механической, сложной или ограничивающей. Если мы слепо цепляемся за нее, то в конце концов нас связывают ее ограничения. Помните, вы выражаете технику, а не делаете технику. Если кто-то атакует вас, ваш ответ не техника № 1, стойка № 2, раздел №3, параграф №5. Вместо этого ты приближаешься как звук и эхо, без каких-то колебаний”.

Примерно в то же время Брюс начал рассматривать отказ от своих планов открыть сеть кунг-фу школ по всей Америке. Год спустя, когда он стал известен на американском телевидении, предпринимались попытки сыграть на его финансовых интересах, чтобы убедить Брюса изменить свое мнение и прибегнуть к своему имени и престижу для открытия сети, однако Брюс решительно отказался продавать за бесценок свою честность, повторяя, что откроет школы только при условии, что будет лично контролировать процесс обучения или возложит его на такого помощника инструктора, как Джеймс Ли, Дэнни Иносанто или Таки Кимура, которых он обучил сам – и это, очевидно, исключило любые возможности для массового обучения, поскольку ушло бы много лет, чтобы найти инструкторов нужного уровня и должным образом обучить их.

Эд Паркер, утвердившийся в качестве главного сифу в Соединенных Штатах, выражал довольно твердое мнение об успехе Брюса как учителя. Он утверждает, что сам Брюс был “один на два миллиарда” и что “Бог одарил его всеми природными талантами”. Но, заявляет Паркер, его проблема как учителя была в том, что он мог передать свои идеи, но не свой талант, поэтому его философия не сработала для большинства его учеников. Относительно сравнения Брюса бойца со скульптором, отсекающим лишнее с камня, Эд ответил так: “Но если у парня нет природного таланта, который был у Брюса, он может отсекал хоть целый день и не найдет того, что нашел Брюс”. Проблема быть успешным учителем едва ли та, которую один Брюс считал трудноразрешимой. Учитель каждого предмета считает, что это так. Сама суть преподавания Брюса, фактически, состояла в том, что то, что могло работать для него, необязательно сработало бы для ученика. Тем не менее, если он мог внушить необходимое настроение студенту, то все остальное зависело уже от него. Он часто признавался мне, как это трудно: “Несложно научить другого быть ловким, но тяжело научить его найти свой подход”.

Произошел большой поворотный момент в жизни Брюса, когда он провел выступление кунг-фу на соревнованиях по каратэ в Лонг-Бич, Калифорния, в 1964-ом. Эд Паркер пригласил Брюса устроить демонстрацию на первом международном чемпионате по каратэ. В это время широкая публика знала очень немного о загадочном и секретном китайском искусстве кунг-фу, но Эд некоторое время знал Брюса и был впечатлен его способностями. Как и у многих людей, не слишком хорошо знакомых с Брюсом, первым впечатлением Эда было, что он заносчив, но увидев Брюса в действии, он рассудил, что у того “были все права на существование – он мог заставить воздух хлопнуть во время ударов руками”.

Брюс в оклендские годы. Именно в этот период Брюс начал уделять более пристальное внимание развитию своего тела. Чуть позже рельеф его мышц станет еще более выдающимся

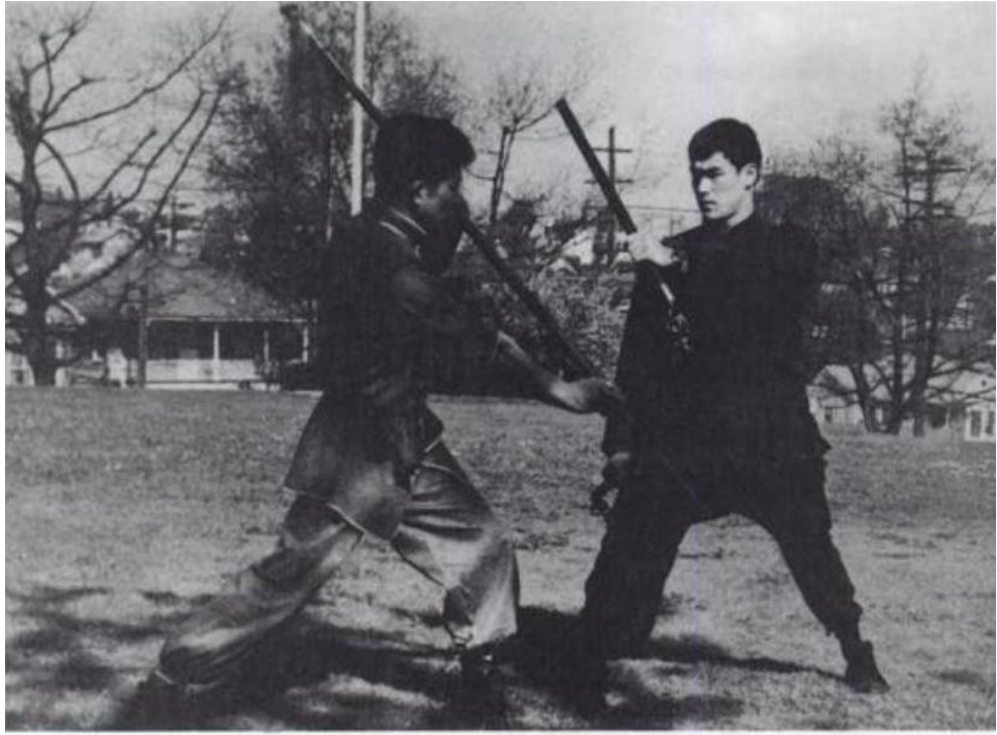
Брюс и я на свадьбе ученика Тэда Вонга и его жены Крины

*Брюс и мастер кэмпо Эд Паркер.
Чуть позже Эд представит Брюса миру телевидения и кино*

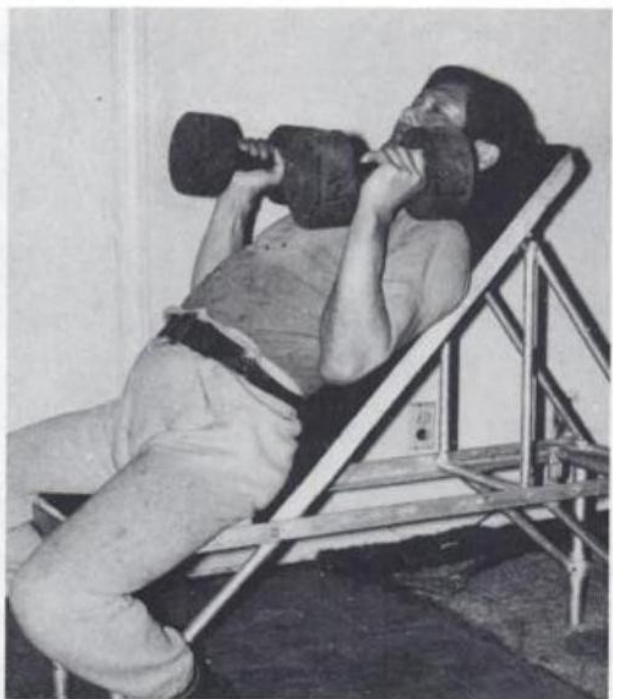
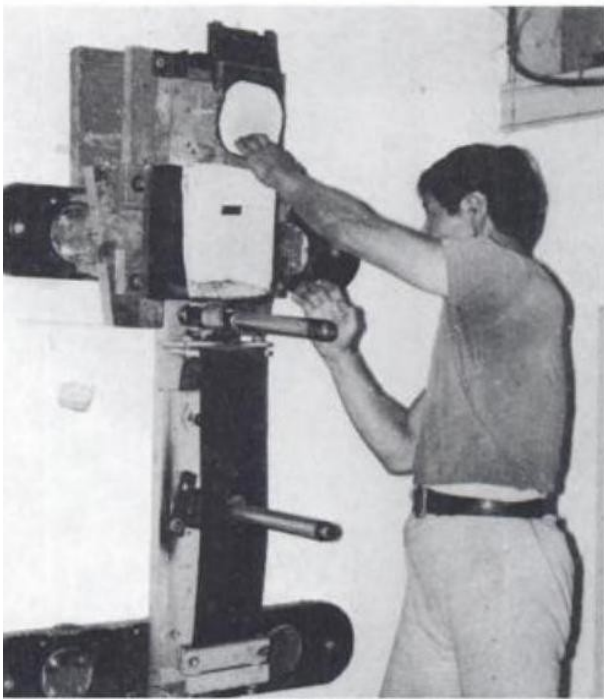

*Надгробный камень, воздвигнутый Брюсом в квуне Лос-Анджелеса,
чтобы выразить свои взгляды на традиционные тренировки
по боевым искусствам*

(сверху) Брюс тренируется с Таки Кимура, китайский трехсекционный боевой цеп против бо.

*(снизу) блокирующая и одновременно ударная техника.
“Лучшее защитное движение это нападение” - повторял Брюс*

*Джеймс Ли, сварщик по профессии,
конструирует и тестирует новое оборудование*

Брюс с членами филиала Чжун-Фан Гунфу в Лос-Анджелесе

Брюс отрабатывает высокий удар ногой с Дэном Иносанто

Демонстрацию Брюса посмотрело большое количество зрителей, среди которых было много ведущих обладателей черных поясов и инструкторов каратэ с западного побережья. Большинство присутствовавших сошлись во мнении, что в Брюсе было не только что-то несколько необычное, он также обладал уникальной личностью. Как отметил один из наблюдателей: “У него было то, чего не было у других – это легко заметить в том, как он объяснял свое искусство, в том, как говорил. Тем вечером он был чрезвычайно динамичен. Нельзя было удержаться от того, чтобы не потянуться к нему. Даже те, кто знал очень мало о единоборствах, внимательно его слушали. Ясно, что благодаря снятой Эдом Паркером демонстрации, Брюс совершил удачный прорыв”.

Среди зрителей в тот вечер находился голливудский стилист по имени Джей Себринг – позже ставший одной из жертв банды Мэнсона, когда они напали на дом кинорежиссера Романа Полански и убили его жену, Шэрон Тейт, и других гостей. Себринг, который стал хорошим другом Брюса и сыграл важную роль в знакомстве Брюса со Стивом МакКуином, был чрезвычайно впечатлен жизненной

силой и харизмой Брюса. Некоторое время спустя, во время стрижки телепродюсера Уильяма Дозьера, он упомянул Брюса. Дозьер сказал, что ищет актера на роль «Сын № 1» Чарли Чена в новом телесериале, который был у него в планах. Джей упомянул, что видел Брюса в действии и считал, что Дозьеру следует обратиться на него пристальное внимание. Он считал, что у Брюса есть ярко выраженная харизма, великолепное чувство юмора, и он должен прийти по вкусу аудитории. Дозьер принял совет Джей и связался с Эдом Паркером, который привез пленку демонстрации Брюса на студию XX Век Фокс. Дозьеру понравилось то, что он увидел, и он немедленно позвонил нам домой в Окленд.

克強健力學院
HAK KEUNG GYMNASIUM

運動程序
Exercise List.

繳費日期

學生姓名 性別
Name BRUCE LEE Sex M Date MAY 27 1965

運動名稱 EXERCISE	組數 SETS	磅 LBS	次數 TIMES	運動名稱 EXERCISE
1 SQUAT	3	95	10	SQUAT
FRENCH PRESS 1	4	64	6	FRENCH PRESS
2 INCLINE CURL	4	35	6	FRENCH PRESS
FRENCH PRESS 2	4	64	6	PUSH UP
3 "CON" CURL	4	35	6	TRICEP STRETCH
PUSH UP	3	70-80	10	INCLINE CURL
4 TWO HAND CURL	3	70-80	8	"CON" CURL
5 TRICEP STRETCH	3	3	8	TWO HAND CURL
DUMBBELL CIRCLE	4	16	INF	INF REVERSE CURL
6 REVERSE CURL	4	64	6	DUMBBELL CIRCLE
7 WRIST CURL 1	4	64	INF	WRIST CURL
WRIST CURL 2	4	10	INF	WRIST CURL
SIT UP	5	B.W.	12	SIT UP
CALF RAISE	5	B.W.	20	CALF RAISE

此表請勿携出校外 Please do not take it away

*Когда мы с Брюсом посещали Гонконг в 1965-ом,
он придерживался этого режима силовых тренировок*

Брюса не было дома, когда раздался звонок, поэтому с Дозьером говорила я. Хотя я никогда не слышала о нем, и он не сказал мне, чего именно хочет, его слова звучали очень обнадеживающе. Когда Брюс перезвонил ему, Дозьер объяснил, что заинтересован в его кандидатуре для нового телесериала. Понятно, как мы оба были взволнованы. Брюс вылетел в Лос-Анджелес на кинопробы. Реакции были положительными, и Брюс вернулся в Окленд с большими надеждами.

Учитывая, что возможная карьера в Голливуде маячила на горизонте, мы размышляли, какой нам предпринять следующий шаг. Мы ожидали ответа от Дозьера о его планах на сериал. Через пару месяцев у продюсера на уме появился новый проект для Брюса. Гринвей Продакшнс уже были в процессе съемки сериала «Бэтмэн», который должен был выйти в предстоящем сезоне. Дозьер решил отказаться от «Сына № 1», и подождать реакции зрителей на «Бэтмена». Если она окажется положительной, тогда следом за ним выйдет очередной сериал в том же

формате комиксов - «Зеленый Шершень». Он хотел, чтобы Брюс сыграл роль Като. Все это свелось к тому, что Дозьер держал Брюса в режиме ожидания целый год. Для того чтобы воспользоваться его услугами, Брюсу пришлось принять условия. Премияльные выплаты составляли 1800\$, конечно, не огромные деньги, но само собой они помогли бы нам выйти из ситуации.

В феврале того же года умер отец Брюса, буквально через неделю после рождения своего первого внука Брэндона. Хотя Брюс совершил быструю поездку домой, чтобы присутствовать на похоронах, а мы решили взять немного из премиальных, чтобы совершить неторопливое путешествие в Гонконг, чтобы его мать и семья встретили меня и Брэндона. Брюс позвонил своей матери и сказал, чтобы она в скором времени ожидала приезда своего внука, “единственного голубоглазого блондина-китайца в мире”, как Брюс в шутку называл Брэндона. Брэндон родился с черными как смоль волосами, но вскоре его волосы выпали, и в три месяца он был настоящим светловолосым ребенком.

1945
學生體格進度表
BODY IMPROVEMENT LIST

姓名 BRUCE LEE 年齡 24 性別 M

肌肉部份 Parts of Muscles	左 L	右 R	日期 Date	日期 Date	日期 Date
頸 Neck			15 1/4	15 1/2	
胸 Chest	寸 Not.		39	41 1/2	
	磅 Exp.		43	44 1/4	
上臂 Biceps	寸 L		13	13 3/4	
	寸 R		13 1/2	14 1/4	
前臂 Fore Arm	寸 L		11	11 3/4	
	寸 R		11 1/4	12 1/4	
腕 Wrist	寸 L		6 1/4	6 3/4	
	寸 R		6 1/2	6 3/4	
腰 Waist			30	29 1/2	
大腿 Thigh	寸 L		21	22 1/2	
	寸 R		21 1/4	22 1/2	
小腿 Leg	寸 L		12 1/4	12 3/4	
	寸 R		12 1/2	13	
體重 Weight			140	140	
體高 Height			5'8"	5'8"	

Брюс отслеживал свой прогресс.

Силовые тренировки были основной составляющей его тренировок

Мы вылетели в Гонконг, где остановились на четыре месяца в семейном доме на Натан Роуд. Это было трудное время для семьи, учитывая, что отец Брюса умер совсем недавно. В доме по-прежнему проживало довольно много людей, и поскольку дело было летом, в доме было чрезвычайно жарко и влажно. Все относились ко мне как к желанному члену семьи. Я не испытала никакой негативной реакции, которую пришлось пережить Брюсу в моей семье. Их отношение заключалось в том, что Брюс знал что делает и что они не будут так или иначе влиять на него. И они очень гордились своим первым внуком. И все же это было тяжелое

время. Я знала всего пару слов на кантонском, и когда Брюса не было рядом, мне было трудно понять, о чем говорилось вокруг, и все же я пыталась ответить, часто смущаясь и вызывая приступы смеха у членов семьи. Вспоминая об этом сегодня, надо сказать, что это была возможно лучшая практика по языку, которая у меня когда-либо была, схожая с тем, как учиться плавать, когда тебя забросили на самую глубину. Это было также тяжелое время и для Брэндона, поскольку из-за летней жары и постоянного работающего кондиционера он часто болел. И поскольку мы жили в таких тесных апартаментах, Брэндон не мог заплакать и даже издавать малейший писк – ему тут же бежала на помощь благонамеренная бабушка и тетя. Чтобы не беспокоить никого по ночам, я обычно ходила взад-вперед с малышом на руках в предрассветные часы. Поэтому Брюс и я не наслаждались полноценным ночным отдыхом, пока Брэндону не исполнилось 18 месяцев.

Брюс так сильно хотел продемонстрировать своей семье, что может делать его новая жена, что похвастался о том, как я готовлю самые лучшие спагетти в мире. Когда мы только поженились, я вообще не знала, как готовить, а потом, когда жена Джеймса Ли скоропостижно умерла, я стала шеф-поваром и посудомойкой для всей семьи, и как следствие Бэтти Крокер и я стали лучшими друзьями. Через несколько месяцев это прошло, и спагетти остались практически моим лучшим творением. Семье Брюса не терпелось их попробовать. Я оказалась в гуще событий. Моей первой проблемой стал поиск необходимых ингредиентов - нелегкая задача в городе, где нет супермаркетов, какими мы знаем их в Соединенных Штатах. Секретным ингредиентом соуса для моих спагетти была пакетированная смесь Лори, неизвестная в Гонконге. Меня объяло чувство страха. Мне удалось найти некое подобие необходимых ингредиентов. Пока я неумело старалась на кухне, огромная толпа собралась в квартире, и ради этого особого события родственники Брюса собирались отовсюду. Самое большее, что я готовила, было для пятерых, а сейчас там находилось по меньшей мере 25 человек, готовых к предполагаемому пиршеству. Моя следующая проблема состояла в том, что я никогда не пользовалась газовой плитой и не знала, как регулировать пламя. Я также не поняла, пока не стало слишком поздно, что помидоры слегка пригорели. Увы, я приготовила спагетти, проникнутые вкусом горелых помидор. Это была настоящая катастрофа, если не сказать больше. Бедный Брюс! Я уверена, что вся семья жалела его, что он женился на такой неприлично неумелой женщине.

Миссис Ева Дао

В течение этих четырех месяцев у нас были хорошие времена, и я неплохо узнала семью и друзей Брюса. В частности, должна упомянуть милую леди, миссис Еву Дао, которая была Брюсу как приемная мать. Она повсюду таскала нас с Брюсом делать покупки и смотреть достопримечательности. У Брюса с ней была тесная связь, и он часто спрашивал ее совета о своей жизни и будущем.

Брюс постоянно находился на связи с Уильямом Дозьером, ожидая реакции зрителей на сериал «Бэтмен». Хорошими новостями было то, что все шло замечательно, и они с нетерпением ждали, когда «Зеленый Шершень» запустят в производство. Плохими новостями было то, что они и понятия не имели, когда это будет.

Мы вернулись в Сиэтл в сентябре 1965-го, где остановились у моих родных на следующие четыре месяца. За это время моя мама действительно узнала и полюбила Брюса. Затем мы вернулись к Джеймсу Ли в Окленд. Новости от Дозьера были всегда хорошими – “скоро, очень скоро”. У Брюса было такое отношение к происходящему – если все работает - прекрасно, а если нет - тоже хорошо – у него по-прежнему были его боевые искусства.

Брюс обучает учеников на заднем дворе нашего лос-анджелесского дома на Роскомэ-роуд

Некоторые из проблем, которые были у Брюса с прорывом в киноиндустрию, были похожи на сцену из довольно мрачной борьбы с предрассудками. Хотя он снялся в 20 фильмах в Гонконге в качестве детской кинозвезды, Брюс никогда серьезно не обдумывал идею прорыва в американское кино. Он был убежден, что единственными ролями, которые были доступны для китайцев, были слуги на побегушках, и он был решительно настроен не растрчивать свои таланты на подобные вещи. “Все уважали его за это. Он настаивал на том, чтобы оставаться человеком” – так сказал оскароносный сценарист Стерлинг Силлифант, один из лучших друзей Брюса, и одна из многих известных голливудских личностей, ставших его учениками, в список которых также входили Стив МакКуин, Роман Полански, Джеймс Гарнер, продюсер Су (Тарзан) Вейнтрауб, Карим Абдул-Джаббар, Элке Соммер и ее муж Джо Хайамс.

Когда в конце концов от Дозьера поступил ответ, что «Зеленому Шершню» дан зеленый свет, в марте 1966 мы с Брюсом переехали в Лос-Анджелес, где мы обнаружили крошечную квартиру на бульваре Уилшир в Уэствуде. XX Век Фокс обязал Брюса взять несколько уроков актерского мастерства у тренера по имени Джефф Кори, это было единственное формальное обучение в жизни Брюса. Обще-принятое мнение тех, кто был профессионально связан с Брюсом на протяжении его актерской карьеры, что он был “естественным”.

Основанный на одной из самых успешных радиопостановок 1930-х, «Зеленый Шершень» намеревался продемонстрировать подвиги Бритта Рейда, редактора-издателя газет, который надевал зеленую одежду и маску по ночам и превращался в борца с преступностью. Как Като, его слуга и помощник, Брюс смог дать американским поклонникам первое представление с кунг-фу. Позже Брюс пошутил корреспонденту газеты: “Единственная причина, по которой я вообще получил работу, состоит в том, что я единственный китаец во всей Калифорнии, который смог произнести имя Бритт Рейд”.

6

“Он не преподавал написание сценариев и психологию, но был рукоположенным священником, и при этом это был лучший учитель из тех, что я знал”

– Стерлинг Силлифант

“Важный момент касаясь Брюса – это следует подчеркнуть особенно - заключался в том, что он сам постоянно учился. Думаю, не проходило и дня, чтобы он не был занят чем-то новым”

– Джеймс Коберн

«Зеленому Шершню» не было суждено оказаться в списке лучших телесериалов всех времен, хотя роль Като, сыгранная Брюсом, с высоты прошедших лет, станет самой незабываемой изюминкой шоу. Сегодня, спустя больше двадцати лет после выпуска первой серии, я понимаю, почему пиратские копии шоу за крупные суммы денег продолжают покупать коллекционеры памятных вещей Брюса Ли.

Брюс совершил множество персональных выступлений по стране при подготовке к выходу сериала в эфир. Он произвел столь сногшибательное впечатление на одного критика из Миннеаполиса, что тот написал: “Могу дать совет продюсерам «Зеленого Шершня» как улучшить шоу еще до его официального выхода в эфир. Что им следует сделать, так это позволить приятелю Шершня, Като, написать свой собственный диалог. Его играет очень находчивый и веселый человек”.

Фактически, длительность шоу составила всего шесть месяцев в период 1966-67, не говоря о многочисленных повторах. Позже Брюс объяснил, что на его взгляд серии были сыграны слишком “прямолинейно”, чтобы привлечь внимание взрослой аудитории, и что шоу могло стать лучше при помощи “меньшего налета Джеймса Бонда”, а также большей продолжительности серий и меньшего числа персонажей.

Хотя взрослым сериал показался безвкусным и надуманным, всем детям без исключения Брюс пришелся по вкусу. Даже самые язвительные критики признали, что кунг-фу Брюса было сенсационным. Один критик писал: “Если бы тех, кто видел его в действии, разместили в комнате и сказали, что они могут принимать любые решения, эти люди сделали бы ставку на Ли, оставив Кассиуса Клея в дураках”.

Все были впечатлены огромной скоростью движений Брюса. “Он бьет с такой скоростью, что атака гремучей змеи происходит будто в замедленном действии” – написал другой репортер. На самом деле Брюсу приходилось объяснять репортерам, что он вынужден замедлять свои движения, чтобы камера могла запечатлеть их. “Поначалу это было смешно” – объяснял он. “Можно было увидеть только как передо мной падают люди. Даже когда я замедлился, камера снимала лишь размытые очертания”.

Брюс в костюме Като дает автограф молодому человеку

Он рассказал репортеру, что: “Одной из основных характеристик шоу будет скорость боев и простота добивания врагов Шершня”. Брюс, я должна подчеркнуть, знал об артистизме столько же, сколько Ф. Т. Барнум¹. Но существовало ограничение в том, насколько глубоко он мог развивать свое искусство. До того времени в большинстве китайских фильмов о боевых искусствах как правило присутствовали длинные, затянутые бои для достижения максимального эффекта крови и насилия. Брюс же, напротив, утверждал, что зрителей намного больше впечатлит внезапный, смертельный удар, этот ошеломляющий, разрушительный эффект кунг-фу. При условии, что сохранялась сущность его концепции, он уступил отчасти поэтической вольности, именно поэтому зрители видели, как он исполняет удары ногами в прыжке с разворота и другие подобные эффектные трюки, которые Брюс не считал частью своего техничного уличного арсенала.

Как написал другой репортер: “Цель кунг-фу - послать своего врага в ближайшую больницу за максимально короткое время, что Ли называет “максимум боли за минимум движений”. Осуществить это можно при помощи ударов но-

¹ Финеас Тейлор Барнум – одна из крупнейших фигур в мире шоубизнеса XIX века.

гами, локтями, пальцами по глазам, ударами ногами в голову. Тому же самому репортеру удалось отразить отдельный аспект многогранной личности и нрава Брюса: “Когда он не выступает в роли Като с холодным взглядом, Ли – поочередно то шоумен, то эльф, то крутой парень на районе. Он безжалостно каламбурит, выполняет ошеломительные трюки, демонстрируя скорость и координацию, смело пускается в перипетии языка, которым пытается овладеть. Вот один из примеров остроумия Ли: ‘Семьсот миллионов китайцев не могут быть Вонгами’ или ‘Я не думаю и не курю. Но я жую жвачку, потому что Фу Ман Чу’”.

Брюс, как и другие яркие, многогранные личности, наслаждался славой и поклонением от выступления в «Зеленом Шершне». Он купался в солнечных лучах личных выступлений, и даже ездил на профессиональных платформах, одетый в черный костюм, шоферскую фуражку и черную маску из своей роли Като. Он наслаждался всем этим, но все же прекрасно понимал, что подобная реклама приносила лишь поверхностные плоды. Все остальные выгоды, даже финансовая прибыль, были лишь дополнительным бонусом.

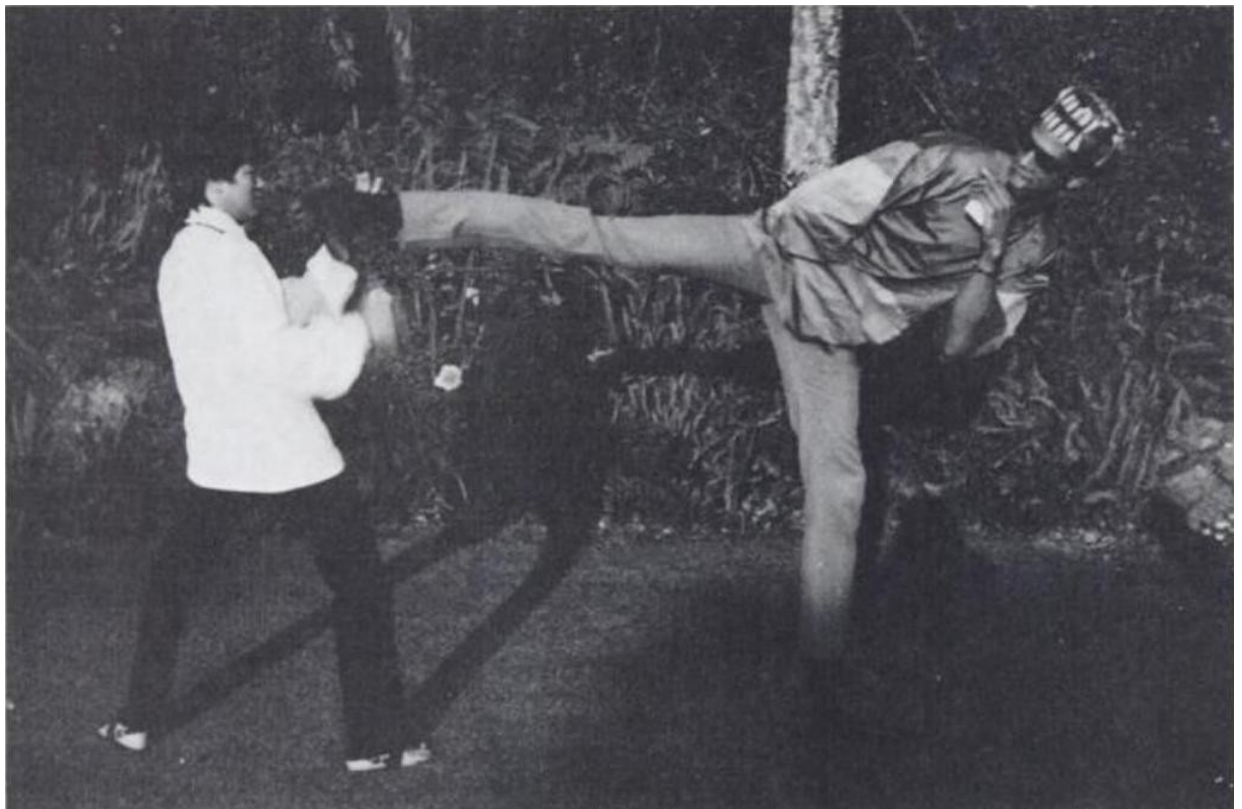
Брюса не могла не радовать жизнь, сила и динамическая мощь, и он хотел поделиться с людьми своей радостью. Питер Чин, актер массовки в «Зеленом Шершне» и лучший друг семьи, вспоминает, что у некоторых людей на съемках вызывало отвращение поведение Брюса за экраном. “Он всегда демонстрировал свои мускулы – показывая, каким сильным он был. Я не мог понять, почему их напрягало, что он был сильным, только потому, что хотел показать им, как может управлять своим телом. Они никогда ничего не высказывали ему в лицо, но когда он уходил, кто-то всегда говорил: “Он болтает чепуху - он большое трепло”. Но он им не был, вот в чем они не улавливали сути. Он был сильным. Он был особенным”.

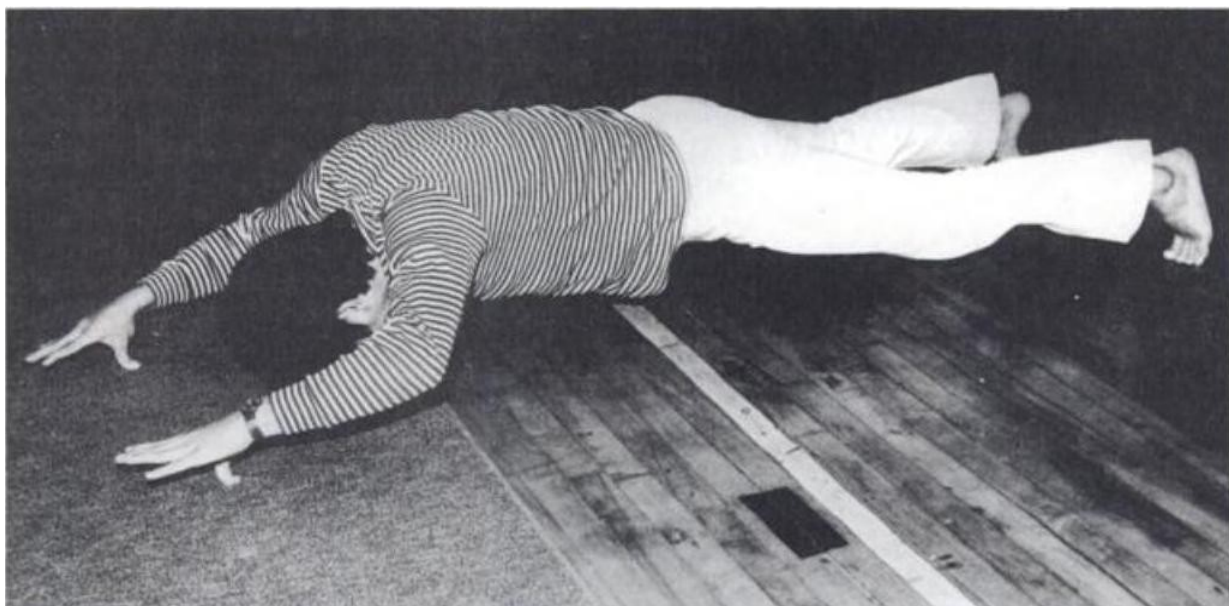
Брюс часто появлялся на публике в образе Като

*Брюс демонстрирует свой известный одноюймовый удар
на международном чемпионате в Лонг-Бич*

*Тренировка с Каримом-Абдулом Джабаром.
Брюс счел уникальным и полезным опытом тренировку со своим другом,
чьи конечности имели столь большую досягаемость*

Сложный вид отжиманий на больших пальцах вытянутых рук

Часть обширной библиотеки Брюса

*Брюс беседует с Джоном Сэксоном,
который также сыграл одну из главных ролей в «Выходе Дракона»*

Брюс демонстрирует удар ногой на съемках «Марлоу» с Джеймсом Гарнером

На мой взгляд, Брюс всегда умел оценивать себя непредвзято. Он знал, насколько он был хорош. Он понимал, чего может добиться, но при этом не был хвастуном. “Я никогда не стану говорить, что я №1” – обычно говорил он мне, “но не смогу быть № 2”.

Прежде всего, у него всегда было такое положительное качество, как самоирония. Когда ему пришлось пройти через довольно неприятный период в жизни, и у него было скверное настроение, Брюс написал на доске маленький иероглиф, означавший “ПРОДОЛЖАЙ ИДТИ”. На некоторое время он повесил на стену отвратительный плакат, изображавший двух стервятников посреди безжизненной пустыни – настолько безжизненной, что рядом лежал лишь скелет старой коровы – и один стервятник говорит другому: “Терпение, ну да, ну да! Пойду, убью кого-нибудь!”

Благодаря «Зеленому Шершню» Брюс впервые узнал, что такое быть народным кумиром. Люди дрались, чтобы получить его автограф или даже просто прикоснуться к нему. “Временами это просто ужасно” – сообщил он журналу «Черный пояс». “После публичного выступления в Мэдисон Сквер Гадн на соревнованиях по каратэ я покидал сцену в сопровождении трех каратистов. Я был практически окружен толпой, когда подошел к главному фойе, и мне пришлось спасаться бегством через боковую дверь. Во Фресно, Калифорния, буйные поклонники оцарапали, затоптали ногами и порвали на мне одежду. Я просто не мог защититься, не нанося телесных увечий своим поклонникам, чьей целью все же было не навредить мне”.

И все же, ради всего этого успеха и возбуждения, поклонения и подписания автографов, Брюс продолжил работать над более усердной, более прилежной стороной своего характера. Он и Дэн Иносанто часто вместе часами штудировали старые книжные магазины. Очень скоро Брюс собрал колоссальную библиотеку, подогреваемый неутолимимым желанием изучить все, что только можно о воинских искусствах. Кроме покупки книг по стилям боевых искусств и разнообразному вооружению, у Брюса также имелась внушительная библиотека по западному боксу и реслингу. Ему требовалась квинтэссенция всего самого лучшего, и он применял ее к своему методу боевого искусства, джит кун до. Он носил с собой книгу повсюду, куда бы ни шел – даже если понимал, что у него будет мало возможностей почитать ее. Он развил в себе способность исключать все то, что отвлекает внимание. Я часто видела, как Брюс спокойно читает, когда вокруг него творится домашняя суматоха – дети плакали, двери хлопали, повсюду разговоры. Брюс мог даже читать книгу, выполняя серию энергичных упражнений. Когда это было необходимо, он мог абстрагироваться от всего, что происходило вокруг.

На съемках «Зеленого Шершня» с Джеймсом Ли и его детьми Кареной и Греглоном

До и после «Зеленого Шершня» большую часть времени Брюс проводил демонстрации кунг-фу. Местами их проведения становились ярмарки, общественные парки, встречи в клубах, и чаще всего, турниры по каратэ. Он показывал, как делать толчок пальцами и выполнял удары ногами и руками настолько быстро, что если кто-то из зрителей моргал в этот момент, то мог пропустить это движение. Иногда он упирался запястьями в соперника и ставил перед ним задачу не дать ему толкнуть его в грудь. Никто не был настолько быстрым. Это упражнение называлось «чи сао» (липкие руки), и являлось частью тренировки вин-чунь. Брюс часто демонстрировал эту технику с завязанными глазами, исключительно полагаясь на давление, или недостаток давления, он чувствовал запястьями. Иногда он демонстрировал отжимания на одном пальце, бил ногами и разбивал восемь двухдюймовых досок, скрепленных вместе, и даже успешно выполнял один из самых трудных трюков в боевых искусствах - разбивание пяти подвешенных досок в дюйм тощиной.

В общем и целом ему не нравились все эти трюки. Он считал их пустышками и полагал, что они не имеют ничего общего с тем, как себя защитить. Из-за этого Брюс редко грешил этими трюками, но выполнял их несколько раз, лишь затем, чтобы показать, что может их выполнить, и только как часть общей демонстрации. Его раздражало, когда он наблюдал за другими мастерами боевых искусств, чьи демонстрации состояли исключительно из подобных трюков. Нетерпеливо отмахиваясь, он спрашивал: “Какое отношение все это имеет к реальному бою?”

Работа Брюса в «Зеленом Шершне» создала благоприятные изменения в наших финансовых делах, по крайней мере, на время. Когда сериал запустили в производство, Брюс стал получать 400 долларов в неделю (313 долларов на руки), и первый чек пришел как раз вовремя. Мы не располагали достаточными средствами, чтобы заплатить за аренду и оплатить другие неоплаченные счета.

С отменой сериала душевное состояние Брюса перешло не в лучший период. Я полагаю, в некоторой степени возвращение к преподаванию в квуне, которым занимался Дэн Иносанто, тем временем продолжилось, и скорее всего казалось ему шагом назад. Брюс понял, что настало время для решений. Он бы ни за

что не стал целый день вести занятия в квуне и по-прежнему преследовать цель сделать кинокарьеру. С помощью хороших друзей вроде Стерлинга Силлифанта, Джима Коберна, Стива МакКуина, Су Вейнтрауба и других Брюс сохранял интерес общественности гостевым участием на таких телешоу, как «Инспектор Железняк», «Блонди» и «А Вот И Невесты». По крайней мере, все они помогли, как говорится, платить по счетам.

Одним из людей, пришедших Брюсу на помощь хорошим советом в этот момент, стал ассистент продюсера «Зеленого Шершня», Чарльз Фитцсимон. Брюс обедал с ним в студии XX Век Фокс, и именно благодаря Чарльзу он узнал, как сделать так, чтобы кунг-фу принесло ему приемлемый прожиточный минимум.

Брюс с Джо Льюисом, чемпионом турнира Джунга Ри в Вашингтоне, округ Колумбия

Чарльз предложил ему вместо того, чтобы полагаться на плату 22\$ в месяц, установленную Брюсом за уроки в квуне, он должен давать частные уроки – 50\$ в час! Даже Брюс был слегка шокирован, но Чарльз отметил, что Голливуд был полон людей, которые могли позволить себе платить такие деньги (фактически, расценки Брюса выросли до постоянных 250\$ в час – и люди вроде Романа Полански даже оплачивали его перелет в Швейцарию для проведения частных уроков).

Ранее Джей Себринг свел Брюса со Стивом МакКуином, который стал одним из первых его знаменитых учеников. Брюс и Стив хорошо поладили друг с другом. Брюс считал Стива необычайно способным учеником. Сам Стив провел трудное детство, и у него не было трудностей в отношении реалистичной концепции и принципов боя Брюса. Брюс обычно говорил, что Стив был бойцом, тогда как Джим Коберн был философом. На протяжении следующих месяцев частное инструктирование стало одним из самых прибыльных и приятных направлений работы Брюса.

Стерлинг Силлифант до сих пор рассказывает, как он был удивлен реакцией Брюса, обратившись к нему с вопросом о частных уроках. Стерлинг говорит, что ему понадобилось несколько месяцев, чтобы хотя бы добраться до Брюса, что показалось ему удивительным как продюсеру-автору сценариев, ведь он часто принимал на работу актеров, а Брюс как раз искал работу актера. Еще более примечательным было то, что когда они наконец встретились, Брюс отказался играть роль подхалима. Вместо того чтобы встретить Стерлинга с распростертыми объятьями и подлизываться в надежде на будущие блага, Брюс сказал ему: “Думаю, вы слишком стары (Стерлингу было 49). Я не думаю, что ваши рефлексы достаточно хороши, чтобы выполнять то, что мне бы от вас хотелось”.

Стерлинг был чемпионом по фехтованию в университете Южной Калифорнии, и у него по-прежнему были невероятно хорошее зрение и рефлексы. “Ну, я показал ему кое-какие приемы, и он, казалось, был удовлетворен и весьма удивлен” – говорит Стерлинг. В конечном счете он прозанимался с Брюсом около двух лет и получил два сертификата об успешном окончании. Он часто говорит, что тренировки с Брюсом изменили всю его жизнь и что его авторский стиль и образ жизни претерпели значительные изменения. Его ум как писателя расширился, его мнение на природу человека стало более глубоким и ему стало легче затрагивать чувства читателей. “Все, чему Брюс научил меня, до сих пор живет во мне, и продолжает совершенствоваться. Он не преподавал написание сценариев и философию, но был рукоположенным священником и при этом это был лучший учитель из тех, что я знал”.

Была также более легкая сторона в тренировках Стерлинга. Наш дом на западе Лос-Анджелеса был набит персонализированным оборудованием. Стерлинг рассказал о том, как его ужаснуло одно устройство для растяжки, которое на его взгляд было грубым как средневековая дыба. Он как-то сострил Брюсу: “Неудивительно, что часто говорят о китайских пытках”.

Еще одной единицей оборудования, впечатлившей Стерлинга, был огромный мягкий мешок, подвешенный во внутреннем дворике – мешок в четыре фута шириной и пять футов в высоту. Чтобы его обхватить потребовалось бы по меньшей мере двое взрослых мужчин с вытянутыми руками. “Это было все равно, что бить ногами по гигантскому зефиру” – вспоминает Стерлинг, “и он был гораздо больше тебя. Поражает, что Брюс мог послать эту штуку в воздух одним ударом ноги!”

Брюс с нашим датским догом Бобо

Стерлинг помнит, что Брюс утверждал, что самое полезное - бить ногой по большому пальмовому дереву. “Он бывало говорил мне: ‘Когда сможешь бить ногами так, что от твоего удара будет дрожать дерево, а не ты сам, только тогда ты начнешь понимать, что такое удар’”.

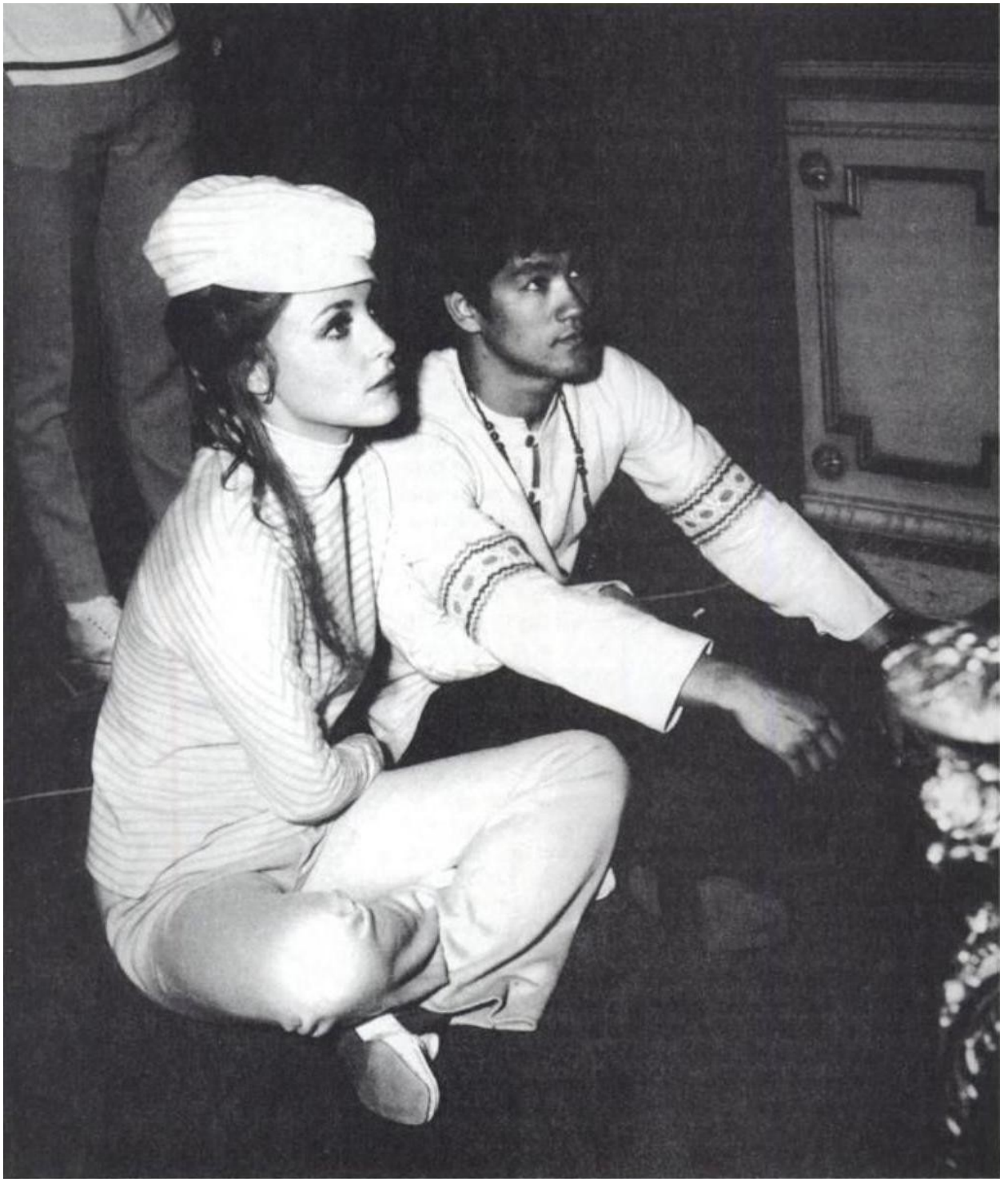
Именно в это время некоторые величайшие каратисты обратились к Брюсу за персональными рекомендациями. “Трое из учеников Брюса – Джо Льюис, Чак Норрис и Майк Стоун – среди них, выиграли все крупные чемпионаты по каратэ в Соединенных Штатах” – сообщала газета Вашингтон Стар. “Джо Льюис был великим национальным чемпионом целых три года подряд. Брюс Ли тренирует и инструктирует этих парней практически как родитель воспитывает юного ребенка, что выглядит весьма необычно”.

Вероятно самым значимым вкладом в преподавании Брюса является подготовка и мастерские навыки Чака Норриса и Джо Льюиса. Чак появился на телевидении и заявил миллионам телезрителей, что Брюс его учитель и что он считает его “фантастическим”, в то время, как Джо Льюис, награжденный короной тяжеловеса, публично поблагодарил Брюса за улучшения, которых он достиг, тренируясь под его началом. Льюис Делгадо рассказал журналу «Черный пояс»: “Я никогда не видел никого, кто бы настолько сбивал меня с толку. Я в абсолютном благоговении каждый раз, когда спаррингую с Брюсом”.

Джеймс Коберн живо описывает, каково быть учеником Брюса. Его уже обучал каратэ опытный учитель для роли в «Наш Человек Флинт». “В первый же день мы с Брюсом вышли на задний двор и стали обмениваться ударами руками и боковыми ударами ногами и так далее, чтобы он определил какой у меня уровень. На следующей неделе мы начали серьезно работать, и работали по три дня подряд в следующие пять месяцев. Я больше интересовался скрытым аспектом, тогда как он был поглощен всем – и скрытым, и физическим. Его метод вовсе не был обучением в общепринятом смысле – он развивался посредством определенных идей, обучал работе с различным оружием, находил сильные и слабые стороны. Наше сотрудничество длилось больше пяти лет. Мне приходилось уезжать на съемки, но

всякий раз, по возвращении я был изумлен, заметив, как Брюс изменился даже еще больше”.

“У него всегда была энергия” – продолжил Коберн. “Она постоянно вырывалась из него, хотя он пускал ее в ход при любой возможности, это происходило большую часть времени. Я имею в виду, он по сути вырабатывал в себе энергию. К примеру, он всегда получал больше сил, делая что-либо. Мы работали вместе в течение полутора часов, и под конец тренировки он был полон сил. Ты на самом деле чувствовал себя отлично, закончив тренировку с Брюсом. Он всегда старался свести все к чему-то очень простому. В джит кун до по сути не существует сложных методов – любой сможет их выполнить. Но это было улучшение. Мы делали упражнение, которое Брюс называл “навести мосты”. Это расстояние до соперника, на котором ты должен стоять, чтобы победить – насколько близко ты можешь подойти, другими словами, и отступить так быстро, чтобы не получить ответный удар. Оно граничит с непрерывным самоконтролем, чтобы ты и твой соперник стали одним неразрывным целым.

*Брюс и актриса Шэрон Тейт на съемках фильма Дина Мартина,
где Брюс ставил бои*

“И возводя это физическое наведение мостов” – продолжает Коберн, “в то же время ты учишься преодолевать определенные психологические барьеры. И важный момент касая Брюса – это следует подчеркнуть особенно - заключался в том, что сам он постоянно учился. Думаю, не проходило и дня, чтобы он не был занят чем-то новым. Он сгорал от нетерпения показать новый удар ногой, который только что изобрел – ‘Бах! Бах! Зацени, парень!’ – кричал он. И я пробовал его выполнить, и поток энергии был всегда, скажем так, как удар хлыстом – всегда расслабленный до самого конца, когда вся выходила вся сила – Ба-бах!”

“Поскольку мы отрабатывали удары ногами, у нас было много работы с большими мешками. Помню, как однажды я принес совершенно новый мешок, стофунтовую машину, подвешенную на большой крюк из уголкового стали. Брюсу показалось, что мешок был чересчур жестким – ‘он плохо подходит для тебя’ – сказал он, ‘но так или иначе мы будем сегодня с ним работать – может быть, я сделаю его для тебя чуть более мягким’. И он сделал боковой удар ногой с разбега и порвал цепь! Я имею в виду, эта штука висела на 75-фунтовой цепи – и он порвал эту цепь и прорвал дыру в ткани – мешок взлетел в воздух и упал на середину газона – разорванный в клочья – совершенно новый мешок. Ничего себе! А те вещи, что он мог заставить тебя сделать! Я имею в виду, он сказал мне, что нет никакой хитрости в том, чтобы ломать доски, что я с легкостью могу это сделать. Тогда он сказал мне ‘Сними свои туфли’, и я сделал это – и затем он показал мне, как правильно бить пяткой – и бах! Как и следовало ожидать, я почувствовал себя необычно – доска поддалась. Затем Брюс сказал: ‘Ладно, парень, а теперь может перейдем к настоящей работе, а?’”

Брюс и Чак Норрис. Чак сыграл злодея в «Пути Дракона»

Брюс около 1965 года с щитом для ударов, сконструированным его учеником Хербом Джексоном.

Обратите внимание, что рельефность мышц его пресса улучшилась за предыдущие годы

У Стерлинга Силлифанта не было никаких сомнений в том, что Брюс был звездной величиной. Но одно дело иметь звездное качество, и совсем другое найти подходящие сюжеты и эпизоды для Брюса – и правильных людей, чтобы вкладывали в него значительные инвестиции. В огромном множестве голливудских фильмов не так уж много ролей для китайца, поэтому для Брюса требовалось создание чего-то особенного, даже в свете того факта, что на данном этапе, он все еще не был тем, кого спонсоры считают “рентабельной” ценностью. Когда Стерлинг написал историю любви для Колумбии под названием «Прогулка под вешним дождем», в сценарии также присутствовала сцена драки. Но как он объясняет: “Проблема была в том, что сцена снималась в горах Теннесси. По правде говоря, в сюжете не было никаких азиатов, потому что у них там просто нет никаких азиатов. Но я взял Брюса в Теннесси, чтобы он поставил бой. В картине снимались два дублера, которые очень скептически относились к Брюсу. Только представьте, два больших, крутых парня с белой кожей, а Брюс, который весил не больше 135 фунтов, довольно легкий и приятной наружности китаец, не выглядевший настолько крутым. По сути он всегда сохранял хладнокровие и сдержанность. Парни обиделись моему выбору аутсайдера в сцене боя. Я объяснил им, что поскольку я продюсер и сценарист картины, то именно мне решать, что в этом бою лидер Брюс.

“Парни продолжали подначивать Брюса, и я наконец сказал ему: “Почему бы тебе просто не показать им небольшой пример того, что такое боковой удар ногой?” У Брюса при себе был тяжелый щит, и он сказал: “Один из вас будет держать этот щит. Я собираюсь слегка по нему ударить. Но я полагаю, что сперва вам следует собраться, знаете, я бью ногой довольно жестко”. Ну и они такие: “Конечно,

конечно”. Затем я попросил Брюса добавить интереса и сделать это рядом с бассейном. Если эти парни так круты, и смогут выдержать этот удар рядом с бассейном, тогда ладно. Но если он ударит ногой так жестко, как я уверен, он может, и они не слишком набычатся, ну, тогда это столкнет их прямо в воду”.

“Все сказали: ‘Готово, парень’. И без какого-то движения – без разбега, без ничего, просто стоя рядом – он ударил этого парня ногой, подняв его в воздух, и тот приземлился прямо на середину бассейна. Затем настал черед другому парню доказать, на что он способен. Тогда он очень сильно набычился. И шшш... опять! Брюс выбил почву у него из-под ног, отправил в воздух, и в самый дальний конец бассейна! Ну а потом эти парни вылезли из бассейна. Бедняги! И с этого момента они полюбили Брюса”.

“Погоди. Я еще стану крупнейшей китайской кинозвездой в мире” – Брюс Ли

«Марлоу», с Джеймсом Гарнером в главной роли, стал первым появлением Брюса в полнометражном голливудском кинофильме. “Брюс снялся в двух лучших эпизодах фильма” – говорит Стерлинг Силлифант, автор сценария. “В одном он заходит и громит офис Гарнера. В другом он встречается героя Гарнера на крыше Оксидэнтал Билдин в Лос-Анджелесе и ныряет головой вниз с ударом ноги и крича в пустоту”.

Не считая денег, полученных Брюсом от работы в «Марлоу» и авторских гонораров от «Зеленого Шершня», период между 1967 и 1971 был для нас трудным временем в финансовом плане. В результате Брюс вернулся к преподаванию на условиях полной занятости в квуне, а также давал частные уроки. Это был стрессовый период для него, поскольку он так отчаянно хотел обеспечить свою семью.

Вплоть до 1968 мы постоянно жили в квартирах или арендуемых домах. В течение двух лет, прожитых в Лос-Анджелесе, мы уже четыре раза переезжали, и теперь, в связи со скорым рождением Шэннон, мы решили купить дом. То, что мы думали, что справимся с этим. Сейчас меня просто поражает, но в то время это было одновременно пугающим и волнительным временем. Такие смелые шаги лучше всего годятся для молодых и глупых или тех, кто мыслит крупно. Такими и были мы с Брюсом в 1968-ом – молодыми, глупыми и с грандиозными мечтами.

Брюс выполняет удар ногой в голову Джеймса Гарнера для фильма «Марлоу»

Мы были очень наивными по поводу покупки дома. Моя мама недавно продала наш семейный дом в Сиэтле за 28 000 долларов. Это был прекрасный кирпичный пятиэтажный дом. Мы с Брюсом сказали себе, что было бы здорово найти такой же дом в Лос-Анджелесе. Мы мало знали о рынке жилья в Южной Калифорнии. Когда я впервые пришла к агенту по продаже недвижимости с вопросом найти дом в районе 20 000 долларов, я не знала, на какую собственность я могла рассчитывать на эту сумму. В конце концов мы с Брюсом поняли, что нам придется пересмотреть жилищный бюджет.

Когда мы впервые взглянули на дом на Роскомэ 2551, мы были несколько разочарованы, поскольку он требовал большого ремонта. Стив МакКуин, ученик Брюса на тот момент, пришел, чтобы взглянуть на дом, и даже привел своего управляющего, чтобы тот проконсультировал нас по части сделки. Все сошлись на мнение, что это был обман. Дом обошелся нам в 47 000 долларов. С учетом выплат по закладной, налога на недвижимость и страховки это была попытка

прыгнуть выше головы. Друзья уверили нас, что благодаря возврату налога, т.е. частичной компенсации расходов, все же лучше иметь собственный дом, чем снимать. Было трудно свыкнуться с этим, но должна сказать, мы безусловно хорошо провели время в том доме. Вспоминая свою жизнь с Брюсом, могу сказать, что годы до того, как он стал крупной звездой, были лучшими для нас обоих. Борьба, надежды, желания и работа на общие цели создали между нами крепкую связь. Уверена, что у многих пар происходит то же самое.

Наш дом был достаточно интересным зрелищем для неподготовленного гостя. Мы не могли позволить себе диван для гостиной, но у нас была старинная кровать для опиума, когда-то принадлежавшая отцу Брюса. Это был прекрасный диван, отделанный мрамором и тиковым деревом, большой как кровать королевских размеров. Он стал нашим диваном для гостиной. На нем можно было одновременно разместить всю семью, плюс еще несколько человек.

Брюс готовится разбить пять досок на весу. Он утверждал, что этот “трюк” не доказывает, что тот, кто его исполняет, хороший боец, всего лишь хороший шоумен

Во внутреннем дворике под крышей дома висели различные виды оборудования для тренировок. Там был огромный красный висящий мешок, мешок «верх-низ», квадратная лапа для ударов, подвешенная на эластичных проводах, тренажер для приседаний, приспособление для растяжки ног, множество штанг и разнообразных лап для ударов руками и ногами. Брюс и его ученики часто тренировались на нашем большом плоском заднем дворе.

Брэндону было около пяти лет на тот момент, он только начал ходить в садик и стал заводить друзей среди соседей. Один из его друзей, Люк, часто приглашал Брэндона поиграть у него дома, но сам Люк редко приходил к нам домой. Я спросила мать Люка, почему он отказывается прийти к нам, и она призналась, что Люк боится всех этих странных штук у нас дома и людей, визжащих и бьющих друг друга. Брэндон просто принял всю эту деятельность как часть взросления, но полагаю, семейство Ли было довольно странным для его друзей.

Тренировочный режим Брюса проходил относительно гладко до определенного дня в 1970-ом году, когда он проигнорировал часть своего расписания, что имело роковые последствия. В этот день, по какой-то причине, Брюс тщательно не разогрелся перед тем, как начать упражнения по тяжелой атлетике. Он начал с упражнения под названием “Доброе утро”. Поместив 125-фунтовую штангу на плечи, он наклонился к поясу, и затем выпрямился. В тот же миг он почувствовал легкий приступ боли в пояснице. В следующие несколько дней боль стала острой, заставив его использовать тепло и массаж, и в конечном итоге обратиться к доктору. В течение последующих нескольких недель он прошел обширные об-

следования. Окончательный диагноз заключался в том, что он необратимо травмировал четвертый крестцовый нерв.

Разбивание пяти досок на весу на гонконгском телевидении

Доктора посоветовали ему отдыхать в постели и не тренироваться. Они сказали ему забыть о кунг-фу, что он больше никогда не сможет бить ногами. Внезапно над ним нависла туча депрессии. Брюс остался в постели, лежа прямо на спине в течение трех месяцев и после этого еще три месяца прошил просто в передвижении по дому – от письменного стола до стула, до кровати. Учитывая упомянутые уже мной его личность, энергию, мечты, я уверена, что можно легко представить, каким временем отчаяния это было для нас. Это было все равно что держать Джонатана «Чайку» Ливингстона в клетке для канарейки.

И хотя Брюс находился в глубокой депрессии от физического бездействия, он отказался принять заключение доктора о постоянном характере своей травмы. В течение всей жизни он был ярким сторонником силы позитивного мышления. Он продолжал верить, что выздоровеет, будто сама вера поможет этому осуществиться. Между тем, если с физической точки зрения Брюс больше не мог парить как орел, то его разум мог, и поэтому в течение последующих шести месяцев он непрерывно писал, выражая словами свои методы тренировок и философию ДКД. В своей обширной коллекции книг, собранных им по всем видам боевых искусств и философии, он делал заметки. Во многих из этих книг, которые я до сих пор храню, Брюс часто подчеркивал самое необходимое, и писал комментарии на полях, как этот конкретный ключевой отрывок может быть применен к ДКД.

Даже притом, что это был удручающий период в его жизни в физическом смысле, и с финансовыми тревогами, усложняющими ситуацию, он использовал это время, чтобы повзрослеть как человек и мастер боевых искусств. Брюс никогда не довольствовался тем, что просто впитывал знания ради знаний, он скорее настаивал на передаче своих мыслей в действия. В конце концов его заметки заняли восемь двухдюймовых томов, которые он планировал однажды опубликовать. Позже он решил отказаться от публикации, исходя из предположения, что читатели могут истолковать «его путь» в боевых искусствах как «свой путь». После его смерти и после долгих размышлений со своей стороны, я сжала его заметки в один том под названием «Дао Джит Кун До», выпущенный Охара. Я считала, что его записи слишком ценны, чтобы просто так похоронить их навеки.

Прошло шесть месяцев. Брюс обнаружил, что больше не может вести сидячий образ жизни. Он начал разведывать обстановку, поначалу тренируясь в умеренном режиме, и продолжая выполнять преподавательскую работу. Хотя его спина оставалась источником хронической боли всю оставшуюся часть жизни, его воля была намного сильнее. Он просто «решил», что на его пути нет места боли, и

оттолкнувшись от этой мысли снова начал вести то, что внешним наблюдателям казалось нормальным образом жизни.

Хотя с физической точки зрения Брюс начал восстанавливать свою энергию, психологическое давление на него было огромным. Возможно, худшим из всего было чувство безысходности. У него были все эти невероятные идеи и стремление. Он был очень уверен, что сможет стать важным звеном в мировом кинематографе. Брюс верил, что посредством кино сможет передать дар кунг-фу миру.

Стерлинг Силлифэнт слева, Брюс и Джеймс Коберн - крайние справа, поехали в Индию, чтобы разведать места для фильма «Безмолвная флейта»

“Брюс, ты великолепен, и ты будешь просто супер, если сделаешь фильм или что-то вроде этого” - говорили ему. Скорее всего, они говорили от души, но сама их вера в него, знание, что он не один считает себя большим талантом, скорее увеличили его беспокойство, чем улучшили их. Голливудское киносообщество согласилось, что Брюс обладает огромной личностью и харизмой, но считало, что он просто не достаточно часто появляется во вступительных титрах и “он китаец” – и поэтому трудно убедить спонсоров рискнуть вложить свои деньги в относительно неизвестного азиата. Для Брюса с эмоциональной точки зрения это было очень тяжело принять. Само это определение вызвало в его памяти множество плохих воспоминаний о расовых преследованиях, которым он подвергся от британцев еще ребенком в Гонконге. Как резкий контраст сам Брюс никогда не питал никаких расовых предрассудков в отношении кого-либо. Ранее в Сан-Франциско он даже хотел драться со своим братом китайцем за свое право преподавать кунг-фу белым ученикам или ученикам любого другого цвета кожи по той же причине. Несмотря на это, в душе он никогда не винил продюсеров и спонсоров, и обычно говорил мне, что кино не было искусством, вместо этого оно было сочетанием коммерческого творчества и творческой коммерции.

Тем не менее, если гора не идет к Магомеду, тогда Магомед идет к горе. Брюс понял, что единственным способом пробиться через барьеры, мешающие ему достичь успеха в Голливуде, было сыграть второстепенную роль или роль второго плана в фильмах, связанных с боевыми искусствами. Как только он появился на экране, как только кинопублика увидела чудеса кунг-фу так, как лишь он один мог их продемонстрировать, тогда и только тогда он начал осознавать основную часть своих амбиций. У него в мозгу родилась идея «Безмолвной Флейты».

В 1970-ом Брюс вместе с Брэндоном совершил поездку в Гонконг и ответил на некоторые вопросы публики на телевидении

Вполне естественно, что Брюс должен был обратиться за помощью к Стерлингу Силлифанту и Джеймсу Коберну, когда задумал идею киноистории, основанную на боевых искусствах. Оба были его учениками, и долгое время являлись его неофициальными советниками в отношении кино и телеролей. Более того, все трое в течение значительного периода времени хотели выпустить “исчерпывающий фильм” о боевых искусствах. Так, в начале 1969-го они наняли автора сценариев, чтобы расширить сценарий, написанный Брюсом. К сожалению, окончательный продукт не имел никакого сходства с оригинальной концепцией Брюса и не содержал ни один из желаемых компонентов. Тогда его передали другому автору сценариев. И вновь ничего не вышло. В отчаянии трое мужчин решили собраться и написать сценарий самостоятельно. Это был труд любви, поскольку у них не было гарантий, что его пропустят на экран. Несколько следующих месяцев они встречались каждый понедельник, среду и пятницу от 4 до 6 часов вечера, поклявшись, что не позволят ничему вмешаться в это расписание – “ни отказы, ни оправдания, превыше работы и семьи, пока все не будет закончено”. Затем Стерлинг нанес финальный штрих на первый набросок и отослал его Уорнер Бразерс. Студии он понравился, но она постановила, что фильм будет сниматься в Индии, где у них “заморожена” большая сумма рупий (деньги, которые собрали их фильмы в Индии, и которые индийское правительство отказалось переслать в Соединенные Штаты). Хотя Индию никто не рассматривал в качестве логичного места для китайской истории, трое мужчин бесстрашно отправились в путь, надеясь на лучшее. Джеймс Коберн должен был стать “именем” фильма, но Брюс, которому требовалось сыграть пять различных ролей, безоговорочно занимал лидирую-

щее место во всей истории. Вместе они провели три недели в Индии, пытаясь найти подходящее место для съемок.

Разумеется, Индия была для боевых искусств родным домом, и Брюс жаждал оценить уровень живущих там бойцов. Как-то Брюс вышел, чтобы встретиться с группой индийских бойцов и сказал им: “А теперь давайте посмотрим, на что вы способны – что вы умеете”.

“И вдруг ни с того, ни с сего” – говорит Джеймс Коберн, “Начался полный хаос. Девять парней начали избивать друг друга. Через несколько минут у одного парня изо рта потекла кровь. Брюс поднял руку и закричал: ‘Нет, нет! Погодите минутку! Смотрите, вот о чем я говорю’. И без всякого разогрева Брюс провел перед ними небольшую демонстрацию. Они были абсолютно ошеломлены. Они и понятия не имели о таких вещах. Когда он закончил, они встали перед ним на колени. Я серьезно”.

*Брюс показывает Джеймсу Францискусу
как усовершенствовать удар ногой на съемках «Лонгстрит»*

Идея, само собой, была в том, что если найдутся подходящие места, некоторых из индийских мастеров боевых искусств можно будет привлечь для фильма, и таким образом соответственно уменьшить смету на технические расходы. “Ни за что” – сказал Брюс своим партнерам. “Мне потребуется по меньшей мере три года, чтобы подготовить каждого из этих парней до нужного уровня”.

Три недели под палящим солнцем, с постоянными путешествиями и нарастающими ощущениями тревоги, в сочетании с осознанием того, что поездка должно быть окажется безрезультатной, способствовали возникновению разногласий между тремя мужчинами. Стерлинг вспоминает, что именно тогда он впервые понял, что Брюс был склонен к эгоцентризму, как и любой другой актер. Проблема заключалась в том, что во всех крупных отелях менеджмент относился к Джеймсу Коберну как к звезде, тогда как Брюсу и Стерлингу приходилось довольствоваться более скромными удобствами. Как-то вечером Брюс больше не мог сдерживаться и пожаловался Стерлингу, что они заслуживают по меньшей мере того же самого отношения к себе. Стерлинг говорит, что это не уменьшило его уважения к Брюсу, но просто позволило ему увидеть Брюса в более реалистичном свете. Прежде Брюс был сифу и философом. А теперь он нетерпеливо заявлял, что однажды станет большей звездой, нежели Джеймс Коберн и Стив МакКуин. “Я сказал, что этому никогда не бывать” – говорит Стерлинг. “Что он был китайцем в мире, которым управляли белые. Но я ошибался – да как сильно! Ведь в конце концов – он вышел в свет и показал, на что способен”.

В «Безмолвной Флейте» было множество тем, отражавших жизнь и характер Брюса. В сценарии прослеживалось развитие молодого студента посредством боевых искусств - его проблемы с самолюбием, его обретенная храбрость перед лицом бездны смерти, и в конечном счете его духовное возрождение. В какой-то момент герой Брюса говорит: «Я даже не уверен в том, те ли испытания я прошел, чтобы прийти сюда. У меня по-прежнему есть сомнения, много сомнений. Как, без еще большей борьбы, я смогу разрешить их?»

*Брюс ведет дискуссию со своим коллегой и режиссером «Выход Дракона»
Рэймондом Чоу*

*Брюс приветствует мистера и миссис Стерлинг Силлифэнт в Гонконге.
Рэймонд Чоу – крайний справа*

Брюс выполняет удары ногой в прыжке на фоне индийской пустыни

Брюс был очень взволнован перспективой создания «Безмолвной Флейты», поскольку считал, что это идеальная роль для его дебюта как крупной звезды. Он предсказал, что кунг-фу обретет всемирную популярность и считал, что он идеальный кандидат, чтобы представить это искусство миру посредством кино. Он отчаянно хотел снять этот фильм, но в конце концов Уорнер Бразерс решили, что он не может быть снят в Индии и выбросило проект на помойку.

Несколько лет спустя, к тому времени, как Брюс стал международной сенсацией, а предложения сыпались на него со всех уголков мира, Джим и Стерлинг решили воскресить этот проект. Они прилетели в Гонконг, чтобы обсудить этот проект с Брюсом. Однако на этот раз отказался сам Брюс. Думаю, что Стерлинг и Джим были отчасти оскорблены решением Брюса, и даже считали, что он унизил их. В конце концов, ведь именно Брюс начал весь этот проект. Но к тому времени у Брюса было слишком много предложений. Его хотели заполучить все, и сама эта роль для него была бы шагом назад. Вопрос обиды никогда не ставился, пока Брюс был в проекте. Но ситуация изменилась, и он считал, что Джим и Стерлинг, сами будучи опытными профессионалами, первыми бы поняли, что они поступили бы также на месте Брюса. Конечно, Джим и Стерлинг никогда не теряли восхищения и теплых чувств к Брюсу, а Джим был не только среди тех, кто нес его гроб в Сиэтле, но также произнес надгробную речь.

Через несколько лет после смерти Брюса «Безмолвная Флейта» была выпущена в виде фильма, или лучше сказать, это был фильм, который имел некое сходство с оригинальным сценарием. Он назывался «Железный Круг», Дэвид Кэррэдайн снялся в той роли, в которой должен был сыграть Брюс. Заглавные титры были посвящены Брюсу в виде: “в основу фильма положена история, написанная Брюсом Ли”. Вероятно, продюсеры считали, что имя Брюса в титрах добавит фильму популярности. Уверена, Брюс бы пожелал, чтобы они не утруждались, поскольку финальный продукт был далек от того, как он видел для себя этот фильм.

К 1970 состояние наших семейных сбережений было относительно мрачным. Мы возлагали большие надежды на «Безмолвную Флейту», и казалось, что реализация этого проекта не за горами. Но когда ее осуществление провалилось, и у Брюса была травма спины, наши перспективы финансовой стабильности стали печальными. Именно тогда я решила пойти на работу. Брюс был непреклонен в своем отношении к этой идее. Моя основная работа состояла в том, чтобы быть женой и матерью, и для Брюса было позором, чтобы его жена работала. Однако в конце концов мы просто не нашли другого выхода. Я получила работу в call-сервисе, указав в заявлении в качестве предыдущего опыта свои обязанности секретаря в бизнесе мужа, что соответствовало истине. Я работала по вечерам от 4 до 11, пока Брюс присматривал за детьми. Мы никогда никому не рассказывали, что я работаю, и у нас была разработана целая схема причин, почему я не дома, если кто-то звонил или приходил. Когда я возвращалась домой ночью, Брюс обычно уже спал, потому что его спина довольно ощутимо болела, но часто оставлял мне прекрасные записки о любви и благодарности, которые сделали все эти жертвы оправданными.

Вскоре после возвращения из Индии Стерлинг и Брюс собрались работать над телесериалом под названием «Лонгстрит». “Мы вместе написали открывающий эпизод” – говорит Стерлинг. “Он назывался «Путь Опережающего Кулака» (это дословный перевод «джит кун до»). Джеймс Францискус сыграл роль слепого детектива. Брюс сыграл торговца антиквариатом, который спасает Джима от избиения какими-то здоровяками, заставляющими его покинуть порт. Разумеется, слепой захотел узнать, как он сделал то, что сделал. Герой Брюса отказывается,

потому что мотив отомстить ошибочен. Таким образом, в эпизоде рассказывается о том, как привести разум детектива в порядок, обучив его пути опережающего кулака. К примеру, когда Джеймс Францискус просит Брюса обучить его кунг-фу, Брюс отвечает: “Я не могу тебя научить. Я лишь могу помочь тебе узнать себя”. Позже он говорит Лонгстриту: “Ты должен научиться проигрывать, ведь как и большинство людей ты хочешь научиться побеждать”.

“После этого эпизода мы получили больше почты от поклонников, чем после любого другого эпизода в сериале” – вспоминает Стерлинг. “Я склонен полагать, что этот эпизод был его первым хорошим фильмом – первым, который представил миру Брюса как мастера восточных единоборств с гордостью и достоинством. В этом первом эпизоде «Лонгстрит» Брюс показан как совершенный учитель, и мистическая простота его уроков сделала все необходимое. Это по-прежнему одно из лучших представлений боевых искусств из тех, что я видел в эфире. Я говорю это несмотря на то, что сам написал окончательный сценарий”.

До съемок и последующего запуска «Лонгстрит» в эфир, Брюс вместе с пятилетним Брэндоном совершил кратковременную поездку домой в Гонконг, чтобы повидать маму и уговорить ее жить в Соединенных Штатах. Когда Брюс прибыл туда, это была его первая поездка с 1965 года, он был совершенно ошеломлен оказанным ему приемом. Он и понятия не имел, насколько он известным стал в Гонконге. Он просто не осознавал, что «Зеленый Шершень» был одним из самых популярных телешоу в Гонконге и на территории всей юго-восточной Азии, и в результате, стал популярным героем. Теперь он вернулся, обнаружив, что грудь каждого китайца раздувается от гордости от достижений городского парнишки в Америке. Газеты требовали интервью, репортеры совали микрофоны в лицо, и приглашали его на два самых популярных телеканала Гонконга. Старые фильмы, в которых он снялся в детстве, теперь были среди самых популярных предложений на этих каналах. Как говорит Джим Коберн: “Он был как король Гонконга. И его появление на телевидении едва не убивало всех”.

Брюс провел ошеломительное выступление на гонконгском телевидении. Весь его шарм, харизма и мудрость проявились той ночью. Затем он поднялся на сцену и провел усиленную демонстрацию своего искусства. Пять однодюймовых досок висели в воздухе, и Брюс подпрыгнул и боковым ударом ноги сломал четыре из них! Под несмолкающие аплодисменты зрителей Брюс вывел Брэндона, и тот тоже сломал несколько досок.

Огромный успех, полученный в городе, где он вырос, несомненно сыграл свою роль в окончательном решении Брюса вернуться в Гонконг. “После того, как я уехал из Гонконга” - сообщил Брюс журналу «Звезды-бойцы», “средства массовой информации поддерживали со мной связь по телефону. Эти парни обычно звонили мне рано утром, и разговор транслировался в прямом эфире, чтобы публика слышала меня. Затем однажды радиоведущий спросил, не хочу ли я снять там кино. Когда я ответил, что сделал бы это, если бы цена была достойной, я начал получать звонки от продюсеров из Гонконга и Тайваня. Сумма предложений колебалась от 2 до 10 тысяч долларов”.

Первый эпизод «Лонгстрит», брюсовский “Путь опережающего кулака”, ворвался на американские телеэкраны с испепеляющим воздействием. Он был настолько хорош, что продюсеры шоу решили открыть им свой осенний сезон - это высококонкурентное время года, когда телесети соперничают друг с другом за высокие рейтинги с новыми предложениями сезона. Брюс, благодаря умелому сценарию Стерлинга, получил возможность не только продемонстрировать смер-

тоносную эффективность кунг-фу, но также смог освятить некоторые философские принципы, лежащие в основе этого искусства.

Отзывы в профессиональной среде и крупных газетах, таких как Нью-Йорк Таймс и Лос-Анджелес Таймс, были все без исключения превосходными. Они очень отличались от всего, что получил Брюс за роль Като, чья техника кунг-фу была высоко оценена, тогда как Брюс-актер по большей части был проигнорирован. На этот раз, акцент был сделан на актерские способности Брюса, что очень его обрадовало. “В первый раз в жизни я получил отзывы о своей актерской игре” – рассказал он журналу «Бойцы в мире звезд».

Вероятно шоу, больше чем любое другое, убедило Брюса, что у его мечтаний есть действительная сила, что он не просто обманывает себя. Он повторял свое твердое убеждение всем, кто был готов его слушать. У него была очаровательная привычка делать предсказания – и чтобы никто не смог обвинить его в том, что он был умным уже постфактум, он всегда излагал их на бумаге. У меня по-прежнему хранится одно из таких предсказаний, написанное примерно в это время (начало 1969-го), и оно просто поразительно. Озаглавленное “Моя четкая главная цель”, оно гласит:

“Я, Брюс Ли, стану в Соединенных Штатах самой высокооплачиваемой суперзвездой с востока. В свою очередь я буду проводить наиболее впечатляющие представления, и сыграю лучшие роли как актер. В 1970 ко мне придет мировая слава, и с этого времени до конца 1980 года на моем счету будет 10 миллионов долларов. Я буду жить так, как пожелаю, и обрету внутреннюю гармонию и счастье”.

После выхода эпизода «Лонгстрит» Брюс получал от поклонников значительно больше писем, чем другие актеры. Голливудские студии и продюсеры опомнились и начали замечать его. Еще до того Уорнер Бразерс начали понимать, что искусство кунг-фу захватило воображение зрителей и решили запустить телесериал, основанный на кунг-фу. Сам Брюс работал над идеей о шаолиньском монахе, мастере кунг-фу, который странствует по Америке и вынужден совершать различные подвиги. Студия подписала с ним контракт, и вскоре он глубоко вжился в эту роль. Он дал им множество идей, многие из которых в конечном счете воплотились в успешном телешоу «Кунг-Фу», с Дэвидом Кэррадайном в главной роли. Сериал Кунг-Фу стал для Брюса источником смешанных чувств. Он много говорил с Джимом Коберном, который советовал ему: “Парень, пойдешь на телевидение, и твое шоу выдохнется за один сезон. Телевидение пережевывает гениев – оно может пережевать человека за сериал из 13 эпизодов – это пустая трата времени. Лучше обрати свой взор на Гонконг”. Брюс приходил домой и делился со мной тем, что говорил Джим. Идея об общенародном телесериале была бесспорно привлекательной, и в то время Брюс хотел ее осуществить. Само собой, в конце концов он был рад, что не сделал этого. Однако нас удивило то, что Уорнер Бразерс никогда этого и не предлагали. Думаю, мы полагали, что поскольку Брюс внес столько значимый вклад в первоначальный замысел, и поскольку он зажег энтузиазмом ряд людей, работающих над этим проектом, он должен был принять участие в реализации конечного продукта.

Позже нам сообщили, что ни Уорнер Бразерс, ни ЭйБиСи-ТиВи даже не рассматривали его на главную роль в этом сериале. Они считали, что он был слишком невысок, слишком восточен, что у него не было достаточно известного имени, чтобы играть в еженедельном сериале, и что он был слишком неопытен. Вскоре от друга в Гонконге Брюс узнал, что предложение в его адрес направил Ран

Ран Шоу, король киноиндустрии из Шанхая, сбежавший в Гонконг в конце 1940-х. Шоу Бразерс практически единолично основали очень успешную гонконгскую киноиндустрию и построили сеть кинотеатров на территории юго-восточной Азии. Когда предложение наконец пришло, Брюс рассмеялся. Предложение Ран Рана составляло 2000 американских долларов за фильм, и Брюс знал, что Шоу рассчитывали подписать с ним долгосрочный контракт. Тем не менее, в какой-то момент Брюс зашел так далеко, что попросил Шоу телеграфировать ему о деталях сценария и других вопросах. Ответ Шоу был категорическим: “Просто скажите, чтобы он приехал сюда и все будет в порядке”. Такой подход определенно задел Брюса. Он просто не мог позволить Ран Ран Шоу “поймать” его. Так или иначе, и несмотря на трения между голливудским Джимом Коберном и Брюсом во время их временного пребывания в Индии для съемок фильма, Брюс все еще считал, что его будущее лежит в Америке. Затем, как снег на голову, пришло второе предложение. Рэймонд Чоу, ранее многолетний продюсер Ран Ран Шоу, в 1970-ом решил пуститься в свободное плавание и основал Голден Харвест Продакшнс. То был фильм, которое привел к жесткой конкуренции между Шоу и Чоу, позже лишь усилившейся, когда Чоу сделал решительный подход к Брюсу.

В течение своего пребывания в Гонконге Брюс неоднократно разъяснял, что не интересуется местной кинополитикой. Он не принимал ни одну из сторон в противостоянии между Ран Ран Шоу и Голден Харвест и другими независимыми продюсерами. Главным образом его интересовали его собственные интересы. Со всей соответствующей деловой проницательностью Рэймонд Чоу отправил одного из своих старших продюсеров для дальнейших переговоров с Брюсом в Лос-Анджелесе. Ею была миссис Ло Вэй, жена одного из главных директоров. В общем и целом сумма была не такой уж заманчивой, 7500 долларов за фильм. Не такая огромная сумма по голливудским стандартам, но неплохая по стандартам Гонконга. Долгосрочного контракта не предполагалось - контракт был рассчитан только на два фильма. Рассматривая контракт, Брюс потратил много времени, оценивая самые последние китайские фильмы. Как он позже признался: “Они были ужасны. Во-первых, все дерутся в одно и то же время, и что действительно озадачило меня, так это что все дерутся примерно одинаково. Ого, да это никому не понравится. Когда ты вступаешь в бой, каждый противник реагирует по-разному, и можно играть и драться одновременно. Большинство китайских фильмов были очень поверхностными и однобокими”.

Рэймонд и Фелиция Чоу помогли отпраздновать мой 26 день рождения на обеде в Гонконге

Была некоторая “политиканская” нужда еще до того, как Брюс согласился подписать контракт с Рэймондом Чоу. Ран Ран Шоу по-прежнему соперничали за услуги Брюса, поэтому Рэймонд решил, что вместо того, чтобы позволить Брюсу сойти с самолета в Гонконге, где его могут увести прямо у него из-под носа, звезда должна лететь напрямиком в Бангкок, где будет сниматься фильм. Брюс отказался. Он решительно заявил, что не собираться быть пешкой в чьей-то игре. Так, в июле 1971-го Брюс приземлился в Гонконге. Он пробыл в аэропорту столько времени, сколько потребовалось, чтобы встретиться с другом и сделать несколько телефонных звонков, после чего улетел в Бангкок.

Вскоре после подписания контракта с Рэймондом тайваньский продюсер позвонил ему по телефону в Тайланд. “Этот парень сказал мне разорвать контракт, и он увеличит предложение Рэймонда и даже возьмет на себя заботу о судебном урегулировании по разрыву соглашения” – рассказал Брюс позже журналу. У таких людей было слабое представление о характере и порядочности Брюса. Если он поставил свое имя, значит так тому и быть. Кроме того у него было практически шестое чувство, что подтверждает Эрдиэн Маршалл, по поводу предложений, и тех людях, кто их делал, а также о своих правах во мнении и власти, которые он мог иметь в создании фильма.

Итак, жарким и влажным июльским днем Брюс оказался в маленькой деревушке Пак Чонг к северу от Бангкока. Именно там он и встретился в первый раз с Реймондом Чоу. Мужчины пожали друг другу руки и едва не рассмеялись над первыми словами Брюса. С огромной твердостью и предельной уверенностью он заявил: “Погоди, я еще стану крупнейшей китайской кинозвездой в мире”.

“Будущее в самом деле выглядит очень многообещающим – со множеством возможностей впереди, больших возможностей. Как поется в той песне: ‘Все только начинается’” – Брюс Ли.

Первое письмо Брюса из Пак Чонга открыло всю картину происходящего. “Бангкок был неплох. Но Пак Чонг это нечто иное. Москиты ужасны и повсюду снуют тараканы. Главная причина того, что я не написал, заключается в отсутствии сервиса отправки, но также потому что со мной произошел довольно неприятный случай - когда я умывался перед ультратонким стеклом, небольшое сжатие руки сломало эту чертову штуку и довольно глубоко порезала мне руку - худший порез из тех, что у меня были – понадобилось наложить десять швов. Но не беспокойся, я уверен, через две-три недели я буду в порядке, хотя прошлую неделю мне было неудобно писать (а также принимать ванную и так далее).

Мне придется получить подтверждение на ваш приезд, хотя я чертовски уверен, что получу его. Они хотят, чтобы я снял короткий фильм о ДКД в обмен на ваш проезд. Я не в состоянии сделать это, но уверен, что они не станут давить на меня, потому что с момента моего приезда все, включая Шоу Бразерс, используют все средства, чтобы добраться до меня. Одно известно точно - я суперзвезда в Гонконге... Я пишу довольно неразборчиво из-за своей руки, теперь она гораздо лучше. Я принимаю таблетки, и хотя я похудел до 128 фунтов, я привыкаю к здешним условиям - тараканы представляют постоянную угрозу, на ящериц я не обращаю внимания. Я лишь хочу, чтобы ты знала, что я скучаю по всем вам и шлю свою любовь всем... береги себя, любовь моя. Люблю, целую...”

Брюс также описывал многочисленные проблемы: “Очередной режиссер (любитель славы) только что приехал сюда, судя по всему, чтобы заменить текущего режиссера. Это не так важно, если он будет достойным и отзывчивым... Еда ужасна, в этой деревне нет мяса и очень мало курятины и свинины. Я рад, что взял с собой витамины. Хочу, чтобы ты была рядом, потому что я очень скучаю по тебе и детям. Эта деревня ужасна. Ничего здесь не напоминает дом. Ожидаю с нетерпением встречи с тобой в Гонконге... С искренней любовью к жене...и Брэндону с Шэннон”.

Шэннон сидит на моем колене с нашей собакой “тэРРИФИк”, которая лижет мне ухо. Рифф приходился братом шнауцеру Стива МакКуина

Брюс бывало говорил, что у Шэннон походка леди с того самого дня, как она научилась ходить

Брюс и Брэндон в Гонконге – 1970 г.

Семейство Ли перед нашим лос-анджелесским домом 1969 г.

28 июля он написал: “Прошло 15 дней с моего приезда в Пак Чонг, а такое ощущение, что прошел целый год! Из-за недостатка мяса мне приходится доставать консервированное мясо для ланча. Я рад, что привез с собой свои витамины. Очень сильно по вас скучаю, но в Пак Чонг тебе и детям нечего делать. Это абсолютно неразвита деревня, просто большое ничто.

Фильм, в котором я сейчас снимаюсь, больше напоминает любительский. Новый режиссер заменил ненадежного старого; этот новый режиссер такая же посредственность с почти невыносимым духом превосходства. В любом случае я жажду уехать из Пак Чонга в Бангкок, который, по крайней мере, более-менее приличен. Затем я полечу в Гонконг и приму необходимые меры, чтобы вы приехали – очень сильно хочу увидеть вас троих.

У меня пропал голос (я сильно хриплю) от криков и разговоров при поистине ужасных условиях – машины ездят, лед разрезают, и прочее и прочее. В любом случае, здесь творится просто какой-то ад. Моя спина справляется с нагрузкой вполне сносно, хотя требуется много отдыхать после сцен боя. Мне нужно пойти поесть – посмотрю, удастся ли найти немного мяса. С любовью к своей дражайшей супруге. Целую”.

Еще одно письмо:

“Давно ничего не слышно от Парамаунт. Вероятно сентябрь несколько позднее время для возвращения к «Лонгстрит» – время покажет. Не могла бы ты прислать мне несколько фотографий себя и детей?

Будущее в самом деле выглядит очень многообещающим – со множеством возможностей впереди, больших возможностей. Как поется в той песне: ‘Все только начинается’.

У меня такое ощущение, что Стерлинг не успеет завершить сценарий к моему возвращению в сентябре. В любом случае, так или иначе, я не слишком беспокоюсь, ведь у семейства Ли впереди много приятных моментов. С любовью к моим дорогим”.

Еще одно:

“Линда, чтобы убедиться, что я приеду в Штаты вовремя, я прошел через два дня ада. Я довольно неприятно потянул лодыжку после высокого прыжка на скользкий матрас – понадобилась двухчасовая поездка в Бангкок к доктору, соответственно я подхватил простуду (Бангкок жаркий и душный, а движение на дороге - сплошная 24-часовая пробка). В любом случае, когда у меня был жар, и я чувствовал боль, мы использовали крупные планы, пока я волочил свою ногу, чтобы закончить последний бой.

Брюс играет с Брэндон и Шэннон в своем кабинете

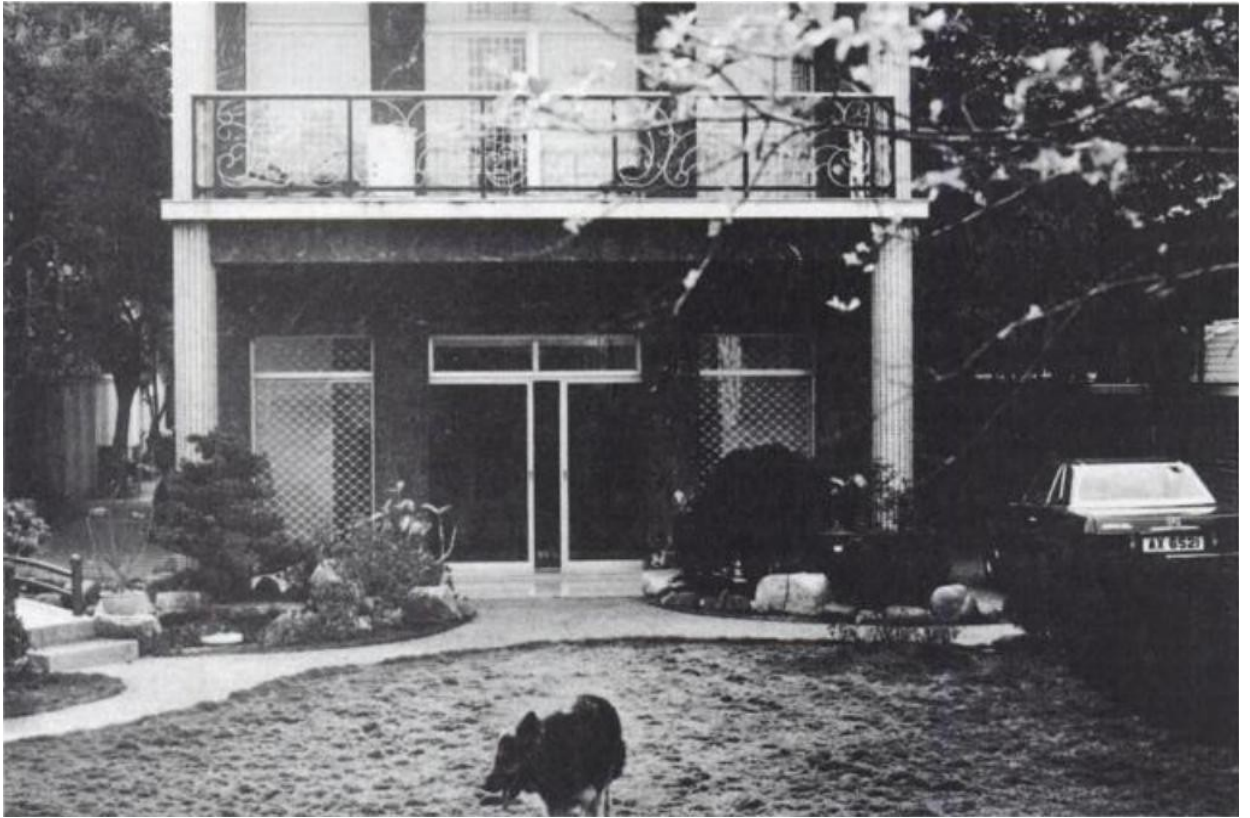
*Брэндон показывает Шэннон чем заняться в первый день в школе в Гонконге,
1971 г.*

Брэндон и Брюс позируют перед смешными карикатурами

*Часть большой семьи Брюса – тети, дяди и кузены в Гонконге.
Питер, старший брат Брюса, стоит слева от него*

Это дом с большим садом, где мы жили в Гонконге

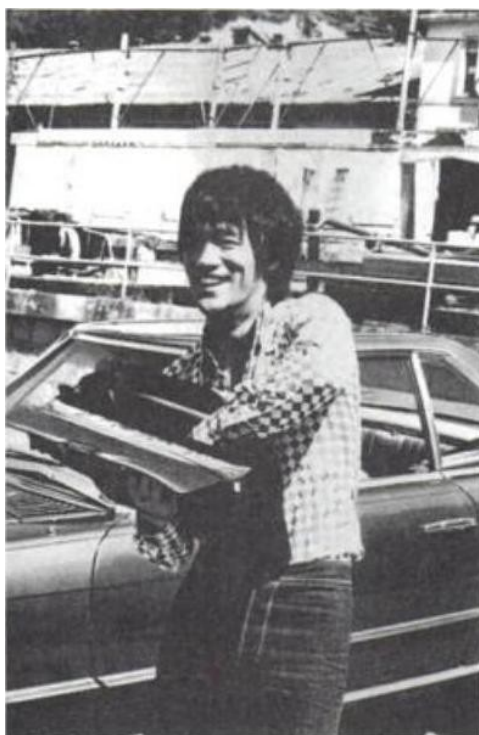

На премьерe «Кулака Ярости». Рэймонд Чоу, директор Ло Вэй пятый слева

На этих двух фотографиях Брюс, Брэндон и я на телевизионной программе по сбору средств жертвам тайфуна

Брюс в студии Голден Харвест в Гонконге

Гонконгские зрители пришли в восторг, видя, как Брюс ломает доски. Это не было частью серьезной демонстрации, но Брюс выполнял эти трюки, чтобы развлечь зрителей

Брюс с режиссером Ло Вэем

*Брюс и Ло Вэй в окружении тайских ребятишек
во время съемок «Большого Босса»*

«Большой Босс» был снят в небольшой тайской деревушке Пак Чонг

Моменты веселья на съемках «Большого Босса»

Брюса приветствуют в гонконгском аэропорту по возвращению из Штатов в 1971-ом. Рядом с ним стоит Мария И, сыгравшая одну из главных ролей в «Большом Боссе»

Брюс расслабляется в загородной зоне Гонконга, начало 1970-го

Теперь я чувствую себя хорошо, за исключением лодыжки, и хорошо себя чувствую в Бангкоке... Могу сказать одно: все здесь происходит чертовски быстро.

Ну, по крайней мере, в тайском отеле мне приносят завтрак в постель, ничего общего с Пак Чонг. Кстати, я купил кое-что для нас двоих. Это сюрприз на нашу годовщину. Придется подождать, когда я привезу их тебе.

Со счастливой годовщиной, милая жена!”

Заканчивалось письмо короткой пометкой для Брэндона, написанной прописными буквами:

“Привет, Брэндон! Когда я приеду, мы пойдем в магазин игрушек. Люблю тебя, сынок. Папа.

P.S. Поцелуешь маму и Шэннон за меня?”

И снова:

“Линда, я пишу это письмо, чтобы уведомить тебя, что:

1) «Лонгстрит» произвел такой успех, что появление моего героя на экране тут же производит фурор.

2) Поэтому Парамаунт просят меня появиться вновь и остаться в качестве того же героя.

3) Это означает, что я могу взять один месяц отпуска после 1 сентября и вылететь обратно, чтобы закончить вторую картину.

4) Разумеется, это все равно что убить двух зайцев одним выстрелом и получить дополнительный заработок.

5) Я уже телеграфировал Танненбауму, чтобы он дал мне знать о своих “приготовлениях” для меня”.

Еще:

“Моя дражайшая супруга, сегодня я послал телеграмму. Однако Танненбаум получит ее не раньше понедельника, если только нет какого-то особа вида доставки почты в студии на время выходных.

В любом случае, все это составляет пару дней ожидания. Невзирая на обстоятельства, я тверд во мнении, что ‘настало время поднимать мою ценность’. Все сводится к тому, возвращаюсь ли я, чтобы встретиться с тобой и затем лечу в Гонконг или ты с детьми летишь ко мне, чтобы встретиться со мной в Гонконге. Должен сказать, что первый вариант наиболее выгодный, и полон возможностей. Время покажет.

Хотя я должен сказать, что оплата за дом несколько тревожит меня. Я уверен, ты найдешь самый лучший вариант. Терпеть не могу, когда происходит полное изменение оплаты.

В любом случае как актер я начал делать успехи. Уверен, тот фильм, над которым я сейчас работаю, произведет большой успех – опять-таки, время покажет. И хотя то место, в котором я сейчас нахожусь, довольно паршивое, я занимаюсь профессией, в которой я уместен и которой мне нравится заниматься.

Береги себя, любимая. Очень скоро будем вместе”.

Еще одно:

“Линда, к настоящему моменту ты должна была получить мое письмо относительно надежды увеличить ссуду или наилучший способ, каким бы он ни был.

Получил телеграмму от Парамаунт, в ней говорится следующее:

“Предложение о работе по найму не менее трех эпизодов по тысяче долларов за каждый. Каждый эпизод, не более трех дней с 5 по 30 сентября, билет первым классом туда-обратно. Настоятельная необходимость - мы хотим услышать от вас немедленный ответ, чтобы подготовить сценарий для персонажа, которого вы играете”.

Вот мой ответ:

“Мои обычные две тысячи плюс добавочные технического консультанта. Если согласны, могу приступить с 7 сентября по 7 октября. Немедленно уведомите о порядке расписания”.

Действительно, если меня действительно любит Парамаунт и если я действительно проделал хорошую работу, мне кажется, я должен получать по меньшей мере две тысячи за эпизод, без учета этих трех дней и прочего. Будем откровенны, мои услуги стоят больше. Как знать, что мне готовит будущее? У меня довольно четкие представления на этот счет, а у тебя? Может наступить время, когда мне необходимо развивать это и дальше или отказаться – на этот случай я всегда могу отказаться в пользу гонконгской сделки”.

Это были удивительные несколько недель для нас обоих. Я втянулась в этот волнительный достаточно процесс, когда отчаянные исполнители Парамаунт, которым не удавалось заставить Брюса по телефону или телеграфу, жаждали поговорить со мной как с посредником. С появлением первого эпизода «Лонгстрит», казалось, весь мир внезапно захотел поговорить с Брюсом. Первым был Ран Ран Шоу, затем независимые продюсеры и наконец Парамаунт. “Они не могут добраться до меня, потому что по правде говоря я находился у черта на куличках” – позже объяснил Брюс репортерам. “Забавно, но когда Парамаунт слали телеграммы и звонили в Гонконг, чтобы поговорить со мной, тамошние продюсеры думали, что я известная звезда. Мой престиж должно быть вырос втрое”.

Я уволилась с работы, когда Брюс поехал в Гонконг на съемки первого фильма. Наши финансовые тяготы и моя работа были главными мотивирующими факторами, убедившими Брюса подписать контракт с Голден Харвест. Ему заплатили 15 000 долларов за два фильма, достаточно, чтобы освободить нас от наших проблем, но недостаточно, чтобы позволить нам содержать дом, изменяя условия выплаты огромной суммы по ссуде. Мы продали его в 1972-ом за 57 000 – эта недвижимость по-прежнему нуждалась в ремонте. Некоторое время спустя Брюс подписал сделку с Парамаунт и вернулся в Голливуд на съемки еще трех эпизодов «Лонгстрита». Сложность заключалась в том, что эти эпизоды были написаны до выхода в эфир «Пути опережающего кулака». Когда Парамаунт осознали успешность Брюса, они попросили Стерлинга поработать с Брюсом над следующими эпизодами. Как покажет будущее, Стерлинг мог бы сделать немного больше, чем просто написать для него эпизоды-связки. Первый эпизод был одним из лучших выступлений, на которые Брюс мог возлагать надежды. Таким образом, его роль в следующих трех эпизодах, казалась ему шагом назад.

Наконец голливудское кино увидело свет. И Парамаунт и Уорнер Бразерс (та же самая студия, которая отказалась от «Безмолвной Флейты» и возложила надежды на телесериал о кунг-фу, после чего так же быстро отказалась и от него) спешно сделали свои предложения.

В октябре 1971-го Уорнер Бразерс сделали следующее предложение:

1. 25 000 (американских долларов), за которые УБ получает в распоряжение услуги Брюса с целью создания проекта с его участием.
2. Если говорить о пилотной серии, будут использоваться следующие гонорары на фоне упомянутых выше 25 000 долларов:
 - а) получасовая пилотная серия – 10 000
 - б) часовая пилотная серия – 12 500

в) полуторачасовая пилотная серия – 15 000

г) двухчасовая пилотная серия – 17 000

Если по какой-либо причине мы не снимаем пилотную серию, желательно пустить 25 000 в счет соглашения о съемках полнометражного фильма.

3. Цена за серию

а) получасовая - 3000 за первый выпуск + авторские

б) часовая – 4000 за первый выпуск + авторские

Предложения были одновременно лестными и заманчивыми. Именно в это время Брюс, уверенный, что стоит на пороге успеха, вновь проконсультировался с Джимом Коберном, повторившим свой совет насчет того, что телевидение “перезевывает гениев” и что вместо этого Брюсу стоит возлагать надежды на Гонконг. Проблема заключалась в том, что хотя «Большой Босс» (выпущенный в большей части мира как «Кулаки Ярости») был готов к распространению, его премьера еще не состоялась. И хотя Брюс знал, что сыграл в нем отлично, он никогда не видел окончательный монтаж фильма и поэтому не имел никакой уверенности относительно реакции публики.

Брюс еще не принял твердого решения, когда вернулся в Гонконг после завершения эпизодов «Лонгстрит». Его контракт с Рэймондом Чоу подразумевал выпуск второго фильма, «Кулак Ярости». У него были неопределенные намерения завершить этот фильм для Чоу, затем вернуться в Гонконг и рассмотреть некоторые телевизионные предложения. Дети и я сопровождали Брюса обратно в Гонконг. Никогда не забуду, как мы приехали в аэропорт Гонконга. Брюс сказал мне, что вероятно в аэропорту нас встретят некоторые люди, поэтому когда мы приземлились в Гонконге, я сменила одежду и приготовилась встречать тех, кто собрался нас приветствовать. Однако я никак не была готова к полчищам поклонников и репортеров, аплодировавших возвращению Брюса. Группа бойскаутов держала баннер, чтобы поприветствовать нас, повсюду сверкали фотовспышки, и группы людей угрожали стать серьезной проблемой для полиции аэропорта. Таким было мое первое представление из серии, что такое быть женой кинозвезды, и наполнило меня гордостью, а вместе с тем и некоторой тревогой по поводу того, как меняется наша жизнь, а ведь это было еще даже до премьеры «Большого Босса».

Вскоре после приезда в октябре 1971 г., мы провели чудесный вечер, посетив ночную премьеру «Большого Босса» в Гонконге. Брюс нервничал по поводу премьеры, поскольку публика Гонконга известна очень громким выражением своего одобрения или недовольства о новых фильмах. Но той ночью все мечты, которые когда-либо были у Брюса, воплотились в реальность, когда зрители встали со своих мест с громогласными одобрительными аплодисментами. Менее чем за два часа действия на экране Брюс стал блистательной звездой, и покидая театр, мы были окружены огромной толпой. Один американский кинокритик писал: “Этот фильм превосходная актерская работа в карьере Брюса Ли. Это один из самых выдающихся примеров истинно животной сущности из тех, что появлялись на экране. Я бы противопоставил этот фильм лучшим картинам Клинта Иствуда, Стива МакКуина и многочисленным Джеймсам Бондам”.

За три недели кассовые сборы «Большого Босса» превысили сборы предыдущего рекорсмена «Звучание Музыки», собравшего в прокате Гонконга 2,3 миллиона долларов меньше чем за девять недель. Фактически, за 19 дней «Босс» толь-

ко в Гонконге собрал более 3,5 миллионов долларов, после чего продолжил бить все рекорды по всему Китаю и в таких далеких городах, как Рим, Бейрут и Буэнос-Айрес. “Мы знали с самого начала, что фильм станет успешным” - сообщил Брюс репортерам, “но должен признаться, на самом деле мы не ожидали, что он станет настолько успешным”. Он объяснил, что надеялся, что фильм представит новую тенденцию в китайском кино. “Я хочу сказать, людям нравятся фильмы, которые больше чем одна длинная драка с применением оружия. Если немного повезет, я надеюсь снимать здесь многоуровневые фильмы - фильмы, где ты можешь просто следить за поверхностной историей, если нравится, а можешь заглянуть в нее глубже. Большинство китайских фильмов до сих пор были очень поверхностными и односторонними. Я попытался изменить этот подход в «Большом Боссе». Герой, которого я сыграл, был очень простым, прямолинейным парнем. Так, если бы вы сказали ему что-то, он бы поверил вам. Но потом, когда он наконец понимает, что его использовали, он звереет. Он не плохой герой, но я не хочу играть его все время. Я предпочитаю играть более глубоких героев”.

Голден Харвест разместили Брюса, меня и детей в апартаментах или квартире, как это называется в Гонконге, на территории Ватерлоо Хилл в Коулуне. Это было небольшое местечко с двумя спальнями, гостиной, столовой и китайской кухней. Многие современные удобства, к которым я привыкла, такие как стиральная машина и сушилка, отсутствовали. Нашу одежду стирали на руках и развешивали сушиться под окном на бамбуке. На окнах были решетки в целях безопасности, как и в большинстве домов в Гонконге, даже притом, что наша квартира находилась на 13-ом этаже. Здание было оснащено лифтами, но они часто ломались, и нам всем приходилось тащиться вверх и вниз 13 этажей. Вообще это стало своего рода развлечением, когда мы с Брюсом бегали вверх и вниз по ступенькам в качестве упражнения. Наши соседи считали нас немного странными.

Вскоре после того, как мы приехали, у нас поселился человек по имени Ву Нган. Он вырос с Брюсом в семействе Натан Роуд как сын слуги, который жил с семьей Ли. Он жил с нами в течение всего нашего пребывания в Гонконге, и когда он женился в следующем году, его жена также жила с нами и позднее со своими детьми. Не говорила по-английски ни семья Ву, ни их многочисленные родственники. Это обстоятельство заставило меня очень быстро выучить кантонский, и довольно скоро я смогла неплохо изъясняться на этом языке. В это время Брэндону было шесть лет, а Шэннон два годика. Брэндон вскоре пошел в колледж Ла Салль, ту же школу, которую Брюс посещал годами ранее. Даже притом что администрация школы не была довольна успеваемостью Брюса в те годы, они хотели дать Брэндону шанс. Занятия проходили на английском, но все мальчишки были китайцами, поэтому Брэндон быстро выучил китайский во время игр на площадке. Шэннон ходила в ясли, так как было важно, чтобы она начала рано, чтобы позже смогла пройти вступительные испытания в детский садик. К трем годам она уже носила униформу, школьную сумку и изучала китайских героев. И Брюс и я считали, что важно, чтобы дети знали китайский язык и китайские обычаи, так же хорошо, как и американские, и лучшего места, чем Гонконг, для этого просто не найти.

Брюс быстро погрузился в съемки «Кулака Ярости» (переименованного в «Китайские Связи» для распространения в Штатах). Большая его часть была снята в Голден Харвест Студиос и в основном ночью. Не было ничего необычного в том, что Брюс возвращался домой в три или четыре часа утра. Одна из идей Брюса для «Кулака» состояла в том, чтобы привести своего друга и ученика, Боба Бейкера, из Калифорнии на роль русского злодея. Его героя тепло приняли китайские

зрители, таким образом, заложив почву для привлечения других европейцев в будущиx фильмах.

Опять-таки у «Кулака Ярости» состоялась крайне успешная премьера. Несколько дней спустя Брюс и Боб тайно прокрались на балкон театра, чтобы посмотреть фильм незамеченными. Брюс хотел оценить реакцию публики и может быть взять на заметку комментарии, которые позже могли бы оказаться полезными. По ходу фильма зрители почти не шумели, но в конце они все просто с ума посходили, начали хлопать и шуметь. “В Гонконге фанаты кино очень эмоциональны” – заметил Боб после премьеры. “Если им не нравится фильм, они ругаются и уходят из зала. Когда фильм подошел к концу, у меня на глазах были слезы. Все, что я помню, это как жал руку Брюсу и говорил: “Парень, я так рад за тебя!”

Вот так с выпуском «Кулака Ярости» карьера Брюса взлетела к еще большим высотам, и повсюду била рекорды. За 13 дней он побил 3,5 миллионный рекорд «Большого Босса» в Гонконге и приблизился к четырехмиллионной отметке. Однако не все критики благосклонно оценили этот фильм. Даже «Саус Чайна Монин Пост» (британская газета) подвергла критике методы работы Ло Вэя, но заявила, что когда Брюс “выходит из себя, он делает это великолепно. Ожесточенный бой в приступе слепой ярости – пугающий и превосходный”. Фактически сам Брюс заметно разочаровался в Ло Вэе во время создания фильма и их “вражда” получила широкую огласку. Брюса беспокоило лишь создание качественного фильма, и он был искренне раздражен из-за того, что не было надлежащего сценария, а методы производства почти хаотичными. Он считал, что Ло Вэй по-видимому не заинтересован в том, что происходит на съемочной площадке, а в одной сцене его даже заметили слушающим по радио скачки в тот момент, когда актеры должны были играть романтическую любовную сцену.

И все же, успех фильма никогда не подвергался сомнению, поскольку он по крайней мере с двух сторон восхитил китайских зрителей. Несмотря на тот факт, что Брюс был значительно более эффектным в этой картине, нежели в «Большом Боссе», его стиль боя стал более смертоносным, чем когда-либо. Вдобавок к динамичной технике боя без оружия, он впервые использовал нунчаку, произведя сенсационный эффект и используя палочки с “пугающей точностью и бравадой”, как написал один критик. Однако использование Брюсом нунчаку, привело к некоторой негативной критике. Их использование запрещено во многих частях мира, а в некоторых штатах Америки даже их хранение считается преступлением. “Мне пришлось воспользоваться кое-каким средством самозащиты” – отметил Брюс. “И в конце концов, этот парень идет на меня с мечом, и никто не сможет голыми кулаками одолеть меч. В любом случае использование палочек это еще и история, поскольку в те дни огнестрельного оружия не было”.

Помимо реалистичной точки зрения, Брюс был в творческом смысле заинтеригован драматической и театральной привлекательностью нунчаку. В его библиотеке было много книг об оружии, древнем и современном, восточном и западном, и он смотрел на нунчаку как на исторически обоснованное оружие, и их применение подстрекало подростков к насилию не более, чем использование винтовки Джоном Уэйном в своих вестернах. В «Кулаке Ярости» критики аплодировали Брюсу даже больше, понимая, как рассмешить, выставляя дураками его врагов. “Он актер с долей абсурда” – отметил тот же критик с восхищением. Что парадоксально, именно этот сюжет сделал Брюса героем для миллионов китайцев. Он взывал к их жажде к самоуважению в той мере, которая не поддается объяснению тем, кто живет в западных странах и которые никогда не подвергались эксплуатации.

Фильм начинается со смерти учителя школы китайских боевых искусств в Шанхае около 1908 года. На похоронах представители школы японских боевых искусств преподносят табличку “жалким азиатам”. Брюс не только возмущен оскорблениями, но, полагая, что японцы ответственны за смерть учителя, решает отомстить за его честь. В конце фильма Брюса вызывает на бой главного японского мастера и вышибает дух как из него, так и из русского гиганта. Когда в одной сцене Брюс кричит с вызовом: “Китайцы не жалкие неудачники!”, зрители вскакивают со своих мест. В буквальном смысле слова. Исторически это напомнило им о японской интервенции в Китай и порабощении, которое им пришлось пережить. Китайцы были вынуждены стать жестокими. Брюс и сам интересовался этим аспектом. “Прославление насилия неправильно. Поэтому я настоял на том, чтобы герой, которого я играю в фильме, умер в конце. Он убил многих людей и должен заплатить за это”. Китайским зрителям не нравилась его смерть, и многие из них протестовали, разгневанные, что их герой должен понести наказание.

Фил Окс, член легендарного нью-йоркского фолк-музыкального круга начала 60-х, описывал, как “сидел в состоянии восторга пять часов, когда впервые увидел фильмы Брюса на Филиппинах. Я не мог поверить своим глазам. Я видел японские фильмы о самураях, но не был готов к такому. Истории были просты и основаны в основном на мести. К ним всегда относились соперничающие школы и почитаемый учитель. ‘Я обучу вас, и вы станете лучшими бойцами мира, но вы никогда не должны использовать свое искусство во вред, если только это не абсолютно необходимо’. В начале это насилие; оскорбления соперничающей школы, отравление учителя, убийство возлюбленной. Ли, герой Брюса, лучший боец школы, требует мести и он всегда сдержан до того момента, когда уже не может сдерживаться. После чего следуют самые восхитительные экшн-сцены из когда-либо появлявшихся на экране. Один человек против 50 без оружия. Он начинает прокладывать себе дорогу через полчища мелких злодеев при помощи кулаков, локтей, ног. И никаких спецэффектов. Зрители в зале бьются в истерику, хлопают, ликут, иногда даже вскакивают со своих мест. Когда он добирается до главных злодеев, это превращается в танец невероятной красоты (один рецензент отметил, что по сравнению с Брюсом Рудольф Нуриев выглядит как водитель грузовика). Это не вульгарность Джеймса Арнесса, бьющего рукояткой пистолета - крепкого, пьяного театрального грабителя; это не остроумные изобретения Джеймса Бонда, которые всегда приходят ему на помощь, это не неуклюжий Джон Уэйн, устраивающий бойню в салуне на фоне разлетающихся в щепки столов и искусственного стекла толщиной с лист бумаги. Это наука тела, доведенная до наивысшей формы. И насилие, неважно насколько беспредельное, всегда странным образом очищающее. Лицо и сознание Брюса Ли так же важны, как и действия. Выражение на его лице, когда он выносит своих соперников, не поддается описанию; временами он входит в экстаз, почти сексуальный, и когда он бьет, сознание увеличивает его силу удара, а выражение концентрации и удовлетворения на лице разрушительно”.

В результате такой реакции на свои фильмы на международном уровне Брюс вдруг обнаружил, что он повсюду востребован кинорежиссерами, что вскоре подтолкнуло его к публичному заявлению: “Эти фильмы должны сделать для меня то же, что сделали для Клинта Иствуда длинные как спагетти вестерны”. Приток мастеров боевых искусств внезапно хлынул в Гонконг в надежде повторить “везучесть” Брюса. Это не произвело на него впечатления. “Они полагают, что тоже могут стать успешными. Что ж, я не верю в чистую удачу. Нужно создать свою удачу. Ты должен знать о возможностях вокруг себя и воспользоваться ими.

Некоторые могут мне не верить, но я провел тысячи часов, совершенствуя то, чем сейчас занимаюсь”.

“За всю свою жизнь я не видел ни одного человека, столь же неподражаемого, как Брюс Ли” – Стерлинг Силлифант

Второй фильм Брюса сделал его самой яркой фигурой в шоу-бизнесе Дальнего Востока. На Филиппинах показ фильма длился более шести месяцев, и местному правительству в конце концов пришлось ограничить объемы зарубежного импорта, чтобы защитить отечественных продюсеров. В Сингапуре, как и в Гонконге, спекулянты билетами сколотили на фильме состояние, увеличив начальную стоимость билета в 18 раз. На премьере фильма тысячи поклонников хлынули в кинотеатр, создав такую огромную пробку, что показ пришлось отложить на неделю, пока полиция не разработала новые схемы дорожного движения.

Более того, продюсеры по всей юго-восточной Азии начали предлагать Брюсу деньги. Некоторые из них делали свои предложения посредством газетных заголовков. “У меня появилась куча проблем” – признался Брюс журналу «Бойцы в мире звезд». “Около моего дома начали останавливаться люди и передавать мне чек на 200 000 долларов. Когда я спрашивал их, за какие заслуги, они отвечали: ‘Не волнуйся, это просто подарок’. То есть я даже не знал этих людей. Когда люди раздают большие суммы денег, как в этом случае, ты не знаешь, что и думать. Я порвал все эти чеки, но это было нелегко, ведь я не знал, за какие заслуги они предназначались. Разумеется, деньги важны для содержания моей семьи, но они далеко не все”. Он стал подозрительно относиться ко всем. Это был период большого замешательства. “Я не знал, кому доверять и даже стал с подозрением относиться к старым приятелям. В то время я не знал, кто пытается использовать меня в своих целях”.

На съемках «Выхода Дракона» с Джимом Келли

Закончив «Большого Босса» и «Кулак Ярости», он был предоставлен сам себе и ни с кем не был связан контрактными обязательствами. Успех «Босса» и «Кулака» дал Брюсу понять, что он должен выпустить картину, которая будет соответствовать еще большим ожиданиям зрителей и в то же время принесет ему еще больше уважения в мире боевых искусств. Он всерьез рассматривал еще один сценарий Голден Харвест «Тигр С Желтой Мордой», но при этом настаивал, что

если возьмется за этот фильм, то у него должен быть профессиональный сценарий в голливудском стиле. Брюс всегда был не удовлетворен тем, как снимались фильмы в Гонконге, где режиссеры в большей или меньшей степени создавали сюжеты по ходу действия, часто основанные (но официально не признанные) на сюжетах фантастических историй, популярных в Азии, и схожих с историями в западных книгах комиксов. Когда Ло Вэй отказался от профессионального сценария, Брюс отклонялся. Это был риск, но как Брюс часто говорил по этому поводу: “величие требует риска, поэтому немногие достигают его”. Вместо этого он решил основать собственную телекомпанию Конкорд и работать в сотрудничестве с Рэймондом Чоу.

С самого начала Брюс считал, что в Гонконге продюсеры расценивали создание фильмов как простое собирание воедино всего необходимого, по типу бакалеи, чтобы потом толкать покупателям этот продукт с прилавка. “В китайских фильмах всего очень много. Чтобы создавать действительно хорошие фильмы, нужно использовать утонченность, и очень немногие люди в бизнесе хотят рисковать своими деньгами, чтобы этого достичь. Кроме того, сценарии весьма ужасны. Вы не поверите, что весь этот материал я переписал для «Большого Босса». Каждый из нас должен играть второстепенную роль по сравнению с качеством самого фильма”. Для подкрепления этой точки зрения прилагаю отрывок из статьи, написанной Брюсом на раннем этапе взрослой карьеры:

“Эта статья отражает мои искренние личные убеждения, отчасти мой личный взгляд на киноиндустрию и мои представления как об актере, так и человеке. Прежде всего, я должен взять на себя ответственность и делать то, что правильно, все мое время должно быть посвящено подготовке к роли... только после этого приходят деньги. Для людей, ведущих бизнес в кино, должен отметить, что кино - это брак искусства и бизнеса, а сам актер не человек, а продукт, товар. Однако как у человека у меня есть право быть лучшим, черт побери, продуктом, из тех, что ступали на землю, и работать столь усердно, чтобы деловые люди слушали меня. У меня есть личное обязательство перед самим собой сделать себя лучшим доступным продуктом согласно собственному способу выражения. Стать не крупнейшим или самым успешным, а самым качественным продуктом, и с достижением этого придет все остальное.

Прежде всего, актер, как и мы с вами, это человек, наделенный способностью выразить себя в психологическом и физическом плане с присущими ему реализмом и уместностью, будем надеяться, в хорошем смысле, что всего-навсего означает раскрытие в совокупности всего, что он собой представляет – опыт в самоанализе, индивидуальные особенности и так далее. Как нет двух одинаковых людей, то же самое верно и в отношении актера.

Актер – это посвященный человек, который чертовски усердно работает, так что его уровень понимания делает его квалифицированным артистом в самовыражении - в физическом, психологическом и духовном смысле. Я считаю актерское мастерство искусством, как и свою практику в боевых искусствах, поскольку это самовыражение.

Как актер я разрываюсь между бизнесом и искусством с надеждой, что посредством гармоничного сочетания того и другого я смогу проявить себя при помощи самовыражения и искреннего общения.

Брюс и Рэймонд Чоу в Риме на съемках «Пути Дракона»

Преданность, абсолютная преданность - вот, что помогает мне идти вперед - отчасти неудержимая маниакальная преданность и осознание, что нет конца, и не существует пределов, поскольку жизнь это не более чем процесс постоянного совершенствования и развития.

Актер, особенно хороший актер, это артист с глубиной и утонченностью. В самом деле, то, что зрители видят на экране это совокупность того, каким является уровень понимания этого конкретного человека. Если он готов, подготовлен, излучает невероятную по силе энергию, и правдоподобность выражения, упорно работая и развиваясь в этом процессе, в таком случае этот человек профессионал, “умелый поставщик” на мой взгляд”.

Очевидно, что взгляд Брюса на актерское мастерство, которое было всего лишь средством для самоисследования, тесно пересекался с его подходом в боевых искусствах. И как с боевыми искусствами, качество превосходило все остальное.

“С детства слово качество имело для меня огромное значение” – как-то Брюс поделился с репортером. “Величайшее удовольствие слышать как очередной человек с беспристрастной точкой зрения, у которого дрогнуло сердце от моего фильма, искренне говорит мне: ‘Эй, а ведь это по-настоящему!’ Мне бы понравилось! На примере своей жизни могу сказать, что к чему и следует стремиться, так это быть настоящим, выполнить свою миссию, и прежде всего, реализовать свой потенциал вместо того, чтоб растрчивать свой имидж, что не имеет отношения к тому, чтобы быть настоящим и лишь расходует жизненную энергию. Впереди у нас много работы, и она требует преданности и большой-большой энергии. Чтобы расти, открывать, нам требуется участие, которое я испытываю каждый день, иногда оно хорошее, иногда разочаровывающее. Несмотря ни на что, ты позволяешь своему внутреннему свету выводить тебя из тьмы”.

Далее Брюс прояснил свои убеждения в интервью «Гонконг Стэндард». Он объяснил: “Я не удовлетворен выражением киноискусства здесь, в Гонконге. Это время, когда кто-то пытался что-то делать в сфере кино. В фильмах просто не хватает эмоциональных героев, идейных, преданных, и в то же самое время профессионалов. Я полагаю, что именно я займу это место. Зрителей нужно обучать, и тот, кто их обучает, должен нести за это ответственность. Мы имеем дело с народными массами, и должны постепенно обучать их. Мы не можем сделать это в одночасье. Вот чем я сейчас занимаюсь. Преуспею я в этом или нет - покажет время, но у меня не просто ощущение, что я предан идее, я действительно предан ей”.

Он привел аргументы в отношении насилия. “Я не создаю монстра – всю эту кровавую резню, как в обычных китайских фильмах. Она существовала еще до моего появления. По крайней мере, я не распространяю насилие. Я не называю бои в своих фильмах насилием. Я называю их экшном. Боевик находится на грани между реальностью и фантазией. Если бы фильмы были абсолютно реалистичны, вы бы назвали меня жестоким кровавым человеком. Я бы просто уничтожил своего соперника, разрывая его на части или вырывая ему кишки. Я бы не сделал это столь артистично. Во мне есть такое напряжение, что зрители верят в то, что я делаю, потому что я сам верю в то, что делаю. Но я играю таким образом, чтобы моя игра была пограничной территорией между реальностью и фантазией”.

Брюс позирует в традиционном китайском костюме на студии Шоу Бразерс

Брюс задает вопросы некоторым актерам перед своим режиссерским дебютом в «Пути Дракона»

Брюс в качестве режиссера. Он написал сценарий, режиссировал и сыграл главную роль в «Пути Дракона».

Начиная с «Пути Дракона», своего третьего гонконгского фильма, Брюс начал придавать своим фильмам легко узнаваемый дух

В том же самом интервью он сообщил, что как актеру и человеку ему бы хотелось развиваться, играя различные роли, хотя Брюс считал, что это невозможно сделать в юго-восточной Азии, поскольку он стал играть слишком однотипные роли. “Кроме того я даже не могу полностью выразить себя здесь, иначе половину экранного времени зрители не поймут, о чем я говорю. Именно поэтому я не могу все время находиться в юго-восточной Азии. Я совершенствуюсь и ежедневно делаю новые открытия. Если ты не делаешь этого, ты уже принял определенную и форму и конец” – и Брюс провел ребром ладони по горлу. “В будущем я буду снимать разные фильмы: серьезные, философские, а некоторые чисто развлекательные. Но я никогда не буду торговать собой”.

Выше всего остального Брюс ставил то, что придавал своим фильмам особый уникальный дух. В течение этого времени он перечитал огромное собрание книг по созданию фильмов, в конце концов заключив, что единственный способ, используя который он мог быть уверен в защите своей личной и творческой неприкосновенности заключался в том, чтобы писать, режиссировать, продюсировать и играть главные роли - фактически делать все самому. Это было чрезвычайно смелое решение, которое потребует от него огромной творческой энергии. С высоты прошедших лет десятки чрезвычайно творческих и талантливых личностей поместили себя на так называемое место переноса, и наблюдали, как в результате их карьеры падают в пропасть. Несмотря на это, как только Брюс принял это решение, он также принял на себя всю ответственность и смело погрузился в работу как одержимый.

За его решением стояло твердое убеждение, что каждый последующий герой, которого он играл, должен обладать совершенно уникальной личностью. Он понимал, что люди хотели видеть его в роли бойца, но он категорически настаивал, что каждый из героев, которых он изображал, обладал большой глубиной. До Брюса ни один актер в Гонконге не предпринимал такого шага. Он был таким же

замечательным нонконформистом в отношении китайских фильмов, каким был в отношении боевых искусств. Он был новатором, создателем, человеком, который скорее определял возможности, чем они его определяли.

В конце концов Брюсу пришла идея, которая лежит в основе сценария к «Пути Дракона» (выпущенного под названием «Возвращение Дракона»), и соответственно он много ездил в поисках места для съемок и потратил сотни часов, обсуждая у нас дома проект с помощником режиссера. Я присутствовала при большей части этих диалогов, но поскольку разговоры обычно велись на китайском, мне было тяжело уследить за их беглой речью, хотя мой кантонский существенно улучшился. После, мы наедине с Брюсом обговаривали его идеи на английском, что часто приводило к появлению у него новых идей.

Брюс в медитативном настроении в Гонконге

С самого начала Брюс знал, что создание кино это смесь искусства и коммерции. Привлечение американских чемпионов по каратэ Чака Норриса и Боба Уолла в Гонконг и Италию было эстетическим решением, как и коммерческим. Истинно коммерческий аспект заключался в том, что аудитория, на которую он работал, была китайской – и китайцам хотелось видеть, как их китайские герои побеждают людей другой расы. Если это звучит как расовый предрассудок, то он объясним с точки зрения истории китайского народа. Но так же важен для Брюса был и тот факт, что он будет драться с профессиональными каратистами вместо актеров или танцоров, что на его взгляд придавало бы его фильму больший реализм и достоверность. Многим из тех, кто видел этот фильм, могло показаться странным, что фильм о китайском кунг-фу снимался в Риме, а развязка происходила в этом античном доме гладиаторских искусств, Колизее. Но когда Рэймонд Чоу, партнер Брюса по фильму, упомянул, что у него есть человек, который может организовать оборудование, места и производственные детали, Брюс тут же увидел уникальные эстетические особенности, присущие этому месту.

В Риме предстояло преодолеть проблемы логистики, времени, разрешений и бесчисленное множество других трудностей. Они снимали на улицах, в аэропорту, в центре Рима в часы интенсивного движения и даже в плохую погоду. Вдобавок, расписание съемок составляло изнурительные 14 дней, семь дней в неделю. В один день они снимали почти невероятные 62 мизансцены в одном только аэропорту Рима. Без сомнения были те, кто считал, что с Брюсом сложно работать, поскольку он постоянно требовал совершенства от себя и от всех вокруг, но знал, чего хотел и как этого добиться. По общему признанию он был резким и прямым,

когда считал, что это необходимо, но учитывая все вместе взятое, он держался на абсолютно профессиональном уровне в течение всего процесса создания картины.

Брюс считал сценарии боев захватывающими. Его хореография боевых искусств была сама по себе высококвалифицированным искусством. Дома у нас был видеомэгафон, присоединенный к телевизору, так чтобы он мог записывать матчи по западному боксу и реслингу. Он также приобрел видеозаписи боев за чемпионский титул, в частности Мухаммеда Али. Эти и другие бои он пропускал через механизм ручного редактирования, изучая техники боев, и постоянно размышляя о том, какие сцены боев можно использовать в своих фильмах. В трех фильмах, снятых им на тот момент, включая «Путь Дракона», к примеру, около 30 сцен боев, и каждая из них уникальна и соответствует личности героя и ситуации. После того, как все было расписано на бумаге, бои проводились с реальными соперниками. Результатом этого становились дальнейшие детали, чтобы привлечь внимание такие характеристики, как силу и высоту соперника и так далее. Последняя длительная дуэль с Чаком Норрисом заняла 20 страниц письменных указаний и была тщательно распланирована как профессиональное балетное представление. Брюс разработал все это в нашем кабинете дома, зачастую в роли Чака Норриса выступала я. Временами у него случалось внезапное озарение, и он кричал: 'Давай попробуем вот это', и затем мы вновь отработывали все движения, часто работая вместе до утра.

Боб Бейкер, злодей в «Кулаке Ярости», стоит перед китайским кинотеатром в Сан-Франциско, где идет показ «Кулака»

С растущей популярностью Брюса поклонники часто толпились вокруг него, требуя защиты со стороны полиции

В «Пути Дракона» было еще одно выдающееся новшество. В большинстве китайских фильмов в качестве саундтрека использовалась музыка, записанная на магнитофонную пленку. Но у этого фильма был свой собственный особый саундтрек, и Брюс лично присутствовал при его звукозаписи и играл на перкуссии. Он контролировал все - наложение, декорации, костюмы, монтаж - буквально все. Ко времени готовности финального продукта он должен был увидеть фильм несколько сотен раз по кусочкам в различных стадиях производства, как в голове, так и на пленке.

Первоначально «Путь Дракона» предназначался для распространения только в юго-восточной Азии. Первоначальный замысел Брюса при создании фильма состоял в том, чтобы показать гонконгским зрителям еще одну сторону себя. Поскольку у него не было намерений нацеливаться на мировой рынок, он придумал и выпустил историю, которая главным образом находила бы отклик у китайского зрителя. Он описал обаятельного главного героя, эдакого наивного деревенского парня, пытающегося приспособиться к ситуациям, с которыми он сталкивается в населенной зарубежной столице. Посредством этого героя он смог продемонстрировать свою юмористическую сторону личности, сторону, которая никогда ранее не появлялась ни в одном из его фильмов. Брюс почерпнул немалую долю своего личного опыта, описывая своего героя, вспоминая те первые дни, когда вернулся в Сан-Франциско, место своего рождения, из Гонконга. В этом фильме много от настоящего Брюса Ли.

Когда фильм наконец вышел на экраны, он столкнулся с новой ситуацией в Гонконге - цензурой. Была запущена новая кампания против жестокости (и действительно была перенята Сингапуром, который подверг безжалостной цензуре все жестокие фильмы на китайском языке, включая «Путь Дракона»). К счастью, цензоры настаивали только на вырезании одной небольшой сцены (которая была восстановлена для распространения за океаном), где Брюс наносит пять последовательных ударов в голову Чака. Это прекрасное движение, важная часть пути, по которому зритель знакомится с психологией боя, и Брюс был разочарован, что ее вырезали.

Брюс заключил пари, что этот фильм обойдет по прибыли его первые два фильма, по крайней мере, в Гонконге. Он предсказал, что фильм соберет более пяти миллионов долларов в прокате. Никто в это не поверил – это практически втрое превышало рекорд «Звуков Музыка»! Пресса, услышав об этом пари, начала безжалостно над ним подтрунивать. Брюс отшучивался от всех колкостей в свой адрес, и радовался как ребенок, когда «Путь Дракона» в конце концов перешагнул пятимиллионную отметку. Неизбежно он побил все рекорды, когда-либо установленные в Китае.

Шэннон и я встречаем Брюса во время его возвращения со съемок «Пути» в Риме

Среди всей этой славы и поклонения была цена, которую стоило заплатить, и Брюсу вручали все больший и больший чек на ежедневной основе. “Самое большое разочарование” – отметил Брюс журналу «Черный пояс», “это потеря личного пространства. Забавно, но мы все жаждем стать успешными, но как только ты добиваешься этого, все оказывается не так радужно. Едва ли есть в Гонконге место, куда я могу пойти, чтобы на меня не глазели, или у меня не просили автографы. Это одна из причин, почему я провожу много времени дома, занимаясь своей работой. В данный момент мой дом и офис это самые спокойные места”.

Он объяснил, что избегает вечеринок, когда это возможно (они никогда ему не нравились, фактически еще до того, как он стал известным). “Я другого плана человек. Я не пью и не курю, а эти вечеринки по большей части бессмысленны. Мне не нравится носить строгую одежду и находиться в тех местах, где все пытаются произвести на кого-то впечатление. Послушайте, я не говорю, что я застенчив. Я скорее предпочту находиться в кругу некоторых друзей и вести неформальную беседу о таких вещах, как бокс и боевые искусства. Всякий раз, когда я иду в такие места, как ресторан, я стараюсь проскользнуть незамеченным. Я направляюсь прямо к крайнему столику и быстро сажусь, повернувшись лицом к стене, спиной ко всем остальным. Я низко наклоняю голову во время еды. Нет, я не сумасшедший. Я только кажусь им. Видите ли, если меня узнают, мне конец, потому что я не могу есть той рукой, которой подписываю автографы. И я не один из тех парней, которые отмахиваются от людей. Теперь я понимаю, почему звезды вроде Стива МакКуина избегают публичных мест. Вначале я не обращал внимания на растущую популярность. Но вскоре, ответы на одни и те же вопросы снова и снова, позирование для фотографий и вынужденная улыбка стали головной болью”.

Как резкий контраст, несомненно были и приятные моменты. С материальной точки зрения мы определенно сдвинулись с места. Мы были готовы съехать с нашей маленькой квартиры на Ватерлоо Хилл в большой дом в близлежащей территории Коулун Тунг. Частные дома в Гонконге - относительная редкость, и нам посчастливилось найти такой. Красный Порше, который Брюс приобрел в Кали-

форнии, когда мы не могли его себе позволить, заменил спортивный Мерседес 350SL. Он заказал золотой роллс-ройс Корнише ко времени создания четвертого и последнего фильма. У него всегда была склонность к красивым, мощным машинам, которые он водил с большой страстью. У Брюса была также любовь к стильной одежде, и в многочисленных бутиках Гонконга он мог побаловать себя. Он весело проводил время, занимаясь этим делом, но по правде у него редко было время, чтобы пойти по магазинам из-за работы, а спустя некоторое время у него пропало и желание из-за проблемы быть узанным. Самой большой страстью его были книги, хотя он отказывался считать их материальными вещами. Наоборот, он смотрел на них как на хранилища идей, философии и духовных принципов. Богаты мы были или бедны, Брюс всегда шел на все, чтобы собирать книги, многие из которых были первыми раритетными изданиями.

Наличие возможности обеспечить хороший дом для своей семьи и некоторые другие жизненные удобства определенно сняли с Брюса некоторое давление, хотя он по-прежнему не чувствовал себя в абсолютной безопасности относительно своего финансового будущего. Причина этого заключалась в том, что деньги, которые мы тратили, поступали к нам от Конкорд Продакшнс (компании Брюса и Рэймонда) исходя из прибыли, которая еще не была реализована от «Пути Дракона». Было важно вдвойне, чтобы «Путь» стал успешным. И поэтому тогда как некоторые стрессы в жизни Брюса уменьшались, другие трения увеличивались.

Говоря откровенно, Брюс никогда не ставил материальные ценности на первое место. Они были не тем, что он желал от жизни. Разумеется, ему хотелось безопасности, этой пресловутой независимости, что означало, что он может стремиться к совершенству. И это были совершенство, качество, достижение, развитие, к которым он стремился. Он считал деньги тем, что достанется ему как нечто само собой разумеющееся, когда он достигнет качества. Он никогда не считал, что сможет проигнорировать их, но наживание денег не было его главной целью. Он мог видеть деньги, материальные блага и все остальные составляющие успеха в их истинном свете.

Брюс не был человеком, намекающим на свои влиятельные связи, и не имел множества известных друзей, которые абсолютно ничего не значили для него. Он бывало говорил: «лучший плотник так же важен, как и человек, создавший важный фильм». Даже до того, как стал известным, он никогда не ощущал неполноценность, потому что был китайцем или потому что не был миллионером. Он никогда не смотрел на жизнь с этой позиции. По большей части это должно быть связано с тем фактом, что однажды он собирался достичь большого успеха. Когда мы еще были относительно бедны, он обращал внимание на богатых и их стиль жизни, но никогда не чувствовал зависть по отношению к ним. Можно было практически увидеть, как от него исходят заряды электричества.

Чак Норрис и Брюс в сцене из «Пути Дракона»

Брюс, в общем и целом, наслаждался простой, спокойной жизнью. “Мне не нравятся вечеринки” – заявлял он. “Мне также не интересна самореклама. Но эти вещи неизбежны в жизни звезды, в частности, в таком небольшом местечке, как Гонконг”. Что ухудшало все это на его взгляд, так это то, что слишком многие продюсеры пытались быть с ним вежливыми, и он сомневался, что они делают это от души. “Им кажется, что меня интересуют лишь деньги. Поэтому они стараются заманить меня к себе на съемочную площадку, обещая мне огромные суммы денег, и ничего кроме них. Но в душе я лишь хочу равную долю прибыли. Чего я хочу больше всего, так это выпустить очень хорошее кино”. В целом мы оба были довольны тем, чего он достиг с выходом «Пути Дракона» на экраны.

10

Наверное, самым захватывающим в фильмах Брюса была его чисто животная притягательность. У него была невероятная энергия, некая внутренняя сила, которая, казалось, становилась все сильнее и динамичнее, чем больше он делал на нее ставку. Однажды он сказал Адриану Маршаллу: “Я чувствую, как у меня внутри кипит и бушует энергия”.

Когда «Путь Дракона» находился на завершающей стадии производства и все были убеждены, что у них получился шедевр, Брюс почувствовал, что давление на него немного уменьшилось. С легким настроением он обходил студии, пока журналист из Сингапура брал у него интервью. Он написал: “Вскоре стало очевидным, что кумир тысяч азиатов чрезвычайно дружелюбный человек. Пожимая руку каждому руководителю студии, мимо которых мы проходили, он приветствовал их, говоря ‘доброе утро’ или ‘как у тебя дела сегодня?’ Но один человек, к которому таким образом обратился Брюс, повел себя иначе. ‘Извини’ – сказал Брюс примирительно. ‘Должно быть обознался, но все равно доброе утро’. Он отпускает шутки, делает массаж шеи помощнице юной леди, у которой возник небольшой спазм, и признается, что сперва пишет свои сценарии на китайском и затем кто-нибудь ‘немного совершенствует их’, потому что он несколько запустил свой китайский. Он насвистывает любимую мелодию и объявляет: ‘Мне бы хотелось научить мир петь’, а затем добавляет: ‘Но если я в чем-то и уверен, так это в том, что не умею петь. Я говорю, что у меня богатый голос, потому что он приносит деньги’. Он показывает фокусы с долларовыми купюрами. Он дает уроки по боевым искусствам паре друзей, советуя им: ‘Ты должен быть энергичным, но в то же время имей терпение’. Важнее всего то, что ты должен иметь твердую решимость. Худший соперник, с которым можно столкнуться, это тот, чья цель стала одержимостью. К примеру, если человек решил откусить у тебя нос, не обращая внимания на то, что с ним может произойти в этот момент, вполне вероятно, что ему это удастся. Его могут жестоко избить, но это не остановит его от выполнения первоначальной цели. Вот что такое настоящий боец”.

Брюс на съемках «Игры Смерти»

Он бросался в сплетни словесными ударами: “люди в Гонконге слишком много сплетничают”. Например, приезжает фотограф, чтобы сделать фотографии Брюса, и спрашивает его, будет ли он работать с Шоу Бразерс, и Брюс отвечает этому человеку: “Если будет хороший сценарий, я рассмотрю его. Я хочу оставать-

ся на нейтральной стороне и работать с той компанией, которая сможет мне предложить хороший сценарий. Я не хочу принимать участия в конфликтах и конкуренции'. Через несколько минут на сцене уже шесть фотографов, и каждый задает ему один и тот же вопрос. Раздраженный Брюс рычит: "Скажите им, что я подписал с Шоу контракт на 20 фильмов".

Позже, он поведал о своем затруднительном положении. "Обычно я делаю в фильме то, что мне нравится. Но у меня есть и ограничения. Люди ожидают от меня драк. Они ждут действия. Поэтому отчасти я нахожусь в плену собственного успеха". Он выражал свое мнение открыто и честно, что в свою очередь могло не расположить его ко всем. Он говорил о культурных различиях между Востоком и Западом, критиковал производственные стандарты в Гонконге, заявлял, что в этой сфере слишком много непрофессионалов. Он считал, что некоторые из звезд Гонконга злоупотребляют значительной силой. "Что больше всего терпеть не могу, так это нечестных людей, которые говорят больше, чем могут сделать. Я также считаю отвратительными людей, использующих ложную скромность как средство, чтобы скрыть свою неадекватность".

Со своим помощником режиссера на съемках «Пути Дракона»

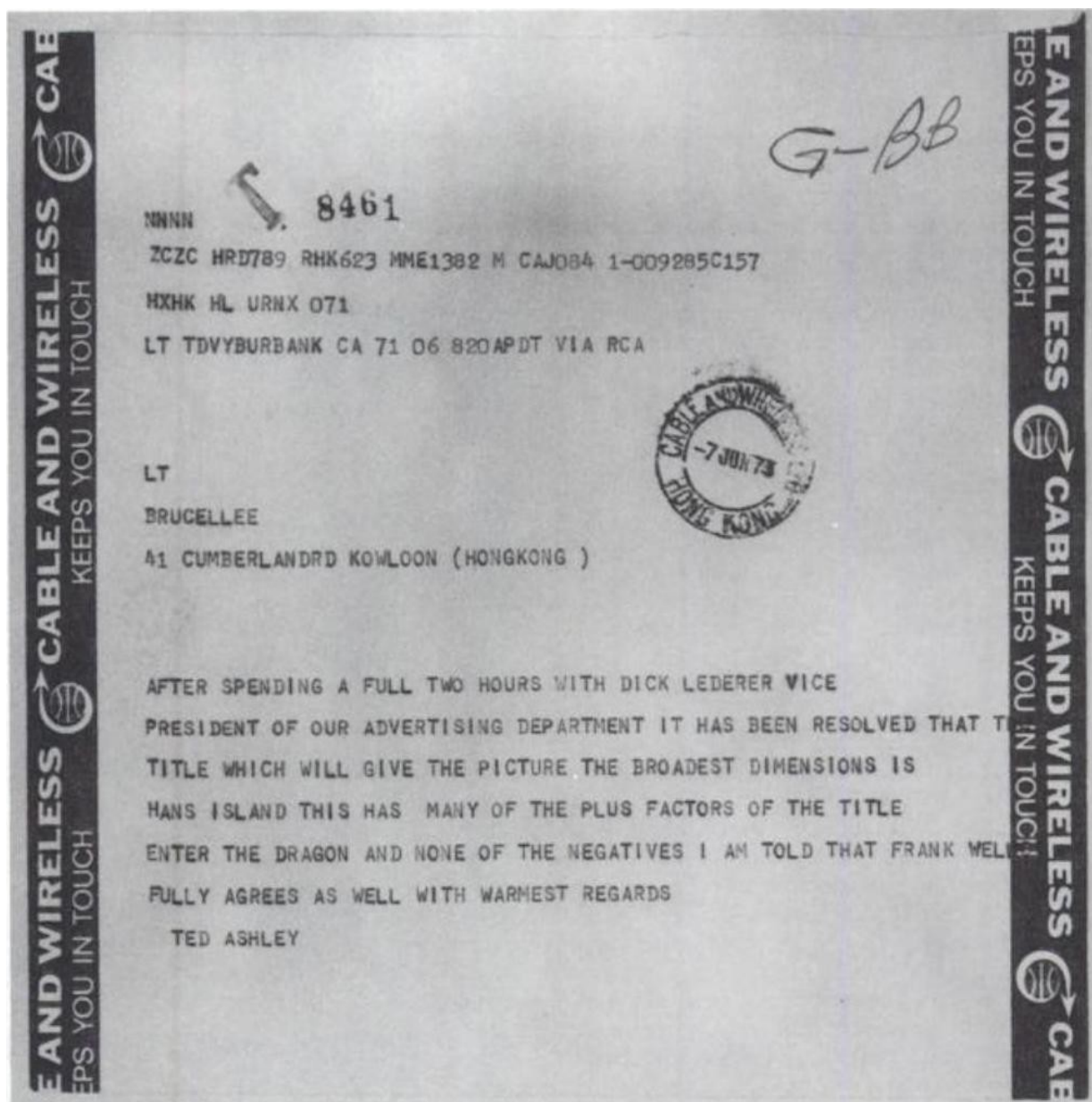
Брюс никогда не обманывался выпавшему на его долю успеху. Свою внезапную славу и удачу он считал "иллюзорным творением и позерством", и в письме своему старому другу Мито Уехара, издателю «Черного Пояса» открыл свои искренние мысли:

"Когда я прочел твою статью о себе, у меня появились смешанные чувства. Для многих слово успех кажется раем, но теперь, когда я в гуще всего этого, это не что иное, как обстоятельства, которые усложняют мои врожденные чувства по отношению к простоте и личному пространству. И при этом, хочешь-не хочешь, обстоятельства свалились на меня, и будучи в душе бойцом, я в начале отчасти борюсь с этим, но вскоре понимаю, что то, что мне нужно это не внутреннее сопротивление и ненужный конфликт в форме пустой растраты; лучше, объединив силы, приспособиться и сделать все возможное.

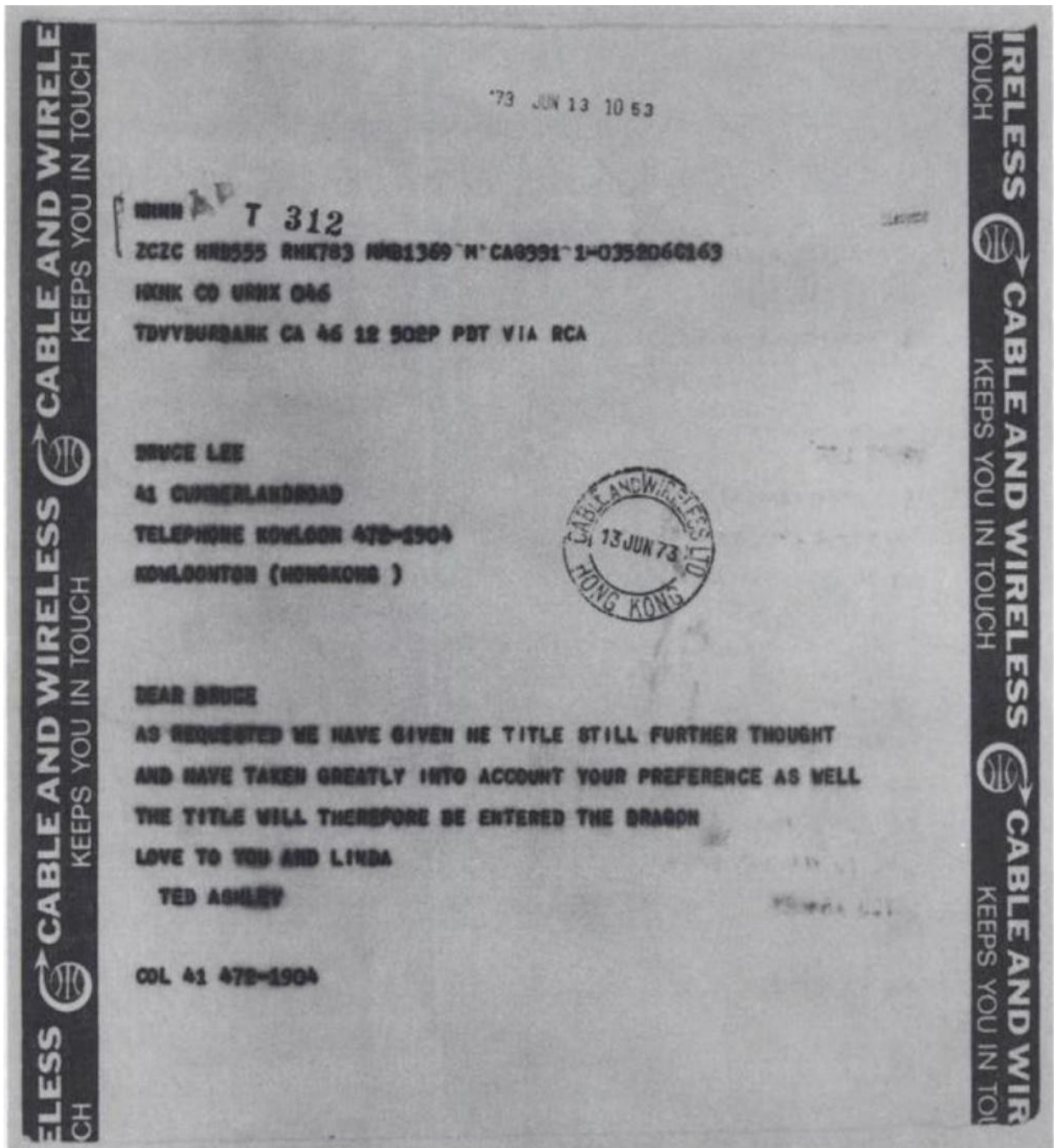
Я не могу отступить. Мне всегда в себе нравилась эта "способность цепляться" к качеству и искреннему желанию делать это правильно. Отчасти я рад, что это успешное событие происходит со мной, когда я взрослею до состояния готовности и определенно не убью его "самовосхвалением" и "подаввшись иллюзиям". Я готов.

Ну, мой дорогой друг – не так давно слово друг стало редким словом, тошнотворной игрой наблюдательности в отношении предлагаемой дружбы – я скучаю по тебе, нашим незамысловатым совместным ланчам и многочисленным веселым разговорам.

Береги себя и хорошо проводи время – надеюсь, ты по-прежнему бегаешь, для меня теперь бег - единственная форма отдыха”.

Брюс был разочарован тем, что руководство Уорнер Бразерс настаивало на названии «Остров Хана» для его последней картины

Через десять дней после предыдущей телеграммы Брюс очень обрадовался, что смог убедить Уорнер Бразерс оставить название «Выход Дракона»

Светлый момент на съемках «Игры Смерти», к которой Брюс также написал сценарий и выступил в качестве режиссера

Таки Кимура, ставленник Брюса в Сиэтле, пережил суровый домашний кризис незадолго до смерти Брюса. Поначалу он не хотел сообщать об этом Брюсу – Брюс, в конце концов, теперь был крупной кинозвездой и “я не хотел прослыть любителем поживиться за чужой счет”. К его удивлению Брюс позвонил ему из Гонконга по телефону и упрекнул его. “Слушай, я тот же, что и всегда. Если теперь что-нибудь нужно, только попроси”. И он написал Таки длинное письмо, которое по словам Таки “помогло мне пережить эмоциональное состояние”. Я считаю, что благодаря этим письмам можно развенчать как минимум два мифа в отношении Брюса: что несмотря на весь свой успех у Брюса было немного друзей и он стремился забыть о них. Я полагаю, ни у кого в течение его или ее жизни нет более полудюжины друзей, и Брюсу в этом повезло больше, чем другим.

Завершив работу над «Путем Дракона» Брюс принял решение взять небольшой отдых и затем приступить к работе над «Игрой Смерти». Проработанного сценария не было, но у него была смутная идея, что к проекту нужно привлечь самых лучших бойцов мира и спортсменов. Затем он услышал, что его старый друг Карим Абдул-Джаббар собирается с визитом в Гонконг. Брюс позвонил ему и предложил снять совместную сцену боя, представив, что нет ничего более интригующего, чем увидеть, как он сражается с человеком почти на два фута выше его. Карим с энтузиазмом согласился, и за неделю они продумали и сняли одну из самых фантастических и замечательных боевых сцен.

Заключительная сцена «Игры Смерти» была снята в пагоде, где на каждом этаже Брюс сталкивался с новым соперником. В финале его ожидал бой с Каримом. Подготовкой к этой сцене был бой с его хорошим другом и ставленником, Дэном Иносанто. Это была великолепная дуэль на нунчаку. Дэн познакомил Брюса с нунчаку, и Брюс легко ими овладел, как и любым другим оружием. Эта сцена боя между Дэном и Брюсом была одной из самых прекрасных сцен, поставленных в фильме. Была еще одна боевая сцена в «Игре Смерти» между Брюсом и известным корейским бойцом, но после этого проект был отложен на некоторое время. Он так никогда и не был завершен в намеченном виде из-за смерти Брюса, но в первоначальном виде мог бы получиться зрелищный фильм.

В течение последующих месяцев на него посыпались предложения. Ран Ран Шоу, которые всего два года назад предлагали Брюсу смехотворно низкую плату за фильм, отослали ему подписанный контракт с просьбой указать желаемую сумму. Муж Софи Лорен, продюсер Карло Понти, был одним из итальянских кинорежиссеров, который обвешивал его фантастическими предложениями, наряду с десятками других продюсеров по всему миру. Когда мания на фильмы о кунг-фу распространилась по всему миру, Брюс был единственным в своем роде в этом виде деятельности, без сомнения самая яркая собственность в шоу-бизнесе.

“Я словно нахожусь в тюрьме” – сказал Брюс. “Я как обезьянка в зоопарке. Люди смотрят на меня и тому подобное, но в сущности мне нравится простая жизнь, мне нравится много шутить. Но теперь я не могу так же свободно говорить, как раньше, поскольку имеет место неправильное истолкование и тому подобные вещи, знаете ли.

Это не изменило меня внутри, потому что я знаю, что между моим рождением и смертью произошло что-то, что бьет рекорды. Для меня это не имеет ника-

кого значения. Это естественный ход вещей. Не то, что я горожусь этим или я стал лучше, чем был, я все тот же парень, черт побери”.

Как бы он о себе не думал, он вне всякого сомнения достиг огромной славы в китайских кругах, его фильмы намного превосходили по прибыли «Крестного Отца» и «Звуки Музыки» во многих и наиболее важных территориях мира. Брюс имел дело с потоком предложений из офиса Голден Харвест Студиос на Хаммер Хилл Роуд в Коулуне, где он хранил пару на первый взгляд неуместных старых сломанных очков. Как он объяснил репортеру, “чтобы напоминали мне о тех днях, когда я был на такой мели, что даже не мог себе позволить новую пару очков”.

С восстановлением дружеских отношений между Китаем и Соединенными Штатами, новым фактором в мировой политике, Брюс осознал, что возможность стать первой международной суперзвездой в истории Китая больше не была невозможной мечтой. Катализатором выступил Фред Вейнтрауб, в прошлом вице-президент ответственный за успех таких фильмов, как «Вудсток», «Ярость» Джорджа С. Скотта и «Клют» Джейн Фонды. В течение четырех лет Фред пытался реализовать проект фильма о боевых искусствах, и продолжал получать отказы от крупных киностудий. Несмотря на неудачу, он объединил усилия с Полом Хеллером, чье имя упоминалось во вступительных титрах к фильму с Элизабет Тейлор «Тайная церемония», и основал Секвойя Пикчерз. Вскоре после этого они привлекли сценариста Майкла Эллина к написанию фильма «Кровь и Сталь», который позже стал «Выходом Дракона». Уорнер Бразерс подписали контракт на совместное продюсирование с Конкорд и Секвойя, утвердив бюджет в 500 000 долларов (в итоге он превысил отметку в 800 000 долларов). Такой бюджет был сравнительно скромным по голливудским стандартам, но по китайским это были огромные деньги. Это был ошеломительный триумф для Брюса.

Брюс и исполнители второстепенных ролей на съемках «Игры смерти»

К февралю 1973-го Фред Хеллер, режиссер Роберт Клауз, Джон Сэксон, Джим Келли (чемпион в средней весовой категории международного класса по каратэ 1971 года), актриса Анни Капри и Боб Уолл (которому предстояло сыграть вероломного Охару) присоединились к Брюсу в Гонконге на десять изнурительных недель съемок. Джим Келли был впечатлен тем фактом, что хотя у китайцев в Гонконге было очень мало денег, он увидел длинные очереди на фильмы о боевых искусствах. “Что бы ни говорили люди, заслуга гигантской волны интереса к фильмам о боевых искусствах, принадлежит Брюсу Ли. Брюс имел большое влияние. Я сказал ему лично, что высококого мнения о нем за то, чего он достиг. Он хо-

рош не только в технике, он также обладает превосходным аналитическим умом. Он анализирует все, что делает, и это поражает меня. Естественно, мне не мог не уважать его за то, что он был успешной личностью, вышедшей за традиционные рамки сферы боевых искусств”. На более личном уровне Брюс впечатлил его, потому что “он относится ко всем одинаково, даже к детям. Подростки в Гонконге боготворят его и думаю это даже хорошо для них”.

Боб Уолл объяснил, почему ему понравилась сюжетная линия «Выхода Дракона». “Это был честный фильм и абсолютно правдивый. Еще важнее, что не оказал негативного влияния на боевые искусства. Это не очередная история в духе глаз за глаз. На самом деле Ли показан не причиняющим насилия человеком. До того момента, как он убивает Охару, он использует столько силы, сколько этого требуется в тот или иной момент. Основная мысль фильма определенно состоит в том, чтобы соблюдать основы боевых искусств”.

Боб также восторженно отзываясь о роли Брюса вне экрана. “Он не только замечательный мастер боевых искусств, но и хороший актер, как и специалист. Он верит в спонтанность. После того, как он дал нам распоряжения, что делать в боевых сценах, мы снимали их снова и снова, пока он считал, что они выглядят отлично. Как мастеру боевых искусств далеко не весело находиться на приемной стороне ударов руками и ногами, не имея возможности нанести ответный удар. Но работа с Брюсом научила принимать удары руками и ногами, не калеча себя и при этом сделать их более достоверными. Разумеется, тот факт, что у Брюса был безупречный контроль над своими ударами, делает все это еще более убедительным”. Непросто описывать в деталях или отмечать все нагрузки, которые он испытывал при создании «Выхода Дракона», ближайшие к нему, они вели к невыносимым физическим и моральным страданиям. Это было все равно высокопроизводительная Феррари, которая без остановки проносится на красный свет и ей давно пора остановиться для прохождения профилактики и техосмотра. Это были естественные нагрузки в Гонконге у миллионов людей, высокого уровня шума и изнуряющей влажности. Желтая пресса, снующая свой нос в его частную жизнь, стремящаяся сделать сенсацию самого омерзительного характера. Это были продюсеры и предприниматели, пытавшиеся эксплуатировать его самого и его имя. Было огромное физическое и психическое напряжение при создании его зрелищных фильмов. Творческий расход энергии и эмоций – как сохранить баланс между потребностями международной славы и необходимостью сохранить своих китайских зрителей.

Намного важнее, что это было непредсказуемое будущее и надвигающийся вопрос, в каком направлении идти дальше. Три случая, произошедшие во время съемок «Выхода Дракона» указывают на дополнительное напряжение. Ни один из них, взятый в отдельности, не был более чем тривиальным, но все вместе, это были чрезвычайно раздражающие задержки для Брюса. Первый произошел когда он сильно поранил руку во время боя с Бобом Уоллом. Рассказывает Боб: “Я взял по бутылке в каждую руку, отбил у них доньшко и приготовился. Я посмотрел на зубчатые края – это было действительно смертоносное оружие. Я подумал: ‘Господи, они используют настоящее стекло!’ Я взглянул на Брюса. Он не отступил. Он просто спокойно сказал: ‘Вперед, нападай на меня’. Сделав шаг, я услышал, как под ногами хрустит стекло. Затем Брюс подпрыгнул в воздух и ударил меня ногой в верхнюю часть груди, отбросив меня на группу статистов, и режиссер кричал: ‘Снято!’”

Все то стекло, что вы видите в Голливуде, которое трескается от прикосновения пальца, это искусственное стекло, сделанное из сахара, и оно безопасно. Одна-

ко в Гонконге подобная хитроумная бутафория неизвестна. Ставя бой с Бобом Уоллом, Брюс отработал свои движения до мелочей. К сожалению, именно в этот дубль Брюс ударил слишком быстро, и Боб не успел отпустить бутылки. Брюс ударил прямо по неровным острым краям разбитого стекла, и кровь хлынула из ужасных глубоких ран на его руке. Он смог вернуться к съемкам только через неделю. Это было не только больно и неудобно, но также нарушило ритм съемок. В следующей сцене Брюс должен был пройти мимо кобры. Ко всеобщему ужасу, кобра напала на Брюса и укусила его. К счастью смертоносную змею предварительно лишили яда. Тем не менее, ее укус проявился в виде болезненной раны, а вместе с тем в эмоционально опустошающем опыте. Вдобавок к остальным трудностям Брюсу бросил вызов актер массовки, которому казалось, что он сможет “достать” мастера. Из-за подобных случаев Брюсу приходилось избегать улицы Гонконга чаще, чем ему бы этого хотелось. Один актер массовки бросил ему вызов во время работы над «Кулаком Ярости», и Брюс достаточно с ним наигрался, чтобы убедить того, что он просто теряет время. На съемках «Выхода Дракона» были сотни статистов, и большинство из них были просто подростками. Один из них постоянно бросал Брюсу вызов, крича: “Я не верю, что ты можешь делать все, о чем заявляешь”. Первое время Брюс старался не обращать на него внимания и переводил вызов в шутку. Наконец он сказал этому парню: “Мне плевать, что ты думаешь”. Парень начал хвастаться, что Брюс боится с ним драться. Брюс терпел это до одного дня, когда из-за всех сложностей он находился в плохом расположении духа, и согласился на бой. Брюс совершил быстрый удар, и парень упал как кегля в боулинге. Он поднялся с окровавленной губой, после чего вновь упал. Гнев Брюса испарился так же быстро, как возник, и он дурачился с этим подростком, пока тот наконец не сдался. У него не было намерения нанести ему физический вред, только преподать урок. Как обычно, местные газеты раздули эту историю, и согласно их версии, Брюс чуть ли не избил парня до бессознательного состояния.

Некоторым газетам доставляли особое наслаждение попытки подстрекать Брюса к бою с различными претендентами, часто осуждая его, если он отказывался. По сути, Брюс всегда был в проигрыше, и в некотором смысле оказался в ловушке, из которой не мог выбраться. Если он принимал бой, он казался хулиганом. Если отказывался, его считали фальшивкой или тряпкой. Хуже всего, как бы оно ни было, что это всегда была хорошая история для газет. Не считая трудностей Брюса, съемочная группа столкнулась с пугающими проблемами при создании фильма. Никто даже не думал наперед о трудностях, с которыми им придется столкнуться. Хотя американцы были более чем впечатлены умением китайских рабочих возводить сложные постройки без использования механического инструмента и других средств, что принимается как должное в Голливуде, суровая реальность заключалась в том, что все должно было создаваться с нуля. Строительные леса в натуральную величину, лодки, дома, построенные сотнями китайских строителей и рабочих. Кроме того семь хрупких богомолы потребовалось доставить самолетом прямо из Гавайев для сцены длительностью всего в 20 секунд. Прибавьте к этому нескончаемые языковые трудности, вызывавшие задержки, как и кардинально отличающиеся социальные обычаи. К примеру, помощник реквизитора как-то утром забыл принести реквизит, и ему было так стыдно, что он исчез на три дня. Он потерял лицо, серьезный вопрос для китайца. Иногда уходили часы просто на то, чтобы разместить 300 актеров массовки и объяснить им, что нужно делать. Часто, после завершения дня с простыми пояснениями вызывающего листа на следующий день, половина актеров массовки не появлялась на площадке, а те, кто все-таки показывался, часто выходил не вовремя. Столкнувшись со сложностью поиска женщин на второстепенные роли, режиссер Роберт Клауз взял на эти роли гонконгских девушек, предоставляющих эскорт-услуги. Но они

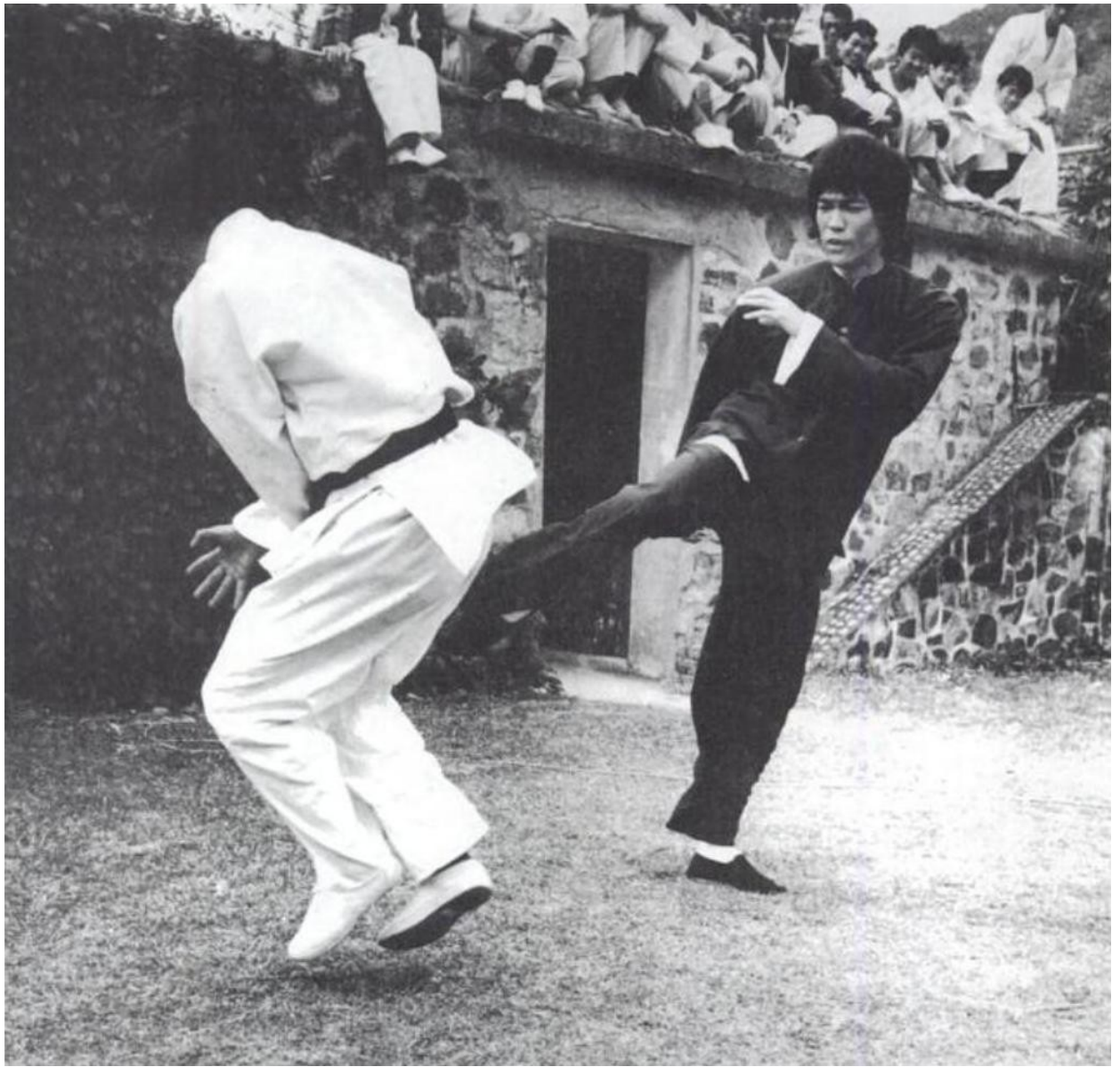
также оказались ненадежными. Кроме того, заболели и травмировались люди. Один актер едва не утонул во время съемок с джонкой на беспокойном море. Короче, это можно назвать как угодно, только не “легкими съемками”.

*Брюс с двумя кузенами на съемках.
Членам семьи разрешилось присутствовать на съемках*

Брюс обсуждает сценарий «Большого Босса» с Ло Вэем

Пока наблюдатели улыбаются, Брюс играет в дополнительной сцене на съемках «Выхода Дракона»

На стадии озвучки. Звук в китайских фильмах накладывался позже из-за постороннего шума во время съемок

Если смотреть с более радужной стороны, режиссер Клауз утверждал, что игра Брюса приятно удивила его. “Он хороший актер, и при этом великолепный мастер боевых искусств”. Курт Хиршлер, режиссера монтажа, признал: “Я получил истинное просвещение, работая с материалом Брюса Ли. Он быстр как молния и при этом все, что он делает – совершенно”. Хотя он мог замедлить фильм или остановить его по своему усмотрению, чтобы зафиксировать движение Брюса, Хиршлер добавляет: “Он даже не подает никаких сигналов – ни намека, что собирается ударить кулаком. Он обладает невероятной энергией. Ему часто приходилось делать 10-15 дублей одной сцены боя, и он редко демонстрировал намек на

усталость. Во время монтажа я устал от одного только наблюдения за его движениями”.

Фред Вейнтрауб утверждал, что во многих отношениях им невероятно повезло, что они закончили фильм даже за десять недель. “Процесс создания совершенно отличался от Голливуда. Китайцы говорят “да” на любой вопрос, но они не имеют в виду согласие. У них нет представления о том, как мы снимаем фильмы в Голливуде – у их фильмов нет конца, и никому нет до этого дела. Вместо монтажа они вырезают сцены прямо по ходу. Они не ставят перед собой вопрос охватить всю сцену с различных сторон”. Более того, оказалось невозможным записать звук прямо во время съемок, поскольку во всех китайских фильмах звук всегда накладывается позже. Главная причина этого заключается в объеме внешнего шума от близлежащего города. В Гонконге просто не было достаточно места для размещения студий на окраине. Вместе с тем Фред жаловался: “Было невозможно сделать так, чтобы группа рабочих и актеры вели себя тихо во время съемок. Они не могли понять, почему им нельзя разговаривать”.

Даже с чрезвычайной гибкостью Брюса было невозможно ударить Карима ногой по лицу из положения стоя

Еще одним следствием киноопыта Брюса – влажность, жара, постоянное выливание нервной и физической энергии, вдобавок постоянная боль в спине – было обезвоживание и потеря веса угрожающими темпами. Брюс был абсолютным фанатиком в отношении физической формы, редко позволяя солнцу закатиться без проведения тщательной тренировки, но на физическом уровне Брюсу приходилось нести свой крест. По правде говоря, у Брюса всегда была проблема с поддержанием веса. Даже будучи ребенком, он был очень худым и очевидно болезненным. Фактически, когда он в первый раз вернулся в Гонконг из Сан-Франциско, в возрасте трех месяцев, смена климата произвела на него катастрофический эффект и он едва выкарабкался.

Некоторым рацион питания Брюса мог показаться приемлемым, но он сжигал энергию как печка. Даже в ранние годы, когда мы жили в Лос-Анджелесе, он развил интерес к здоровой пище и высокопротеиновым коктейлям. Он также много пил собственных смесей из сока овощей и фруктов, которые я готовила в электрической соковыжималке. Он принимал все возможные таблетки с витаминами и со временем стал сведущим о витаминах и хорошо понимал об опасности в результате чрезмерных дозировок.

В Гонконге он в большом количестве пил медовый чай и свежавыжатый апельсиновый сок, потому что он сильно потел, в частности, во время работы. Китайские травяные напитки также вошли в состав его ежедневного рациона. Мы покупали большую часть еды в магазинах товаров для здоровья, хотя не соответствует действительности, что он отказывался питаться тем, что не было куплено в магазине и приготовлено им самим. Разумеется, он любил рис и мы ели его каждый прием пищи, вне зависимости от того, ели мы восточную пищу или нет. Он в особенности любил корейскую и китайскую еду. Помню, как ходила с Чжуном Ри в корейские рестораны в Гонконге, а Брюс сидел там и ел и ел, и потел и потел, и ел и ел – и ему это очень нравилось.

Брюс в интервью высказывает свое мнение

Брюс держит в руках пару разбитых очков, которые всего два года назад он не мог себе позволить починить

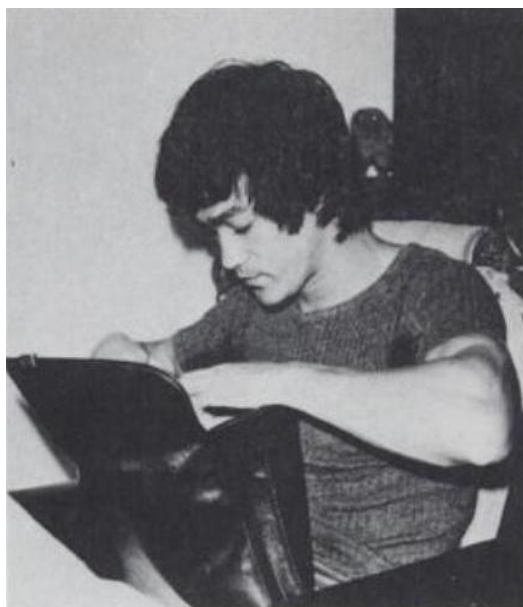

Брюс клоуничает в офисе Голден Харвест с исполнительницей одной из главных ролей Норой Мяо

Брюс и я на премьере с Рэймондом Чоу

Брюс в офисе своей студии

Брюс, Брэндон и я на гонконгском телевидении

Обратите внимание на массажера, на который оперся Брюс, чтобы дать отдых своей травмированной спине

Брюс использует свой фотообъектив на съемках «Выхода Дракона». В последний год у него наблюдался живой интерес к фотографии

Были и другие проблемы, досаждавшие Брюсу во время «Выхода Дракона». Гонконг может быть довольно грубым местом. Кроме того, что люди бросали ему вызов прямо на улице, он не мог скрыться от деловых партнеров, людей, желающих заключить договор или тыкающих ему в лицо контрактами, от прессы и электронных СМИ (ТВ и радио), от охотников за автографами, толпами окружавших его. В Голливуде было относительно просто выбраться из города по выходным или отдохнуть денек-другой на природе, но в тесном Гонконге об этом не могло быть и речи. С другой стороны по характеру и темпераменту Брюс делал все на полной скорости. Помните, что когда он был ребенком, его семья называла его (по-китайски) “непоседа”. В результате, хотя он и понимал, что ему необходимо отдохнуть, каким-то образом всегда находилось то, что ему требовалось немедленно сделать. В начале 1973-го Брюс постоянно находился в движении, обсуждал сценарий, часами говорил по телефону или проводил конференции. Ближе к концу жизни у него было так много проблем в голове, что он не мог заснуть. Зачастую в часы бодрствования он был особенно не в духе.

Дэн Иносанто принимает боевую стойку с Брюсом в битве нунчаку для «Игры Смерти»

Я пыталась говорить, что ему больше не требуется так упорно работать, что его карьера теперь движется в правильном русле и будущее обеспечено. Кроме того, я подчеркивала, что самое важное, что мы четверо должны быть вместе, что пока мы есть друг у друга, все будет хорошо. И тем не менее Брюсу было нелегко забыть о сравнительно бережливых временах, пережитых нами в первые совместные годы, и он был убежден, что дети и я больше никогда не должны сталкиваться с финансовой неопределенностью. Это была его цель в жизни, даже выше создания самых качественных фильмов, и будучи лучшим мастером единоборств, обеспечить свою семью. Я не знаю, можно ли отнести эту особенность к азиатскому происхождению или его личности, скорее к сочетанию и того и другого, но это было безусловно основная забота. Следует также помнить, что в это время выручка от «Пути» только начала течь тонкой струйкой (чтобы отдать долги, в которые мы влезли), а «Выход Дракона» еще не вышел на экраны. «Выход Дракона» был крупной авантюрой, как для Брюса, так и для американских продюсеров – понравится ли такой боевик западным зрителями? Примут ли они китайского героя? Понравится ли гонконгским любителям кино “западный” подход к фильму? Все это были вопросы, на которые не было ответов.

Будущее Брюса зависело от успеха «Выхода Дракона». Он мечтал покинуть Гонконг и вернуться в Соединенные Штаты, где он смог бы реализовать свои мечты стать международной звездой и предоставить лучшие условия жизни и образовательные возможности для своих детей. Было это возможно или нет - все зависело от реакции на «Дракона». Это было чрезвычайно смутное время. Несколько раз, когда его уровень энергии и настроения были особенно паршивыми, Брюс го-

ворил: “в случае, если со мной что-то случится”, поскольку он знал, что все зависит от хрупкого основания – он продолжал поддерживать физическую форму. Меня пугали такие разговоры, потому что у меня была большая вера в его способности, и это не говоря о боевом искусстве. Он был успешным актером и начал развивать свои способности в написании сценариев и в качестве режиссера. У меня не было сомнений, что его карьера расширится в этих направлениях, если и когда он решит отказаться от экшн-ролей, которыми наслаждалась публика. Но он был прав, понимая, по крайней мере, на какое-то время, что его будущее зависит от физического совершенства.

Джеймс Коберн утверждает, что “ближе к концу жизни Брюс, казалось, нес на плечах огромное бремя...что-то изменилось. Ему доставалось со всех сторон... приходилось постоянно таскать с собой охранника”.

Фред Вейнтрауб знал Брюса в течение некоторого времени, еще до нашего переезда в Гонконг. Из воспоминаний Вейнтрауба: “Я знал Брюса как спокойного и отзывчивого человека. Помню, как-то на мой день рождения Брюс проделал путь аж до китайского квартала, чтобы купить мне набор нунчаку. Он показался мне интересным – все и впрямь восхищались его мастерством в боевых искусствах. Однако Линда была совершенно другой – спокойной, но твердой. Брюс тогда был действительно классным парнем”. Однако ближе к концу жизни Фред начал замечать огромные перемены в своем добром друге. “Брюс был без сомнения нервным, даже отчасти напуганным относительно «Выхода Дракона». Слишком многое было поставлено на карту – это был его первый крупный международный фильм. К тому же, само собой разумеется, что он находился на родной земле, и, на мой взгляд, хотел избежать впечатления, что ему небезразличны американцы, помогая им в ущерб своей этнической группе”. Поэтому ему приходилось разрываться. И в целом, он хотел, чтобы фильм был больше китайским, чем американским, что вполне объяснимо.

“По поводу разногласий между нами – ну, во-первых, ему было невозможно угодить сценарием” – объясняет Фред. “Он и автор сценария просто-напросто не встречались с глазу на глаз. Прошло две-три недели, прежде чем Брюс наконец появился на площадке. А тем временем я получаю истеричные телеграммы от Уорнер Бразерс: “где Брюс?” Поэтому я просто продолжал работать, и снял ряд сцен, хотя Брюс не был готов начать съемки. Я ежедневно твердил Уорнер Бразерс, что он появится на съемочной площадке – так как Линда уверяла меня, что в конце концов так и будет. В конце концов он появился на площадке. На мой взгляд, он сильно отличался от человека, которого я знал в Лос-Анджелесе. И в первый же день он ушел со съемочной площадки. Это произошло после его ссоры с Рэймондом Чоу. Предполагалось, что фильм станет совместным производством Конкорд (компания Брюса и Рэймонда), Секвойя (компания Вейнтрауба и Хеллера) и Уорнер Бразерс. Газеты называли этот фильм исключительно продуктом Голден Харвест, тогда Брюс позвонил Рэймонду Чоу, после чего удалился”.

Брюс позирует с двумя популярными гонконгскими ведущими

Джон Сэксон и режиссер Боб Клауз совещаются с Брюсом на съемках «Выхода Дракона»

Сцена из «Выхода Дракона»

Приехав домой, Брюс выразил мне свои искренние огорчения. Что для него имело существенное значение, так это сохранение высокого творческого контроля в период съемок «Выхода Дракона». Тот факт, что Рэймонд Чоу рекламировал фильм как продукт Голден Харвест, говорил о том, что у Рэймонда с первого же дня была цель встать у руля. В некотором смысле он испытывал Брюса, который, как оказалось, не был расположен уступать ни малейшей толики этого важнейшего вопроса. Так Брюс настоял на своем, и все уважали его за это. В конце концов это был его первый международный фильм, и в сущности под угрозой находилась карьера Брюса, а никак не Рэймонда.

“Думаю, он как бы находился в спячке в те первые несколько недель. Думаю, он был ужасно напуган” – настаивает Фред. “Теперь перед ним открывались большие возможности – очевидно, что он стал бы суперзвездой, если бы не умер в столь молодом возрасте, потому что он обладал той особенностью, которая есть у всех великих актеров – неким магнетизмом. На протяжении всего фильма Брюс общался только с двумя людьми – с Бобом Клаузом и Линдой. Я старался спасти проект сутобо на взаимоотношениях продюсера/актера.

“Он нервничал в первый день, когда мы приступили к съемкам. На лице были заметные мышечные подергивания. Боб сказал мне: “У него дергается лицо”. Первая сцена с его участием была простой, но чтобы ее снять, потребовалось 20 дублей. Однако, в конечном счете дело сдвинулось с мертвой точки, и Брюс начал работать с Бобом Клаузом, которого он уважал, это был настоящий профессионал во всех смыслах этого слова - поистине великолепный человек.

“Имели место достаточно нервные беспокойства, пока мы не приступили к съемкам. Уорнер Бразерс продолжали отсылать переписанные версии сценария к «Выходу Дракона» в надежде, что хоть один придется Брюсу по душе. И так, мы уже 12 дней работаем над фильмом, и тут приходит еще один сценарий из Голливуда. Я позвонил им и сказал: “С меня довольно – я возвращаюсь домой”. Потом позвонила Линда и сказала: “Завтра все будет хорошо”. Так и произошло.

“Для него это было непросто, и я не думаю, что кому-то есть что возразить на это. Это нельзя списать на эгоизм и подобные вещи. И вот среди них величайший мастер боевых искусств и актер, который подбирает актерский состав так, словно это отбор на олимпийские игры. Это был ответственный момент – все, за что он боролся, теперь было на кону. У меня создалось впечатление, что где-то по ходу дела в Соединенных Штатах Брюсу казалось, что он остается в стороне – что парни вроде Коберна и МакКуина считали его своим учителем, но никогда не видели в нем известного киноактера, и вдруг у него появилась возможность превзойти их всех. Он хотел доказать, что был прав. Что не был сумасшедшим.

На съемках «Выхода Дракона» Брюс высказывает свою точку зрения режиссеру Бобу Клаузу и продюсеру Фреду Вейнтраубу

“Не забывайте, что для китайца было огромной редкостью получать звездный гонорар в американском фильме. Все было поставлено на него. И в разгаре всего это были люди, говорившие о “заморских дьяволах” – было много китайской болтовни, в большой степени имели место антиамериканские настроения, а теперь эти “заморские дьяволы” вмешиваются в китайское искусство. Поэтому когда Брюс поранил руку, он счел это своего рода дурным знаменем”.

Брюс умер до официального релиза «Выхода Дракона». Фильм вышел за рамки первоначального бюджета, но увидев картину, Уорнер Бразерс поняли, что это шедевр, и выделили дополнительные 50 000 долларов на саундтрек и звуковые эффекты.

“Думаю, Брюс и понятия не имел, насколько успешной получится картина” – продолжает Фред. “Разумеется, это удивило Уорнер Бразерс. Думаю, «Выход Дракона» станет классическим фильмом, и не рекомендую показывать его по телевидению. Думаю, каждые три-четыре года этот фильм будет снова набирать популярность, поскольку Брюса больше нет с нами, и если хочешь его увидеть, ты должен посмотреть его фильмы. Вокруг него зарождается целый культ, и я думаю, он скорее станет еще масштабнее, чем угаснет. Он не устареет, как фильмы о Бонде, потому что фильмы Брюса не опираются на научные изобретения, которые со временем устаревают. Только подумайте, этот фильм побил все рекорды в Японии, традиционно считающейся худшим в мире рынком для китайских фильмов. Большая часть китайских фильмов – антияпонские, и все считали, что японцы

отплатят той же монетой, но они этого не сделали. Я считаю, что Брюс заработал бы миллион долларов чистого гонорара за следующую кинокартину. Он был настоящим динамитом. Он был “эксплуатационной звездой”², какими были в своей сфере Джон Уэйн, Клинт Иствуд и Кэри Грант. Он мог бы стать очень влиятельным. Тем не менее, Брюс был очень одиноким человеком, и всегда держал дистанцию - ты всегда находился на один шаг назад от встречи с настоящим Брюсом Ли, как ни странно именно это качество делает людей звездами. Я имею в виду всю ту напряженность, которая была частью его личности, она проявилась на экране. На мой взгляд, он мог бы создать прекрасный лирический фильм. Потому что у него был такой огромный потенциал. Это был всего лишь вопрос времени, когда его выпустить. Вне экрана он, конечно, снимал свою рубашку и демонстрировал свои мускулы и все такое – он демонстрировал удары и так далее, но в то время в Гонконге, ближе к концу жизни, он никогда не давал тебе как личность столько, сколько мог дать. Единственный раз, когда я видел его настоящим, на мой взгляд, это когда он играл со своими детьми. В этот момент все менялось, все становилось другим. И за исключением Линды в этом мире он не доверял никому. Линда была единственной, с кем он разговаривал, кому доверял и в ком чувствовал уверенность - она была для Брюса всем”.

² Термин «эксплуатация» в киноиндустрии обозначает рекламу, раскрутку или промоушн. Фильмы, которые называют эксплуатационными, привлекают зрителя в основном именно сенсационной рекламой и яркими постерами, а само качество фильма вторично, поскольку главное для продюсеров — привлечь зрителя. Темы подобных фильмов нередко связаны с сексом и насилием, но в то же время это совершенно не обязательное условие. Снимать такие фильмы экономически выгодно для продюсеров, поскольку при малых вложениях они и снимаются очень быстро, и быстро окупаются в прокате.

Брюс позирует в традиционном китайском костюме

Есть расхождения во мнениях относительно Брюса среди различных людей в описываемый период времени. Фред Вейнтрауб говорит, что Брюс отличался от того человека, которого он знал в Лос-Анджелесе, что он больше не был дружелюбным и держал других на расстоянии. Таки Кимура и Дэн Иносанто, среди прочих, высказывались, что Брюс был тем же верным и настоящим другом, каким они всегда его знали. Разумеется, правда, находится где-то посередине. Работа и условия жизни в Гонконге были далеки от идеальных, и с Брюсом происходило многое, что могло нарушить состояние его внутренней гармонии. У некоторых могло сложиться впечатление, что он закрывается от людей, но по-моему он использовал спокойные часы, когда не участвовал в съемках и не проводил демонстрации, чтобы восстановить душевное равновесие и перепланировать свою внутреннюю вселенную.

По характеру мы с Брюсом в какой-то мере сильно отличались. Я была инь для его ян, в сущности спокойнее и тише. Временами я могла уладить мелкие трудности, которые без конца вызывали у него состояние тревоги. Было в порядке вещей, что я время от времени решала его проблемы, чтобы он мог посвятить свое время работе. Мы были очень близки в годы борьбы, как пары, которые стремятся к этому, когда наступают тяжелые времена. Надо сказать, это были не лучшие времена, но мы были твердой силой.

Мне бы хотелось написать, что последние дни Брюса были самыми счастливыми, но, к сожалению, это было бы не совсем верно. Характер киноиндустрии часто выявляет в людях худшее. Когда на кону такие огромные суммы денег, это всегда сложное положение. Как и в любом деле, случаются столкновения личностей из-за темперамента и характера. В течение долгого времени, с первого фильма в Бангкоке Брюс и Ло Вэй, режиссер, не были в хороших отношениях. Брюс считал режиссера чересчур тщеславным и самолюбивым, человеком, который просто хочет использовать других. В один прекрасный день Брюс находился на студии Голден Харвест, обсуждая идеи «Игры Смерти» с Рэймондом Чоу, когда услышал, что Ло Вэй находится в просмотровом зале дальше по коридору. Для Брюса это имя было олицетворением практически всего, что было не так в китайских фильмах. Терпение Брюса ранее тем же днем лопнуло, и в сущности это была последняя капля, и он поспешил в просмотровый зал и громко сообщил Ло Вэю все, что думал о нем.

Удовлетворившись тем, что дал волю своим чувствам, он вернулся в офис Рэймонда Чоу. На данном этапе инцидент, казалось, был исчерпан, но затем появилась жена Ло Вэя и страсти снова начали накаляться. Как можно догадаться, к

этому времени вокруг собралась большая толпа. Госпожа Ло вернулась к своему мужу, оставив Брюса кипящим от гнева и беспокойства. При обычных обстоятельствах он бы быстро успокоился. Вместо этого он вернулся в просмотровый зал и изверг на Ло Вэя очередную порцию критики. Когда в гуще происходящего режиссер обвинил Брюса в том, что тот угрожал ему физической расправой, вызвали полицию. И как это обычно бывает, не успела приехать полиция, как набежала толпа репортеров. Ло Вэй настаивал на том, чтобы Брюс подписал документ, по которому он обязывался не причинять физический вред. Брюс, раздраженный и огорченный случившимся инцидентом, желая вытолкнуть репортеров на улицу, согласился его подписать. Позже он был готов ударить себя за подписание документа, который признавал его вину.

Брюс демонстрирует Джону Сэксону удар на съемках «Выхода Дракона»

У Брюса было предварительное соглашение о выступлении на гонконгском телевидении тем же вечером, и этот вопрос был поднят снова. В течение своей жизни Брюс никогда не боялся высказываться открыто и честно о том, что думал о людях и проблемах. Этот вечер не стал исключением, и в последующей дискуссии он не скрывал свое недовольство режиссером и его методами. В попытке продемонстрировать, насколько абсурдными были предположения об угрозе Ло Вэю физической расправой, Брюс решил продемонстрировать простой тычок в плечо на репортере, который был совсем не против. К сожалению, следующим утром газеты, по-прежнему в охоте за сенсацией, разрекламировали инцидент в газетных заголовках. Я рассказываю об этом случае с Ло Вэем как о примере всех инцидентов, которые захламляли жизнь Брюса. Сам инцидент по сути не был большой проблемой, но то, как его преподнесла пресса, несоизмеримо его раздуло. По моим наблюдениям за прессой, окружающей Брюса, они часто были помешанными в своем фанатизме продавать газеты, и правда заключалась в том, как и в случае с любой другой крупной звездой, самые ничтожные события часто попадали в газетные заголовки.

Эдриэн Маршалл: “Думаю, мы сталкивались с редким гневом Брюса как с частью творческого и артистичного темперамента. Я имею в виду, не думаю, что Брюсу нравилось злиться. Просто гнев был частью его сущности. В основном Брюс был очень вежливым человеком, хотя он никогда не решал проблемы при помощи кулаков. Он никому не давал себя одурачить и обмануть. И он проворачивал дела, которые бы не сделал ни один человек, у которого не было его обаяния. К примеру, он мог поставить тебя на место, и ты не чувствовал ни малейшей тени обиды. Он не хотел никого обидеть, и если только ты не дурак, ты не принимал его слова всерьез. Но если он временами и заставлял тебя пройти через это, он всегда хотел тебе помочь подняться снова – он хотел, чтобы ты получил какой-то опыт. Он бывало говорил: ‘Обрати камень преткновения в ступеньку’. Когда что-то шло не так или ты сталкивался с трудностями, он старался повернуть проблему скорее в позитивный характер, чем в негативный. “Это хорошо, потому что теперь ты понимаешь, что можешь преодолеть эту проблему, и я гарантирую, что ты это сможешь”. И в девяти случаях из десяти ты ее преодолевал. Заметьте, это не всегда работало у тебя, но всегда работало у него, но вне всякого сомнения это происходило потому, что у него был талант”.

Брюс разговаривает по телефону в своем офисе

Брэндон посещает торжественное мероприятие с отцом

Мир содрогнулся в полдень 10 мая 1973 года. Брюс работал на студии Голден Харвест, накладывая звук на окончательный вариант «Выхода Дракона». И хотя это был чрезвычайно жаркий и влажный день, требовалось выключить шумный кондиционер, чтобы предотвратить попадание постороннего шума на саундтрек. Брюс, несмотря на все усилия, предпринятые им, чтобы оставаться в хорошей физической форме, на этот раз был физически истощен и психически утомлен. И хотя люди, находившиеся рядом с ним, думали, что он выглядит необычайно усталым, с точки зрения энергии, израсходованной в его недавних боях в кино и интенсивной жары, они почти не обратили внимания на него, когда Брюс извинился и проследовал в близлежащую свободную уборную, где упал на пол. Позже он рассказал мне, что, насколько ему известно, он не терял сознание, поскольку помнит, как слышал приближающиеся шаги и начал шарить по полу, притворяясь, что обронил свои очки. Возвращаясь в аппаратную, он был почти у дверей, когда упал и потерял сознание. Затем его вырвало, и у него случился приступ судорог.

Один из работников аппаратной побежал в офис Рэймонда Чоу и оповестил его, что Брюсу плохо. Чоу попросил кого-нибудь вызвать врача и поспешил в аппаратную, где по его свидетельствам перед коллегией присяжных при коронере парой месяцев спустя, он обнаружил Брюса “имеющим затруднения дыхания. Он создавал громкий шум и его тело сотрясали конвульсии”. К этому времени одна из женщин в студии позвонила мне по телефону. “Брюсу плохо и его собираются отправить в больницу” - сказала она.

“Что случилось?” – спросила я с нетерпением.

“Ну, думаю, что это расстройство желудка” – ответила она.

Этот телефонный разговор не смахивал на критическую ситуацию. Для людей в Гонконге нет ничего необычного в том, чтобы ходить в больницу по сравнительно незначительным проблемам. И в особенности с таким человеком, как Брюс, если бы у него были малейшие медицинские отклонения, его бы тут же отправили в больницу. Я думала, самое худшее, что может быть это аппендицит, или может грыжа, которая у него была раньше. С этими мыслями я отправилась в больницу. Я не была готова к тому, что я увидела, приехав туда.

Когда я приехала в больницу, по словам доктора Лэнгфорда, Брюс “производил дыхательные шумы”, следом за которыми последовала серия конвульсий. Вызвали еще трех докторов, включая нейрохирурга доктора Питера Ву. У Брюса также была очень высокая температура, и все его тело было в поту. Вскоре он начал хватать ртом воздух, и каждый его вздох казался последним. То и дело его глаза открывались, но ни на чем не фокусировались. Я спросила доктора Лэнгфорда, все ли с ним будет в порядке. “Он очень плох” – ответил доктор.

На этом этапе доктор Лэнгфорд готовился сделать трахеотомию, если Брюс перестанет дышать. Конвульсии продолжились, и все его тело пришло в движение, руки Брюса доставляли докторам значительные проблемы, потому что как утверждал доктор Лэнгфорд, “он был очень силен, и его было сложно контролировать”. Когда у Брюса на какое-то время отсутствовала реакция на внешние раздражители, нейрохирург осмотрел его и высказал догадку, что с мозгом Брюса не все в порядке. “Мы дали ему наркотик (Маннитол), чтобы уменьшить увеличение объема мозга, который мы обнаружили” – сообщил доктор Лэнгфорд. На данном этапе доктора готовились к хирургическому вмешательству, если Маннитол не сработает, но через пару часов Брюс начал приходить в себя. “Это было весьма

драматично” – сообщил комитету доктор Лэнгфорд. “Первое время он мог лишь немного пошевелиться, затем открыл глаза, затем подал знак, но не мог говорить. Он узнал свою жену и показал знаками, что узнал ее, но говорить не мог. Позже он смог говорить, но его речь была невнятной, она отличалась от того, как он обычно говорил”. К тому времени, как его перевели в другую больницу, он уже мог вспоминать вслух о происшедшем и шутить. Доктор Ву сказал, что анализ крови показал вероятный отказ печени. На вопрос, могли ли подобные симптомы быть у человека, страдающего от чрезмерной работы и усталости, доктор Лэнгфорд ответил: “Нет”. Он также сказал, что Брюс, казалось, был при смерти. Брюса быстро перевели в больницу святой Терезы, где оборудование было лучше. Практически первыми словами, которые мне сказал Брюс, когда пришел в себя, что он в самом деле был очень близок к смерти, но все еще мог прилагать усилия и сказал себе: “Я буду бороться с этим, я справлюсь, я не сдамся”, потому что он знал, что если будет думать иначе, то умрет, но этот поворотный момент был неизбежен. Он любил песню: “И когда я умру”, особенно ту часть, где поется: “и если я обрету покой, умерев, то пусть время будет рядом”. Раз или два он говорил: “Может это единственное место, где я обрету покой”.

Джон Сэксон, который сыграл с ним в главной роли в «Выходе Дракона», говорит, что Брюс был очень потрясен своим приступом в мае и сказал ему: “Может быть, если у меня будут плохие анализы, то не будет больше Брюса Ли”. Когда я услышала эти слова от Брюса, это по-настоящему испугало меня. Через неделю мы вылетели в Лос-Анджелес, где группа врачей под руководством доктора Дэвида Рейсборда провела сцинтиграфию головного мозга и анализ мозговой жидкости, вместе с полным физическим анализом и электроэнцефалограммой. Они не обнаружили никаких отклонений в работе его мозга, фактически они не обнаружили ничего во всем его теле. В самом деле, они сказали ему, что у него тело 18-летнего.

По поводу раннего приступа 10 мая доктор Лэнгфорд сообщил мне, что Брюс страдал от отека головного мозга, то есть чрезмерного скопления жидкости в мозгу, и что позже он страдал от беспричинного приступа эпилепсии, то есть конвульсий по неустановленной причине. Стандартное лечение для этого - выпить лекарство, которое успокоит мозговую активность. Брюсу выписали наркотик Делантин, но по непонятной причине его следы не обнаружили в его теле после смерти. Должна сказать, что никто из членов семьи Брюса не страдал от эпилепсии, даже в мягкой форме, и что Брюс также никогда не страдал от нее. Доктора сказали мне, что конвульсии были похожи на эпилептический приступ, который мог быть вызван недостаточным содержанием сахара в крови, недостатком кислорода, уреимией, травмой мозга после аварии, опухолью головного мозга или менингитом. Однако при настоящей эпилепсии не наблюдается таких симптомов, она просто происходит, и хотя она очевидно говорит о том, что что-то не так с мозгом, что это “что-то” остается неизвестным. Доктор Рейсборд сказал мне, что Брюс никогда не страдал от эпилепсии. На самом деле очевидно, что он страдал от отека мозга, но что стало его причиной остается неизвестным. Будучи в Лос-Анджелесе Брюс согласился вернуться в Штаты в августе для участия в рекламной кампании в поддержку «Выхода Дракона» и появления в серии рекламных кампаний, включая шоу Джонни Карсона.

Мы вернулись в Гонконг с диагнозом “здоров” и новым запасом энергии. Брюс смотрел с оптимизмом в будущее и жаждал убить еще несколько драконов. А я не знала и даже не подозревала, что моему маленькому дракону осталось жить меньше трех месяцев. В это время Брюс решил, что мы вернемся жить в Соединен-

ные Штаты, где жизнь была легче и было больше возможностей. Он решил, что будет возвращаться дважды в год в Гонконг на съемки кинокартины, потому что там он сможет себе позволить контроль над созданием и необходимую степень свободы, чтобы сделать ставку на особые кинопроекты. Однако, прежде всего целое направление его жизни было направлено на улучшение качества работы. Он хотел обучать зрителей посредством своих фильмов. Он хотел, чтобы они поняли, что в боевых искусствах заложено намного большее, чем просто драки. В искреннем стремлении к главной цели он был достаточно проницателен, чтобы понимать, где и когда искать людей с высокими моральными качествами. Тэд Эшли, председатель комитета директоров Уорнер Бразерс, был его давним другом, поэтому еще до выхода на экраны «Выхода Дракона» Брюс написал ему следующее искреннее письмо:

“Тэд, в настоящее время мои предложения на создание фильмов достигли той точки, когда я могу гарантировать, что это одновременно удивит и шокирует тебя.

Если смотреть с точки зрения эффективного практического смысла, надеюсь, мы честны друг перед другом, и у нас взаимное доверие, я получил плохой опыт при создании картины с одним человеком или организацией в Гонконге. Другими словами, один раз я прогорел, и мне это не понравилось.

Без Брюса Ли, я уверен, что Уорнер Бразерс определенно и фактически не понесут потерь, и наоборот; поэтому, я искренне говорю, что думаю, что от одного человека до другого, практический бизнес или как его еще можно назвать, я искренне надеюсь, что во время этой встречи я найду искреннего и верного друга, Тэд Эшли.

Как друг, уверен, что ты согласишься со мной, в конце концов главное в кино это качество, чрезвычайно кропотливая работа и профессионализм.

Мой двадцатилетний опыт, как в боевых искусствах, так и в актерском мастерстве, очевидно привел к успешной гармонии целесообразности артистизма и искреннего, эффектного, художественного выражения. Короче говоря, это так и никто не знает этого так, как знаю я. Прости меня за прямоту, но таков уж я!

При таких обстоятельствах я искренне надеюсь, что ты обнаружишь в себе искренность и станешь абсолютно открытым и прямым в наших сделках. Благодаря нашей дружбе я приостановил накопительство, вроде десяти предложений от голодных продюсеров, возлагая надежды на эту встречу. Видишь ли, Тэд, моя одержимость в том, прости за выражение, чтобы сделать лучший фильм из когда-либо выходивших на экране.

В заключении я отдаю тебе свое сердце, но, пожалуйста, не отдавай мне только свою голову; в свою очередь я, Брюс Ли, всегда буду чувствовать глубокую признательность за степень твоего участия”.

Брюс не видел большого будущего у фильмов о кунг-фу. На самом деле он предсказывал, что их популярность угаснет через три года. В отношении собственной карьеры он уже начал заниматься, и весьма успешно, написанием сценариев, продюсированием и режиссированием, и намеревался полностью продолжить развивать эти направления. Однако в этот момент, ожидая релиза «Выхода Дракона», он работал над сценарием «Игры Смерти» и рассматривал поток других предложений. Временами я пыталась уговорить его немного сбавить обороты, но он обрывал меня на полуслове, говоря: “Самый большой вред для расслабления

это сказать: я должен расслабиться”. Не думаю, что он бы счел правильным взять отпуск и съездить отдохнуть куда-нибудь или что-то вроде того. На самом деле, думаю, было бесполезно и пытаться его уговорить.

К этому времени он был убежден, что отдыхает, когда работает, и думаю, что его мозг мог быть занят чем-то другим в то же время. Знаю, что Джон Сэксон сказал, что был слишком занят работой, чтобы наслаждаться видом того, как жизнь Брюса просто “раскручивается по спирали”. Он находился в таком вихре деятельности, что цели, которые он первоначально ставил, чтобы достигнуть, очень скоро заменялись еще более высокими целями. Брюс сделал два противоречивых заявления в последние месяцы жизни: “нет пределов, нет видимого конца в том, как далеко я смогу продвинуться в своих знаниях по киноискусству и в боевых искусствах”. В то же время он сказал мне: “Не знаю, как долго я смогу все это продолжать”. Напряженное давление и смены настроения безусловно имели место. Я знала о безграничности трудностей своего мужа и делала все, что было в моих силах, чтобы поддержать его. Это было время перемен для Брюса и нашего образа жизни, но, как он часто говорил мне: “меняться с изменением это состояние, лишённое изменений”, под этим он подразумевал, что ритм жизни не может быть нарушен, если он будет идти в ногу с изменениями, происходящими вокруг него.

И наконец слова Чжуна Ри: "Брюс был победителем"

Время было около полудня 20 июля 1973 года, и я готовилась выйти из нашего дома в Коулуне, чтобы пообедать с подружкой. Брюс находился в своем кабинете, самой важной комнате в доме. Именно здесь располагалась его роскошная библиотека, насчитывавшая несколько тысяч книг по всем мыслимым аспектам контактного боя, древнего и современного, а также по различным видам оружия, физической подготовке, спорту, производству фильмов, восточной и западной философии. Брюс практически жил в своем кабинете, и часто до глубокой ночи оставался в нем работать за своим столом. Через окно балкона он мог видеть наш сад, разбитый в японском стиле, вместе с прудом с золотыми рыбками и небольшим раскинутым через него мостиком, под которым был искусственный ручей, проходивший меж деревьев и корейской травы. По гонконгским стандартам у нас был роскошный дом: огромный дом с обширными угодьями, окруженный восьмифутовой каменной стеной и огромными воротами из кованого железа у главного входа. Нам посчастливилось найти подходящую жилищную собственность. Брюсу было тяжело жить в небольшой квартире на Ватерлоо Хилл, потому что он не мог иметь отдельный кабинет, библиотеку и хранить оборудование для тренировок. Это было все равно, что жить в перенаселенном городе, и это не говоря о шуме ежедневных разговоров и постоянном треске игральные костей маджонга по ночам.

Брюс рассказал мне, что Рэймонд Чоу должен был приехать в полдень, чтобы обсудить идеи по сценарию к «Игре Смерти», и что они скорее всего позже пообедают с Джорджем Лезенби, актером, который сыграл роль Джеймса Бонда в промежутке между Шоном Коннери и Роджером Муром. Рэймонд рассчитывал, что Лезенби сыграет в фильме одну из главных ролей. Брюс как обычно был весь в работе, когда я уходила из дома. Как оказалось, это был мой последний разговор с мужем.

Рэймонд Чоу приехал около двух часов дня, и они вместе с Брюсом работали примерно до четырех часов. После этого они поехали домой к Бетти Тинг-пей, актрисе из Тайваня, которая также должна была сыграть в фильме главную роль.

В квартиру Бетти Брюс пришел в обычном состоянии. Они вместе начали обсуждать сценарий, прорабатывая детали. Затем Рэймонд ушел, чтобы подготовиться к обеденной встрече с Джорджем Лезенби. Вскоре Брюс пожаловался на головную боль, и Бетти дала ему таблетку Экваджезика – что-то вроде супер-аспирина, который прописал ей ее личный доктор. Не считая этого, Брюс не выпил ничего кроме пары легких напитков. Около 7:30 вечера Брюс сказал, что нехорошо себя чувствует, и пошел прилечь в спальню, и все еще спал, когда позвонил Рэймонд, чтобы узнать, почему они опаздывают на обед. Бетти сказала, что не смогла разбудить Брюса.

Рэймонд вернулся в ее квартиру. Насколько мог сказать Рэймонд, Брюс все еще спал, и Рэймонд не заметил ничего необычного. Он приказал Бетти вызвать доктора, который тут же приехал и также обнаружил Брюса спокойно лежащим на постели. Позже доктор свидетельствовал, что десять минут пытался оживить Брюса, а затем направил его в больницу Квин Элизабет.

Я вернулась домой около четырех часов дня и провела вечер за упражнениями и телевизором в кабинете Брюса с двумя нашими детьми, Брэндоном и Шэннон. Помню, как мне показалось странным, что Брюс не позвонил, и хотя он сказал мне, что скорее всего будет на обеде, обычно он всегда звонил, чтобы подтвердить договоренность. Вместо этого около 10 часов вечера мне позвонил Рэймонд Чоу. В его голосе чувствовались нотки тревоги.

“Не могла бы ты прямо сейчас приехать в больницу Куин Элизабет, Линда? Брюс уже на пути туда – в машине скорой помощи”.

“Что стряслось?” – настаивала я.

“Я не знаю – что-то похожее на тот последний раз”.

Я тут же разволновалась. Воспоминания о приступе Брюса 10 мая еще были свежи у меня в мозгу.

Я приехала в больницу где-то за 15 минут до скорой, и поначалу у меня было ощущение, что произошла какая-то ошибка. Когда я спросила о Брюсе, человек за столом предположил: “Должно быть кто-то пошутил – мы об этом ничего не знаем”. Это не прозвучало как нечто совершенно невероятное, потому что много необычных событий случалось в нашей жизни в Гонконге. Я думала, что слышу по телефону голос Рэймонда, но возможно меня одурачили. Через несколько секунд я звонила домой, где ни секунду не сомневаясь, ожидала застать Брюса, недоумевавшего, куда это я запропастилась. И тут приехала скорая. Брюс, очевидно, был без сознания, но я не могла понять, что с ним, потому что вокруг него толпились доктора. Его отправили в отделение интенсивной терапии, где бригада врачей начала ему делать массаж сердца. Мне никогда не приходило в голову, что он может умереть, не говоря о том, что он уже мог быть мертв.

В последние месяцы Брюс неоднократно заговаривал о смерти. Он был убежден, что не доживет до старости, более того, он и не хотел. В последние дни он часто говорил, что ненавидит одну только мысль стать старым и дряхлым. “Я не проживу столько же, сколько ты” – как-то сказал он мне. “Почему ты так решил?” – спросила я. “У тебя намного больше здоровья, чем у меня, и слава Богу, ты нахо-

дишься в лучшем состоянии”. “Точно не знаю. Факт в том, что я не знаю, как долго я смогу это продолжать”. В тот момент у него было не лучшее расположение духа, одно из множества настроений в его жизни.

И вот теперь, уже второй раз за три месяца, я оказалась в пустом отделении интенсивной терапии, наблюдая, как бригада врачей трудится над моим мужем. Что странно, у меня почти не было никаких эмоций. Полагаю, что я просто онемела от шока. Горе, отчаяние и чувство потери - все это пришло чуть позже. Кроме того, я считала, что Брюс просто находится без сознания, потому что никто не сказал мне, что он уже мертв. Через минуту или около того они вдруг повезли Брюса наверх и нам всем пришлось бежать по коридору в реанимационное отделение. Здесь они ввели наркотики прямо в сердце Брюса и применили электрошок. Кто-то пытался оттащить меня, говоря: “Не думаю, что вы хотите это видеть”, но я вырвалась и заявила: “Оставьте меня в покое – я хочу знать, что здесь происходит”. И тут я заметила, что прибор, делающий электрокардиограмму сердцебиения Брюса, показывает “изолинию”, что означало, что сердце Брюса перестало биться.

Внезапно я поняла, что случилось. Тем не менее, я по-прежнему отказывалась поверить в невероятное. Я была убеждена, что Брюс все сможет преодолеть. В нем было столько жизни и жизненной силы, столько внутренней энергии. И у него был такой потрясающий контроль над разумом и телом. В течение своей жизни он выбирался из стольких неприятных ситуаций и столько выдерживал. Я просто не могла принять идею, что он не сможет выжить как тогда, 10 мая. Когда я спросила доктора, я не использовала слово “мертв”. У меня бы язык не повернулся употребить это слово к Брюсу. Вместо этого я спросила: “Он жив?”, доктор отрицательно покачал головой. Когда доктора ушли, часть Брюса осталась с ним, чтобы убедить меня, что я больше ничего не могла сделать. Именно в этот момент, когда его жизненная энергия только-только угасла, я ощутила невероятный приток силы в своем теле и душе. Помню, как Рэймонд Чоу звонил по телефону своей жене, прося приехать и забрать нас оттуда. Помню, как руководитель медицинской группы спросил меня, требуется ли провести вскрытие, и я ответила ему: “Да, я хочу знать, почему он умер”. Помню вспышки камер фотографов и как репортеры ломались в больницу. Никакой паники и отчаяния. Решимость и храбрость Брюса передались мне. В один миг я поняла, что у меня впереди и как я должна действовать наилучшим возможным образом для Брюса, Брэндона и Шэннон.

Разумеется, как только новости о смерти Брюса сенсацией, Гонконгская пресса просто взбесилась. Могу понять их экстаз. Смерть любой суперзвезды всегда вызывает интерес. Будь он человеком с дурными привычками, погибни он как Джеймс Дин в автокатастрофе, полагаю, даже тогда было бы много слухов. Но когда человек с поразительной жизненной силой, энергией и идеальной физической формой вдруг уходит из жизни, подобно задутой свече, молодым в возрасте 32 лет, то возможно людей не стоило винить в том, что они высказывали свои предположения. На следующий после смерти Брюса день Рэймонд Чоу появился на гонконгском телевидении, чтобы рассказать об этом. Отчасти возникшая в результате неразбериха была моей виной. Рэймонд спросил, не возражаю ли я, если он скажет, что Брюс умер дома, а не дома у Бетти. Я сказала, что это не имеет для меня значения - он мог говорить то, что считал нужным. Мы оба понимали, что заголовки могли быть более крупными и сенсационными, если бы пресса связала имя Брюса с именем Бетти.

Но на самом деле меня это не волновало тогда, не волнует и сейчас – это просто не кажется мне таким уж важным. В то время я была занята организацией

похорон и мыслями о детях. Рэймонд не сказал конкретно, что Брюс умер дома, но намекнул на это.

Когда пресса узнала правду, у многих создалось ощущение, что Рэймонд лгал. А если он лгал, то зачем? В результате самые нелепые теории и слухи начали витать во всех направлениях. Публикация отчета о вскрытии не помогла уменьшить сенсацию от смерти Брюса. Следы каннабиса или марихуаны были обнаружены в желудке Брюса. Газеты мгновенно налегли на идею, что Брюс был наркоманом и принимал наркотики для повышения своих невероятных умений. Как резкий контраст все медицинские свидетельства указывали на то, что невозможно, чтобы каннабис стал причиной его смерти. Один доктор сообщил, что каннабис имел такое же значение, как если бы Брюс выпил чашку чая. Повышенная забота была уделена тому, чтобы выявить истинную причину смерти Брюса. Доктора криминалистического отделения гонконгской правительственной лаборатории изучили содержимое желудка Брюса и внутренние органы и другие образцы были отправлены в Австралию и Новую Зеландию. Единственным посторонним веществом, найденным в органах Брюса, был Экваджезик. Доктор Р.Р. Лисетт из больницы Куин Элизабет считал причиной смерти Брюса сверхчувствительность к одному или нескольким компонентам, содержащимся в таблетке Экваджезика. У некоторых людей, к примеру, аллергия на пенициллин, и предположение, что Брюс, с химической точки зрения, был сверхчувствителен к этим компонентам. Доктор Лисетт также сообщил, что он провел анализ черепа Брюса и не обнаружил на нем никаких повреждений.

Тем не менее, мозг Брюса “разбух как губка”. Он весил 1575 граммов в отличие от нормальных 1400 граммов. Но причиной не могла стать кровоизлияние в мозг, потому что ни один сосуд мозга не был закупорен или нарушен. Доктор Лисетт сказал, что набухание мозга могло длиться полминуты или полдня.

Теория о каннабисе была решительно отвергнута профессором Р.Д.Тиром, профессором судебной медицины из лондонского университета - главного эксперта по этому делу. Он провел более 90 000 вскрытий и заявил, что считать причиной смерти каннабис было бы неразумно. Он пришел к заключению, что отек произошел из-за сверхчувствительности либо к мепробамату, либо к аспирину, или сочетанию того и другого - они оба присутствуют в Экваджемике. Как бы странно это ни выглядело, учитывая, что подобные случаи весьма редки, это было единственное возможное объяснение. Эта точка зрения была принята судебной коллегией, и вновь было постановлено заключение "несчастный случай". После вынесенного заключения репортеры набросились на меня, желая знать, удовлетворена ли я решением коллегии. Я могла лишь ответить: "Это ничего не меняет, разве нет?"

У Брюса было две похоронных церемонии, одна в Гонконге, другая в Сиэтле, где он покоится и поныне. Первая предназначалась для его друзей и поклонников в Гонконге, вторая для близких людей.

Я решила, что Брюс захотел бы быть похороненным в китайском костюме, который носил в «Выходе Дракона». Он часто носил его дома, просто потому что он был очень удобным. Я пришла на похороны Коулун Фьюнерал Парлор, облаченная в белое, китайский цвет траура. Гроба не было до начала церемонии, но каждый человек, входящий в комнату, подходил к некому алтарю, где фотография Брюса была украшена лентами и цветами, а сверху располагалась табличка на китайском: "Звезда утопает в море искусства". Перед его фотографией также горели три длинных ароматические палочки и две свечи. После этого каждый гость трижды кланялся, затем он или она отходили и занимали место в главном зале. Когда Брэндон и Шэннон приехали, одетые в брезентовую робу и белые чепчики, мы сели на подушки на полу. Китайский оркестр заиграл традиционную китайскую похоронную песню, напоминающую "Auld Lang Syne". Кроме многочисленных родственников на церемонии также присутствовали десятки его близких друзей и известные звезды и люди из мира кино. Насколько может охватить взор, улицы и многоэтажные балконы и крыши домов были битком набиты людьми. Позже я услышала, что количество людей, получивших травмы в толкучке и давке приблизительно составило 25 000. Наконец гроб с телом Брюса внесли в комнату и поставили рядом с алтарем. Люди проходили мимо открытого гроба, чтобы увидеть его в последний раз. Тело Брюса было закрыто стеклом, чтобы к нему никто не мог прикоснуться.

*Похороны Брюса в Гонконге прошли по буддистским обычаям.
На этом фото я одета в традиционное белое траурное платье*

Моя подруга Ребу Хуи, 1988

Я решила похоронить Брюса в мире и спокойствии Сиэтла, где так часто идет легкий дождик, который он так любил, а вокруг много озер, гор и деревьев. Думаю, что наши лучшие времена прошли в Сиэтле, и намеревалась вернуться туда с детьми. Я также была обеспокоена тем, что политическое будущее Гонконга неопределенно, и решила, что может наступить день, когда я не смогу прийти к нему на могилу. Кроме того, большая часть его близких родственников теперь проживает в Соединенных Штатах.

Через несколько дней после смерти Брюса я вернулась в Сиэтл с его телом. Меня сопровождала моя подруга Ребу Хуи. Благодаря ей я находилась в здравом уме, и не знаю, что бы я делала, если бы не она. В самолете я тут же уснула, и спала как будто потеряла сознание - мой мозг в конце концов отключился. Ребу

присматривала за детьми в самолете во время пребывания в Сиэтле, и немало раз после. Она была взрослой не по годам. В то время мне было всего 28 лет, Ребу - 22.

К сожалению, при перелете гроб повредился. Каким-то образом в него проникла влага, потому что когда мы прилетели в Сиэтл, обнаружилось, что белый шелк окрасился в синий цвет костюма Брюса, которым был обит гроб, и нам пришлось заменить его. По китайской традиции это означало, что его дух не обретет покоя – остались незавершенные дела.

Похороны в Сиэтле были более простой и спокойной церемонией. На нее пришли несколько сотен приглашенных друзей и родственников. Музыка была нетрадиционной, и состояла из современных песен, которые любил Брюс, включая “И когда я умру”. Никогда не могу слушать эту песню, не вспоминая похороны, и последнюю строчку, в которой говорится: “когда я умру, родится еще один ребенок (в данном случае двое), которого придется воспитать”. Гроб покрывали белые, желтые и красные цветы, образуя символ инь-ян. Среди тех, кто нес гроб, были Стив МакКуин, Джин Коберн, Дэн Иносанто, Таки Кимура, Питер Чин и брат Брюса Роберт.

Брюса похоронили на кладбище Лейк Вью, с видом на безмятежные воды озера Вашингтон, которое он хорошо знал и любил. На похоронах я сказала, что Брюс смотрел на смерть так: “Душа человека – это эмбрион в теле человека. День смерти это день пробуждения. Душа продолжает жить”. Я также добавила, что “в день нашего пробуждения мы встретимся с ним вновь”. Таки сказал, что Брюс “наполнял лучшим других”. Тед Эшли с сожалением говорил о том, чего еще Брюс мог добиться.

Наконец, на кладбище Джеймс Коберн сказал последние слова: “Прощай, брат. Было честью проводить время вместе с тобой. Как друг и учитель ты соединил воедино мою физическую, духовную и психологическую сущность. Спасибо тебе. Да придёт мир с тобой”. Затем он бросил в открытую могилу белые перчатки, в которых нес гроб, и остальные последовали его примеру.

Я еще раз вернулась в Гонконг за заключением коллегии врачей. Меня убеждала версия о том, что он умер от сверхчувствительности к сочетанию ингредиентов, содержащихся в Экваджезике. Я слышала фантастические теории и слышала множась слухи. Чем пристальнее ты анализировал эти идеи, тем более нелепыми они казались. Они варьировались от предположений, что Ран Ран Шоу убил Брюса до предположений, что Рэймонд Чоу был организатором убийства. Правда заключалась в том, что гонконгцы потеряли великого героя и отказывались принять реальность, что их супергерой мог умереть так же легко, как и любой другой смертный. После невероятного потока слухов, контр-слухов и шокирующих утверждений я публично обратилась к гонконгцам и миру с просьбой оставить его в покое. “Единственно важная вещь заключается в том, что Брюса больше нет, и он не вернется. Он живет в нашей памяти и посредством своих фильмов. Пожалуйста, помните его за его гений, искусство и магию, которую он привнес в каждого из нас. Я обращаюсь ко всем вам, пожалуйста, дайте ему упокоиться с миром и не берите его душу”. К сожалению, никто, казалось, не слушал меня. Я провела шесть недель в Гонконге, посетив следствие и сделав приготовления, чтобы перевезти мебель из дома, и к октябрю я была полностью готова вернуться в Америку. Я перенесла все эти испытания в состоянии полуоцепенения. Теперь я мечтала о том, как уеду из Гонконга, прочь от публичности и слухов, прочь от невозможной ситуации, прочь от места, где я даже не могла выйти из дома.

Я думала о том, как я вернусь в Сиэтл к детям, которые находились с моей сестрой, о том, как смириться с жизнью без Брюса. В течение шести недель меня окружали друзья, родственники Брюса, и они облегчили мою жизнь, насколько это было возможно. Моя подруга Ребу Хуи сидела со мной допоздна до отъезда из Гонконга. Как я уже сказала, эти последние несколько месяцев я жила в состоянии полу-шока, полу-оцепенения. Я старалась делать то, что должна была, как будто находилась в абсолютно нормальном состоянии, и все было под контролем. Я старалась продолжать жить, как бы хотел этого Брюс. В то время и даже сейчас, спустя 15 лет после смерти Брюса, я ясно вспоминаю ощущение силы, которое испытала в те первые недели. Ни до, ни после я никогда не ощущала такой концентрации сверхъестественных сил. Это было чувство необходимости сделать то, что было необходимо для Брюса и наших детей. Я не приписывала это ощущение силы своим внутренним ресурсам, скорее к свету, который продолжал исходить от связи между мной и Брюсом. Брюс так часто полагался на меня в течение нашей совместной жизни, и я была решительно настроена продолжать в том же духе. И лишь сев на самолет в гонконгском аэропорту, который увез меня обратно в Америку и новая глава в моей жизни, полное осознание случившегося вдруг достигло своей цели.

Памятник Брюса на кладбище Лэйквью в Сиэтле. Вашингтон

Все нахлынуло, когда отпало оцепенение, мне будто нанесли парализующий удар, и я чувствовала только землю, уходящую из-под ног и обжигающие слезы, что текли по моим щекам. Тогда я вспомнила строки древней китайской поэтессы Цзы Е (265-419 н.э.), стихотворение которой перевел Брюс:

Юноша,

Цени каждую минуту

Своей жизни

Пролетают дни,

И не заметишь,

Как тоже постареешь

Если не веришь, взгляни во двор

На траве, что прежде зеленой была,

Блестит холодный иней

Разве ты не видишь,

Что мы оба ветви одного дерева?

Вместе с твоей радостью

Наступает мой смех

Когда ты печалишься,

У меня на глазах выступают слезы

Любовь...

Могла ли жизнь

Сложиться иначе для тебя и меня?

Брюс однажды сказал: “Нет большего удовольствия, чем слышать, как очередной человек с беспристрастной точкой зрения, у которого дрогнуло сердце от моего фильма, искренне говорит мне: ‘Эй, а ведь это по-настоящему!’ Мне бы понравилось! На примере своей жизни, могу сказать, если к чему и следует стремиться, так это быть настоящим, выполнить свою миссию, и прежде всего, реализовать свой потенциал вместо того, чтоб растрачивать свой имидж, что не имеет отношения к тому, чтобы быть настоящим и лишь расходует жизненную энергию”. Несомненно, Брюс Ли был невероятно “настоящим” человеком, и всегда будет занимать самое важное и нежное место в моем сердце.

Даже будучи ребенком у меня была инстинктивная жажда к продвижению и росту. Для меня основная функция и обязанность специалиста это искреннее и честное развитие его потенциала – Брюс Ли

С незначительными исключениями никто из нас не плывет по течению жизни, не сталкиваясь с потерей близких друзей и возлюбленных. Реальность смерти всегда не проста, если не сказать больше, и часто эмоциональные шрамы остаются в нашей душе на долгие годы. У иных вся жизнь сопровождается душевной болью.

Бесспорно, за годы, последовавшие смерти Брюса, я пережила значительное эмоциональное потрясение, как и оба наших ребенка. В начале меня переполнял гнев, зачастую злость на инстинктивном уровне. Для человека, который усердно трудился многие годы, достигнув некоторые очень ценные и значимые цели, которые так много значили для стольких людей, уход из жизни в расцвете сил, ни поддавался какому-то объяснению, ни казался справедливым. Не считая философских, даже теологических аспектов – этих далеких закоулков материи по отношению к самому значению жизни, которые мучают нас всех и часто не приводят абсолютно никуда – был в смерти Брюса более практический аспект, и он заключался в том, что мои дети и я сильно скучали по нему и хотели, чтобы он был рядом. Нам нужно было слышать его смех, чтобы нас оживляла его невероятная энергия, но больше всего мы нуждались в его ежедневной мудрости и участии.

Мои дети и я были не одиноки в этой потребности, поскольку ее разделяли тысячи поклонников и приятелей Брюса в боевых искусствах, и в каком-то смысле я также несла ответственность за их скорбь, которая временами способствовала дальнейшему усугублению моих душевных мук. Мы все были раздражены, и в определенный период времени мы были в той или иной степени потеряны. Поскольку как часто говорил Брюс: “Хороший учитель – это своеобразный проводник истины, который выявляет уязвимости своего ученика, заставляя его изучать себя как внешне, так и внутренне, и в конечном счете становится с ним одним целым”. За 32-летний период жизни Брюса этот вопрос даже не ставился, потому что он фактически стал с собой единым целым. С точки зрения духовного роста, чего еще мог бы добиться любой из нас?

У меня ушло практически добрых 15 лет, чтобы понять, что смерть Брюса не была абсолютно напрасной, и хотя у меня тоже бывают не лучшие дни, по большей части я смирилась со смертью своего мужа и теперь обрела покой. В реальности смерть Брюса способствовала моей собственной уязвимости, и в результате я также вынуждена была исследовать себя своими силами. Вероятно, ключевое слово здесь “вынуждена”. Я была не одинока в своих блужданиях. За многие годы я получила тысячи писем от приятелей Брюса из мира боевых искусств и близких друзей, которые были вынуждены, в отсутствие Брюса, блуждать подобным образом, в стремлении найти собственную реальность, обрести свою сущность. В результате их личностный рост и достижения по большей части были одновременно и замечательными и поразительными. Безусловно, никто из нас не знал наверняка, но этот вопрос навсегда останется без ответа: “Блуждали ли бы мы в этих необычных и особых направлениях, будь Брюс жив?” Видимо, по той же причине тот же вопрос много лет назад мне задал чернокожий джентльмен отно-

сительно смерти Мартина Лютера Кинга. Не успела я ответить, как он улыбнулся и сказал: “Мы должны верить. Мы не Боги”.

За период своего личностного роста я уверовала, что Брюс пришел в этот мир с очень четкой целью, и как только достиг эту цель, он покинул нас по весьма понятной причине. Вероятно, если я на пару страниц углублюсь в подробности по этому вопросу, это поможет успокоить многих из тех, кто продолжает испытывать трудности, связанные со смертью моего мужа.

Я не верю, что то, что Брюс родился в семье шоумена, это чистая случайность, и что в результате он и вправду стал детской кинозвездой. Разумеется, можно сказать, что Брюс был не единственным ребенком в семье Натан Роуд, тогда почему именно Брюс? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно лишь вспомнить слова, которые Брюс сказал в очень ранний период своей жизни: “Сколько себя помню, я чувствовал огромную творческую и духовную силу, которая намного больше, чем вера, честолюбие, уверенность, решимость, проницательность. Все это вместе взятое. Мой разум становится словно загипнотизированным этой доминирующей силой, которая находится в моих руках”. Сила, о которой упоминал Брюс, была “творческой и духовной силой”. Вспоминая жизнь Брюса, очевидно, что он неизбежно выражал свою чрезвычайную креативность посредством кинофильмов, тогда как наиболее значимому духовному росту было суждено укорениться в основах китайского кунг-фу.

Я считаю, что именно провидение в конце концов привело Брюса к профессору Ип Ману. Будь Брюс прилежным учеником и религиозным человеком, вместо того, чтобы быть неким подобием малолетнего преступника, маловероятно, чтобы его жизнь стала развиваться в том русле, в котором это и произошло в будущем. И поэтому вероятно ему было необходимо драться на улицах Гонконга, ведь если бы он не подумал, что ему необходимо научиться, как себя защищать, практически невероятно, чтобы он взялся за изучение боевых искусств.

Как я утверждала ранее, профессор Ип Ман обучил его много большему, чем просто физическим аспектам кунг-фу. В сущности, за пять лет Брюс стал настоящим мастером боевых искусств, изучив духовный аспект искусства вместе с философскими доктринами Дальнего Востока. Я также считаю, что это очень необходимый элемент развития Брюса, поскольку уже он один обозначил его как уникального мастера боевых искусств. Имеет огромную важность в дальнейшем понимании течения жизни Брюса и осознание того, что Брюс как мастер боевых искусств не был таким уж особенным в Гонконге. Хотя он бесспорно был замечательным учеником, переломный момент в том, что он был не одинок. Тем не менее, как резкий контраст, с самого начала, еще до его приезда в Соединенные Штаты было ясно, что он был уникальным. Как однажды заявил Эд Паркер: “Брюс был один на два миллиона”. Останься Брюс в Гонконге, и он вероятнее всего продолжил бы тренироваться у Ип Мана в течение многих лет и вероятно стал бы старшим инструктором, но для того, чтобы осознать свою уникальность, с высоты прошедших лет очевидно, что ему было просто необходимо совершить путешествие в Соединенные Штаты. Это также было предначертано в день его рождения, когда мама дала ему имя его Ли Чжун Фан (вернись снова).

Вскоре после своего прибытия в Соединенные Штаты Брюс написал: “Я чувствую это огромную силу, эту неиспользованную энергию, эту внутреннюю динамику. Это чувство не поддается описанию, и у меня нет опыта, с которым его можно сравнить. Оно похоже на сильное чувство в сочетании с верой, но гораздо сильнее”. Брюс, конечно, далеко не первый человек в истории, который описывает

подобные глубокие внутренние ощущения. До него было немало похожих людей, и без сомнения будет еще много подобных. Что важно, так это, что Брюс, который к тому времени достиг 18-летнего возраста, был пронизательно осведомлен об этой невероятной внутренней силе и был решительно настроен не использовать ее во вред. Он понял, что в его жизни есть огромная цель, даже притом, что в то время он не мог ее четко представить. Тем не менее, после значительных размышлений он вскоре напишет: “Даже будучи ребенком у меня была инстинктивная жажда к продвижению и росту. Для меня основная функция и обязанность специалиста это искреннее и честное развитие его потенциала”. Когда он писал эти слова, Брюс не мог ощутить, какое будущее у него впереди, о невероятных высотах, к которым он поднимется – что он станет своего рода мессией для своего народа – человеком, которого боготворили в Гонконге и юго-восточной Азии как воплощение всех героических качеств китайцев и других азиатов.

Когда я встретила Брюса, его самой большой любовью бесспорно было китаяское искусство кунг-фу, и он искренне верил, что большая часть цели его жизни заключалась в том, чтобы посеять семена своего обожаемого искусства на территории Соединенных Штатов. Преследуя эту достойную восхищения цель, Брюс имел четкое представление о том, как осуществить это масштабное предприятие, и о том, как он собирался сочетать свои мечты и цели с успехом, который появился бы на его пути, с соответствующими основами кунг-фу. И хотя Брюс не понимал этого в то время, его мечты были слишком скромны. По скорому велению судьбы, это несомненно было его искусство. В сущности, он довольно долго почивал на лаврах. Ему требовался значительно больший рост. Примерно в то же время состоялся его бой с мнимым специалистом по кунг-фу. И хотя Брюс победил со сравнительной легкостью, тот факт, что бой длился слишком долго, заставил его задаться вопросом о своем личном самовыражении в кунг-фу, что в конечном итоге привело к пониманию того, что не только вин-чунь ставит большие ограничения, но что и он сам находится не в лучшей физической форме.

Так, примерно в то же время зародились первые ростки личного подхода Брюса к боевым искусствам. Это также была необходимая ступенька на пути, по которому он шел, и в результате, он отказался от идеи открытия сети филиалов кунг-фу. Проблема была относительно проста. В конце концов Брюс мог предложить намного больше, чем физические техники боевых искусств, и вскоре он понял, что у него нет необходимой силы инструкторов, чтобы обучать основам столь большие массы людей, и никогда бы этого не сделал. Таким образом, путешествие в этот момент наткнулось на кирпичную стену.

Каким-то образом, более значимое средство заявило о своем присутствии. Этим событием стал международный турнир Эда Паркера по каратэ на Лонг-Бич, состоявшийся в августе 1964-го, где Брюс провел свою первую демонстрацию китаяского кунг-фу. Сегодня это выступление остается классикой, и необработанная запись его на 8-мм камеру, считается бесценной. Разумеется, теперь это уже история боевых искусств, что выступление Брюса на Лонг-Бич способствовало его получению роли в «Зеленом Шершне». Кирпичная стена рухнула. Теперь у Брюса было средство, с помощью которого он мог демонстрировать огромной телевизионной аудитории свой невероятный талант, по крайней мере, его физический аспект. И хотя в то время и Брюс и я были опечалены отменой сериала, я понимаю, что хотя «Зеленый Шершень» имел оглушительный успех, даже до степени централизованного распределения, по всей вероятности гений Брюса в конце концов был бы “пережеван”, о чем мудро и регулярно предупреждал Джим Коберн. Довольно забавно, что повторный запуск «Зеленого Шершня» посеял ростки

звездности Брюса в Гонконге, хотя он не имел об этом никакого представления, пока однажды не совершил поездку в Гонконг, где на улице вокруг него образовалась толпа восторженных фанатов. Что мне кажется смешным, так это тот факт, что осознай Брюс свой растущий звездный статус в Гонконге раньше, у него была бы большая возможность сделать ставку на китайский рынок фильмов гораздо раньше. «Зеленый Шершень» в первую очередь стал средством, позволившим Брюсу продемонстрировать свое физическое мастерство, но в то же время сделал мало, если не сказать ничего, для демонстрации его актерского таланта.

Гораздо важнее, что этот сериал не ставил перед собой цель углубиться в кунг-фу за пределами физического аспекта. В результате, уедь Брюс в Гонконг в этот момент, и он бы еще не сформировал в своем мозгу зачатки, лежащие в основе чистого великолепия, которое он демонстрировал в своих фильмах двумя годами позже.

В том же самом смысле его гений мог быть запросто пережеван на китайском рынке фильмов, как это могло произойти в Штатах с телесериалами. Тайминг имел важное значение, а также действующие силы. Примерно в то же время произошло очень необычное и неизбежное событие, которое предопределило неизбежный подъем Брюса к статусу суперзвезды в Гонконге. Событие, которое я имею в виду, это его серьезная травма спины, отдалившая его от карьеры актера на шесть долгих месяцев. И хотя Брюс страдал от сильной физической боли и моральных страданий, эти шесть месяцев стали вероятно самым продуктивным периодом в его жизни, поскольку именно в это время была написана книга «Дао Джут Кун До», и таким образом его глубокие и мудрые мысли о боевых искусствах были увековечены раз и навсегда. Если бы написание этого труда не произошло в это время, возможно оно бы не состоялось никогда.

В свете оглушительного успеха этого грандиозного литературного произведения, и пользы, которую оно принесло столь большому числу ищущих, понятно, что подобная работа должна была быть написана. Кроме того, в ней не только нуждались тысячи тех, кто будет читать и перечитывать ее в будущем, но Брюсу также требовалось написать ее для себя, для своего личного роста. С завершением работы над «Дао Джит Кун До» Брюс сформировал в своем мозгу все мысли, которые он так отчаянно будет стремиться раскрыть в своих фильмах. После восстановления от травмы спины он поедет в Гонконг навестить родственников, узнав, что достиг звездного статуса. Перед своим возвращением он снялся в телесериале «Лонгстрит», в котором ему впервые представилась возможность продемонстрировать самые глубокие аспекты своего обожаемого искусства.

С ошеломительным успехом шоу, в сочетании с фактом, что ему делали предложения продюсеры из Гонконга, Брюс вскоре сделал следующее пророчество: «Я, Брюс Ли, стану самой высокооплачиваемой суперзвездой Востока в Соединенных Штатах. В 1970 я обрету мировую славу и с этого времени и до конца 1980-х у меня будет на счету 10 000 000, затем я буду жить, как того пожелаю и обрету внутреннюю гармонию и счастье». Одним из заблуждений относительно моего мужа является то, что он не мог не стать успешным, поскольку был наделен таким большим природным талантом. Конечно, у него был талант, но мне всегда казалось, что недостаточно внимания уделялось тому, как напряженно Брюс работал, чтобы улучшить и усовершенствовать все свои способности. Он тренировался больше, чем любой другой мастер боевых искусств, о котором я знала или слышала. В этом плане я знаю, что миллионы его поклонников убеждены, что Брюс с рождения наделен особым телом, и при этом многие из них просто не верят, когда я

объясняю, что Брюс создал свою выдающуюся физическую форму с помощью искреннего рвения и силы воли, а также посредством интенсивных тренировок.

По той же причине он решительно принялся за искусство актерской игры с концентрацией, которую мог достичь лишь человек, сжигавший энергию как печка. В его обширной коллекции книг было много томов об актерском мастерстве, которое он усердно изучал. Талант должен найти свой выход, создать возможности. И при этом, наоборот, в случае Брюса мне всегда казалось, что им движет искреннее желание не только создавать собственные возможности, но в то же время постоянно развивать свои таланты.

Некоторые из старых друзей Брюса, например, Стерлинг Силлифант, придерживался точки зрения, что Брюс, вместо того, чтобы излучать спокойствие и хладнокровие от боевых искусств, которые являются частью учения дзен-буддизм, находил лишь противоречие и разногласия, добавляя, что Брюс “привлекал множество этих тяжестей, продолжавших отвечать ему тем же”. Разумеется, считать так значит неверно интерпретировать всю сущность философии и мировоззрения Брюса. Гармония это взаимодействие инь и янь. В своем стремлении ко все большему и большему достижениям он следовал одним из самых старых и наиболее конструктивных сил в человечестве.

В течение двух последних лет своей жизни у Брюса были трудности в общении с неискренними людьми. Просто было не в его характере верить, что люди намеренно стараются навредить ему. Он был очень чувствителен и созвучен к человеческим чувствам, и думаю с течением времени он отдал больше инь и чуть меньше ян. Но в этот период своей жизни он по-прежнему учился и развивался. В «Безмолвной Флейте» поднимались многие вопросы, отражавшие жизнь и поведение Брюса на тот момент. В сценарии прослеживалось развитие молодого студента посредством боевых искусств - его проблемы с самолюбием, его обретенная храбрость перед лицом бездны смерти, и в конечном счете его духовное возрождение. В какой-то момент герой Брюса говорит: “Я даже не уверен в том, те ли испытания я прошел, чтобы прийти сюда. У меня по-прежнему есть сомнения, много сомнений. Как, без еще большей борьбы, я смогу разрешить их?”

В те последние два года Брюса часто приходил домой из студии очень буйным, взвинченным, эмоционально насыщенным о проблемах, которые происходили в тот момент. Когда он находился на студии, и что-то шло не так, он обычно звонил мне по телефону и просил меня приехать. Я не считаю, что когда-либо делала много для урегулирования ситуации, но я всегда была для него надежной опорой, нечто такое, что он знал, будет непоколебимо, даже если все остальное достанет его. В целом я считаю, что у нас обоих было то, что от нас требовалось для противодействия всему остальному. Мы играли отдельные роли так хорошо, как могли, и вероятно удивляли друг друга преодолением ожиданий, которые мы никогда не считали оправданными в сфере развлечений, поскольку как часто цитировал Брюс: “Я живу в этом мире не для того, чтобы отвечать твоим ожиданиям, а ты, чтобы отвечать моим”. Хотя у меня всегда была абсолютная уверенность в нем, даже я в конце концов обнаружила, что он более чем ответил моим самым сокровенным ожиданиям.

Жизнь Брюса была процессом развития. Он был человеком огромной глубины, человеком, который мог сидеть в медитативной позе в течение длительного периода времени, а затем написать вот такие размышления:

“Я учусь понимать вместо того, чтобы тут же судить самому или чтобы судили меня. Я не могу слепо следовать толпе и доверяться их мнению. Я не позволю себе втянуться в обычную манипулятивную игру по части создания ролей. К счастью для меня, мое самопознание вышло за пределы этого, и я пришел к пониманию, что жизнь должна быть прожита, а не смоделирована. Я счастлив оттого, что ежедневно развиваюсь и честно не знаю, где находятся границы моих возможностей. Будьте уверены, каждый день может стать кровением или новым открытием. Я храню воспоминания о прошлых неудачах. Они добавили мне храбрости.

Моей первой любовью являются боевые искусства. Под боевыми искусствами я понимаю свободное атлетическое выражение души. Боевое искусство также подразумевает ежедневные отшельнические физические тренировки для улучшения или сохранения качества. Жить значить свободно выражать свою суть в творчестве. Творчество, должен сказать, это не что-то зафиксированное или твердое. Поэтому я надеюсь, что мои приятели в боевых искусствах откроют душу и станут по-настоящему искренними, и желаю им успеха в процессе поиска собственного дела”.

Когда я читаю слова Брюса о его отшельническом существовании с целью ответить собственным критериям и качеству, я вспоминаю о многих ночах, когда я просыпалась рано утром и находила своего мужа, его беспокойный разум и энергия была таким ключом, что он не мог заснуть, работая за своим столом или тренируясь, стремясь направить свой разум и тело к новым целям, которые только он мог достичь, целям, которые как он понимал никогда не приблизятся, поскольку когда он достигал нового уровня совершенства, очередной уровень лежал перед ним впереди. Будь он жив, я уверена, он бы отыскал внутреннюю удовлетворенность в философии жизни.

Главная цель Брюса никогда не заключалась в том, чтобы стать успешным или известным, а в том, чтобы качественно делать свою работу. И в конце ему удалось распланировать свою жизнь так, что она стала такой, как его искусство джит кун до – простой, прямолинейной, эффективной. В бою он достиг этого не будучи связан правилами или ограничениями, на самом деле он сделал это слоганом своего института: “Не использование никакого пути как пути; не иметь никаких ограничений как ограничений”. Он бывало твердил своим ученикам: “Эффективность это все, что имеет результат”, и в жизни под эффективностью он понимал ясность мышления, постоянно убеждаясь, что его мысли были направлены прямо к целевому действию. Для Брюса было неправильно желать, не двигаясь или двигаться без конкретной цели. Брюс никогда не был консерватором, но как резкий контраст был новатором.

Когда он начал обучать, к примеру, он с пренебрежением относился к классической системе поясов. Пояса, обычно говорил он, годятся лишь для того, чтобы штаны не упали! Несколько лет спустя, когда Брюс стал всенародной знаменитостью, его как-то спросил репортер, есть ли какие-то системы оценки в кунг-фу. Он ответил: “Только не в классическом кунг-фу, однако у нас есть уникальная система оценок в нашем методе. По правде (и тут в его карих глазах блеснул огонек) должен сказать, что система оценки это отсутствие системы. Первый уровень это черный круг, который выражает первозданную свободу. Второй уровень - зеленый и желтый в форме символа инь/ян с двумя закругленными стрелками вокруг. Третий – красный с золотым, который является эмблемой нашей школы, а восьмой уровень наивысший, это пустой круг, возвращение к начальному этапу. Другими словами все перечисленные выше уровни хороши лишь для того, чтобы привести свои дела в порядок”.

Полагаю, что заслуживает особого внимания, что жизнь Брюса, в сущности, следовала каждому этапу его системы поясов в джит кун до. В сущности, он совершил полный оборот, начав свой путь юношей в Гонконге, чья жизнь в той или иной степени была хаосом, после чего он достиг мировой славы посредством своего значительного достижения, чтобы затем вернуться в Гонконг с новым пониманием ближе к концу жизни. Возможно кому-то это покажется провидением. Брюс, во многих смыслах самая сущность физической подготовки, человек, который практически полностью был поглощен своим телом и невероятными способностями, подсознательно ощущал сильное чувство жажды сделать огромное количество дел за короткий промежуток времени.

Уникальный боец и легенда при жизни, ему не только поклонялись как герою на голубом экране, его также почитали мастера боевых искусств по всему миру за его мастерство за экраном, и он с успехом шел по пути, чтобы стать одним из самых высокооплачиваемых актеров в фильмах. Он стал первой суперзвездой-азиатом, который навел мосты между Востоком и Западом, чтобы ответить оскорбительным стереотипам, представленным в кино и на телевидении такими “китайскими” персонажами, как Чарли Чэн и доктор Фу Манчу.

Таким образом, он стал героем для миллионов поклонников в юго-восточной Азии, которые увидели в нем себя и сделали его своим лидером. И это степень того, чего Брюс достиг, когда ему удалось уничтожить древний и предвзятый образ, и вместо него, он в конечном счете представил образ китайца, который на этот раз был не только героем, но человеком, в котором западные зрители могли увидеть себя. Он стоял у руля, и не только познакомил целый мир со своим обожаемым искусством кунг-фу, но в то же время поднял статус собственного народа вместе с качеством китайских фильмов. Не менее значимо, однако, что посредством своей работы и письменных трудов, он показал всем нам реалистичный подход к жизни, по сути дав нам необходимые инструменты, с помощью которых мы в конечном итоге смогли бы найти себя и реализовать данный Богом потенциал. Брюс был поистине человеком великой цели.

Вспоминая жизнь своего мужа, вероятно одним из самых интересных аспектов из всех является то, как он рос, мужал и преуспевал во многих аспектах – физическом, умственном и духовном. Поистине значимая сущность жизни Брюса не в умениях, которые он достиг, не в деньгах, которые заработал, не в славе, которую обрел. Самым значимым достижением является то, каким он сделал себя. С физической стороны он превратил худощавую, хрупкую основу в мощное орудие. С точки зрения интеллекта он дал нам значительную, глубокую мудрость. Однако я искренне верю, что на духовном уровне он сделал самые выдающиеся и значимые шаги в жизни.

Слова Чжуна Ри на мой взгляд как нельзя лучше подходят для заключительного комментария: “Брюс был победителем”.

Вокруг Брюса зарождается целый культ, и полагаю, что он скорее станет еще масштабнее, чем начнет угасать.

Хотя с исторической точки зрения Брюс умер 20 июля 1973 года, я и не подозревала, что спустя много лет после смерти его имя станет еще масштабнее и еще известнее, чем при жизни, что, как и первые легендарные актеры вроде Рудольфа Валентино и Джеймса Дина, которые умерли в раннем возрасте, Брюс станет звеном мирового культа.

В дополнение к многочисленным статьям в журналах и газетах, книгам, фильмам, трибьютам, турнирам по боевым искусствам и посмертным наградам, присуждаемым в честь Брюса, я лично получила тысячи писем от восторженных поклонников Брюса и преданных мастеров боевых искусств. Не меньше меня тронули сотни других людей, кто ежегодно приезжал в Сиэтл, часто преодолевая огромные расстояния, чтобы возложить цветы и другие памятные сувениры на могилу Брюса.

Разумеется, как это всегда случается с преждевременной смертью международной суперзвезды величины Брюса, были те, кто сомневался в причине его смерти, и другие, кто развивал слухи или делал заявления относительно его жизни. Понятно, что я чувствую глубокую ответственность к Брюсу и его поклонникам, и хочу буквально в нескольких словах ответить на некоторые из этих вопросов.

Без сомнения самый часто задаваемый мне вопрос за все эти годы: “Как умер Брюс Ли?” Среди множества сенсационных слухов, варьирующихся от смертельных ранений до психически ненормального лица, использовавшего экстра-сенсорные возможности для убийства Брюса из темной комнаты через дорогу, лично я верю в результаты исследований квалифицированной группы врачей, которые тщательно и довольно основательно изучали тело Брюса в течение нескольких дней сразу после его смерти. Как говорится в официальном расследовании, проведенном в Гонконге, эти лица сошлись в единогласном мнении, что Брюс умер от сверхчувствительной реакции к одному или нескольким компонентам, содержащимся в таблетке Экваджезик, который является стандартным средством, назначаемым при умеренной боли - симптомом обычной головной боли. С химической точки зрения у тела Брюса произошла отрицательная реакция на прием этого лекарства, благодаря чему она вызвало то, что известно как отек (скопление жидкости) мозга. В результате он просто отошел ко сну, а через короткий промежуток времени без мучений умер во сне.

Вероятно вторым по популярности спорным моментом, появившимся в свете смерти Брюса, было множество неправдивых разговоров, касающихся его ежедневных тренировок. Если списать это на желание извлечь финансовую выгоду или укрепить свою репутацию в боевых искусствах, в течение многих лет десятки лиц делали заявления в духе того, что они в той или иной мере обучали Брюса. Из интереса исторической правки, заявляю, что официально Брюса обучал лишь один мастер, покойный профессор Ип Ман, который был специалистом в китайском искусстве вин-чунь. До своего отъезда в Гонконг в 1959-ом Брюс больше никогда не был учеником ни одного мастера, и никогда не проявлял интереса к исключительным учениям любой системы боевых искусств или стилю.

Те, кто хорошо осведомлен о боевых искусствах, задают очевидный вопрос: “Если Брюс изучал только вин-чунь, тогда откуда взялось джит кун до?” Ответ достаточно прост. Джит Кун До (ДЖД) было личным выражением Брюса своего собственного боевого искусства, создание которого вобрало в себя исследование физических аспектов множества систем, вместе с проведением бесчисленных часов над чтением нескольких тысяч текстов о боевых искусствах вроде дзюдо, айкидо, каратэ, кунг-фу, реслинга, савата, западного и тайского бокса и фехтования, в дополнение к не менее впечатляющему числу как древних, так и современных текстов о большом разнообразии боевого оружия.

Для завершения полной картины есть три глубокоуважаемых мастера боевых искусств, с которыми Брюс достаточно много обменивался идеями - Эд Паркер, Чжун Ри и покойный Джеймс Ли. Как вместе, так и по отдельности эти мужчины разделяли взаимное уважение и восхищение друг другом, и я абсолютно уверена, что каждый из них много почерпнул для себя как из личной, так и профессиональной дружбы. В дополнение к этим трем мужчинам, Брюс изучил лучшие варианты захвата от специалиста по дзюдо Джина Лабелла, и был обучен основным движениям филиппинских двойных палочек (нунчаку) своим близким другом и учеником Дэном Иносанто. Более того, было множество значимых мастеров боевых искусств, с которыми Брюс провел меньшую долю времени, в основном на уровне учителя, среди которых больше всего заслуживают упоминания Чак Норрис, Джо Льюис и Майк Стоун.

В конечном счете, спустя много лет Брюс пришел к созданию конструктивного и очень личного боевого искусства, “взяв самое полезное и отбросив все лишнее”.

На этих фотографиях Грейс, Брэндон, Шэннон и я появились на премьере римейка «Игры Смерти». Слева Норман Борин, преданный ученик Брюса

В какой-то мере, имеющей отношение к сказанному выше, на протяжении многих лет были те, кто заявлял, что они дрались и побеждали Брюса. Это просто неправда. С некоторыми исключениями подобные заявления исходили от относительно неизвестных мастеров боевых искусств, многие из которых никогда не знали Брюса и уж точно не делали таких заявлений при жизни Брюса.

Кроме того, с самой его смерти появилось немало оскорбительных книг и статей о Брюсе, главным образом написанных меркантильными авторами, которые явно не сделали домашнее задание, а вместо этого по большей части положились на слухи из третьих или четвертых уст.

Путер, старший брат Брюса

Более того, были кинопродюсеры и актеры, которые наживались на имени Брюса и стремились к получению финансовой выгоды. В течение многих лет ко мне подходили лица, утверждавшие, что недавно видели Брюса по телевизору или на киноэкране, уставившись в изумлении, узнав, что то, что они видели, был не

Брюс. С фактической точки зрения Брюс снял всего четыре фильма – «Большой Босс», «Кулак Ярости», «Путь Дракона» и наконец «Выход Дракона». Несмотря на мотивы этих лиц, которые в той или иной степени получили выгоду от своих стараний, я считаю, что это удалось им лишь благодаря многолетней кропотливой работе Брюса и последовавшей за ней международной популярности.

Одной из главных целей Брюса в жизни было распространение своего обожаемого искусства кунг-фу в западном мире, и я считаю важным дать читателям общее представление о пути развития Джит Кун До после смерти Брюса.

Как и следовало ожидать, помощники инструктора Брюса по Джит Кун До были ошеломлены смертью своего мастера, и в начале требовалось сделать большие преобразования, связанные с отсутствием Брюса. Первоначально эстафету перенял старший ученик Брюса, Дэн Иносанто, который по сей день играет важную роль в продолжении того, на чем остановился Брюс. Вскоре после смерти Брюса к Дэну пришли несколько групп солидных бизнесменов, предложивших финансировать открытие национальных организаций, используя имя Брюса. Разумеется, поскольку Дэн был известен как старший ученик Брюса, он должен был возглавить предполагаемую и довольно крупную организацию. Тем не менее, как это делал сам Брюс в предыдущие годы, Дэн очень прямо и очень быстро отшил их. По правде говоря, нет сомнений, что Дэн мог бы значительно преуспеть, если бы принял эти предложения, и, думаю, что именно благодаря его преданности и верной дружбе с Брюсом он настоял на том, чтобы развивать ДКД в узком направлении и больше устремил свое внимание на качество, чем на личную финансовую выгоду.

Еще одним из первых помощников инструктора Брюса, по сути первым, был Таки Кимура, который по-прежнему живет в Сиэтле и продолжает обучать небольшую группу преданных мастеров боевых искусств основам Чжун-Фан Кунг-Фу. Как и Дэн, Таки мог бы преуспеть, используя свою связь с Брюсом, но он также понимает, что путь боевого искусства Брюса был даром, который он разделял с ним. Таки остается хорошим другом нашей семьи. Он благородно разделяет свою очень насыщенную жизнь с теми, кто приходит в поиске “пути”, надеясь, что смогут впитать философское послание боевых искусств Брюса вместе с физическим аспектом.

В настоящее время основы и концепции ДКД можно найти в учениях, предлагаемых академией АйЭмБи в Карсоне, штат Калифорния. Академию возглавляет один из первых учеников Брюса, Ричард Бустилло, который является директором и соучредителем вместе с Дэном Иносанто и Чаком Мартинезом, который тренировался вместе с Ричардом и в настоящее время является президентом академии. С целью сохранить интерес к продолжению работы Брюса я остаюсь в совете директоров Ассоциации Джит Кун До и предлагаю свое время и помощь по мере необходимости. В дополнение к учениям Ли Чжун Фан Гунг-Фу, академия предлагает обучение специалистами по муай-тай, тайцзыцюань (стилю ян), кали, западному боксу и технике захвата. Вместе с академией АйБиЭм у этой школы есть филиал, расположенный в Марина дэль Рей, Калифорния, которым руководит Дэн Иносанто. Как дань развития ДКД другие филиалы этой школы открыты в Англии, Шотландии, Германии, Испании, Японии и Австралии, вместе с многочисленными филиалами в Соединенных Штатах. Дэн Иносанто, Ричард Бустилло и Ларри Хартселл также имеют большой спрос во всем многообразии международных семинаров по боевым искусствам. Читателям, у которых есть вопросы относительно аккредитованных инструкторов и мест проведения семинаров, реко-

мендуется связаться с академией АйБиЭм, расположенной по адресу: бульвар Уэст Торрэнс, 305, г.Карсон, Калифорния 90745.

Разумеется, на самом деле очень непрактично, что десятки тысяч мастеров боевых искусств, интересующихся искусством Брюса, могут быть зачислены всего в несколько существующих школ. По этой причине много лет назад я дала разрешение на публикацию части сочинений Брюса, которые можно найти в книге «Дао Джит Кун До». На данный момент печатается 11-ый тираж «Дао ДЖД», книга распространяется по всему миру на пяти языках. Опять-таки, невероятная популярность этой книги, как и нескольких томов «Метода Борьбы Брюса Ли», это поздняя дань многочисленным часам кропотливой работы и искренней преданности своему обожаемому искусству, и без сомнения Брюс был бы очень рад плодам своих усилий, которые значительно обогатили жизнь столь большого числа людей.

Агнес, сестра Брюса

Феба, сестра Брюса

К Брюсу с таким большим уважением относятся его приятели по боевым искусствам, что сейчас в Форт Уорт, штат Техас, на ежегодной основе проводится турнир в его честь. Он называется «турнир имени Брюса Ли на получение стипендии», и его спонсирует Ричард Моррис. Первоначально детище великого мастера тхэквондо Чжуна Ри, цель этого уникального соревнования наградить университетской стипендией бойцов из учащих средней школы, которые показывают превосходные результаты в трех направлениях: ката (боевые формы), спарринге и имеет хорошую успеваемость в школе, что подтверждается тем фактом, что те, кто соревнуется за стипендию, должны иметь отметку не ниже среднего балла “хорошо”. Я (и в 1988 моя дочь Шэннон) ежегодно посещали этот турнир и разговаривали со многими молодыми людьми о любви Брюса к книгам, его ответственной привычке учиться и развитию, которое он совершил в своем искусстве посредством самообразования. Моей целью, кроме того это всегда была одна из целей книги, которую вы сейчас держите в руках, рассказать о философских взглядах Брюса, как и о его технике и боевом искусстве. Я уверена, Брюс счел бы за честь узнать, что посредством этого турнира он продолжает вдохновлять юношей и девушек, особенно в том, что касается улучшения тела и разума.

Роберт, младший брат Брюса

Брюс бывало говорил репортерам, что его первой любовью всегда были боевые искусства, тогда как актерство было его профессией. Но те из нас, кто был близок к Брюсу, знали, что его первой любовью всегда была его семья. Спустя многие годы мы все изменились и выросли, и вне всякого сомнения жизнь каждого из нас отличалась от того, какой бы она была, не окажи на нас влияние жизнь Брюса, как и его смерть. Думаю, это удачное время, чтобы кратко остановиться на жизни тех, кто был близок и дорог Брюсу.

Грейс, мать Брюса, в начале 1970-х переехала в Соединенные Штаты. Брюс помог ей въехать на территорию этой страны благодаря своему американскому гражданству. Через какое-то время она переехала от своей дочери Фебы в Сан-Франциско в наш дом в Лос-Анджелесе. Когда Брюс и я переехали в Гонконг в 1971-ом, Грейс и младший брат Брюса Роберт переехали в Сан Габриэль Уэлли, штат Калифорния, где продолжают жить и по сей день. Смерть Брюса произвела на Грейс серьезное впечатление, и ей было трудно осознать, как ее красивый, здоровый сын мог умереть в столь молодом возрасте. Но за много лет ее глубокие раны зарубцевались, и теперь она очень любезно раздает интервью и выступает от имени своего сына, будучи очень горда достижениями Брюса и его статусом во всем мире. Грейс находится в добром здравии, она счастлива, и утвердила свое место в качестве матриарха семейства Ли. За последние годы мы часто имели возможность ее видеть, и она всегда проявляла заинтересованность в благополучии детей Брюса. У нее на глазах выступают слезы, когда она видит схожие черты между Брюсом и Шэннон.

Брюс с братом Питером

Обе сестры Брюса живут в Соединенных Штатах, и они довольно успешны. Феба, самая старшая из детей Ли, живет в Сан-Франциско, и при этом довольно часто приезжает в Лос-Анджелес повидать свою маму и семью. Женщина с яркой семейной гордостью, она должно быть знает о семейной истории Ли больше, чем кто-либо, и как Грейс, она щедро раздает интервью тем, кто жаждет услышать историю жизни Брюса. В прошлом ее раздражало, когда журналисты не относились справедливо и искренне к ее словам, но в итоге она научилась, как и все мы, быть разборчивой в подобных интервью.

Агнес, вторая старшая сестра Брюса, ходила в школу в районе Залива в Сан-Франциско, когда мы с Брюсом жили в Окленде. В те дни мы могли часто видеть ее, и она очень помогала мне, когда родился Брэндон. Агнес и ее муж Бинг сейчас живут в Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, где она работает лаборантом в больнице, кроме того она подняла на ноги троих детей. Я много лет не видела Агнес до недавнего времени, когда она приехала на Западное Побережье на семейную встречу. Мы надеемся, что сможем собираться вместе чаще, чтобы наши дети продолжали вместе расти.

Питер, старший брат Брюса, учился в колледже в Миннесоте, где преуспел в физике. После смерти своего отца в 1965-ом Питер вернулся, чтобы жить в Гонконге. Сегодня он занимает важный пост в гонконгской королевской обсерватории. Когда Брюс и я жили в Гонконге в период с 1971 по 1973 гг., мы имели возможность довольно часто видеть Питера и его семью, а в последующие годы я заходила к нему, когда бывала в тех местах.

Роберт, младший брат Брюса, жил у нас в начале 70-х, когда мы жили в Лос-Анджелесе. До того, как Роберт покинул Гонконг, он был популярным певцом, и он и его группа играли во многих ночных клубах. Он бросил эту многообещающую карьеру, чтобы приехать в Соединенные Штаты и закончить свое обучение в кали-

форнийском государственном университете в Лос-Анджелесе. Сейчас Роберт живет на территории Лос-Анджелеса, где у него свой интерес в ресторанах и ночных клубах, кроме того он взял на себя роль главного опекуна своей матери. Как и другие члены его семьи, Роберт демонстрирует гордость к своему брату, говоря открыто и искренне с теми, кто хочет получить информацию о Брюсе.

В дополнение к семейству джит кун до, упомянутому ранее, есть несколько мастеров боевых искусств, которые были настолько близки к Брюсу, что я считаю их скорее друзьями, чем коллегами. Чжун Ри, великий мастер тхэквондо из Вашингтона, округ Колумбия, провел несчетное число часов у нас дома, как и мы у него. Он и его жена Хан Сун остались хорошими друзьями для меня и моих детей, и всегда стремились подать образ Брюса в позитивном свете. За более чем тридцатилетний период времени Чжун остался влиятельной силой в боевых искусствах. Он обладает потрясающей энергией, как физической, так и духовной, и имеет возвышенные цели в развитии силы, правды и знаний посредством боевого искусства. Всемирная конференция по боевым искусствам была инициативой Чжуна, и турнир имени Брюса Ли на получение стипендии существует главным образом благодаря его усилиям. Я очень хочу всю жизнь общаться с Чжуном Ри и его семьей.

*Брэндон – единственный в мире голубоглазый
китаец-блондин, по словам его отца*

Брэндон гримасничает перед камерой – прирожденный актер

Эд Паркер, “отец американского каратэ” - еще один добрый и давний друг нашей семьи. Он был одним из первых мастеров боевых искусств, которых Брюс знал в Соединенных Штатах, и способствовал представлению и признанию Брюса другими важными лицами в боевых искусствах. Главным образом благодаря Эду Брюс получил свою первую роль на американском телевидении, роль Като в «Зеленом Шершне». С момента смерти Брюса звездный статус Эда в боевых искусствах указал на него тем, кто интересовался Брюсом. Как и в случае с Дэном Иносанто, можно привести немало примеров, когда Эд мог преуспеть финансово, извлекая выгоду из тесной дружбы с Брюсом, однако он решил этого не делать. Он по-настоящему честный человек, в современном мире такие люди большая редкость. Ранее в том же году я присутствовала на долгожданном трибьюте, посвященном Эду Паркеру, продюсером которого выступил Том Бликер, один из обладателей черного пояса Эда Паркера первого поколения. Когда в завершение этого события Эд взошел на подиум, он был очень любезен, признав Брюса как лидера и новатора в боевых искусствах. Моя семья и я сама были рады общению с Эдом и его очаровательной женой Лейлани, часто обмениваясь историями о ранних днях. Как и с семьей Ри, настоящая дружба с Паркерами гораздо глубже, чем связь в боевых искусствах.

Джеймс Ли был первым мастером боевых искусств, с которым Брюс подружился в Соединенных Штатах в 1959-ом. Когда Брюс переехал в Сиэтл, чтобы ходить в университет Вашингтона, они с Джеймсом находились в постоянном контакте, и один ездил к другому потренироваться и посоветоваться. Когда Брюс и я поженились в 1964-ом, мы переехали в дом Джеймса в Окленде, где прожили большую часть следующего года. Брюс и Джеймс открыли второй филиал института Чжун-Фан Гунг-Фу на Бродвее в Окленде. Как уже говорилось ранее, когда скоропостижно скончалась жена Джеймса, мы с Брюсом стали тетей и дядей для детей Джеймса Греглона и Карены. Позже, когда мы с Брюсом переехали в Лос-Анджелес и позднее в Гонконг, мужчины постоянно поддерживали связь друг с другом. В какой-то момент в начале 70-х Джеймсу поставили диагноз “рак”, и его жизнь превратилась в настоящую борьбу. Он всегда с восхищением относился к успеху Брюса и собирался приехать в Гонконг на премьеру брюсовского «Пути Дракона» в конце 1972. К сожалению, Джеймс умер незадолго до предполагаемой

поездки в Гонконг. Это был серьезный удар по Брюсу, который начал ощущать нехватку друзей на Дальнем Востоке. Спустя годы мы остались друзьями с Греглом и Кареной, и я всегда говорила, что они мои первые дети, потому что они находились под моей опекой еще до рождения Брэндона и Шэннон.

Шэннон – ангел, спустившийся с небес в наш дом

Еще одним другом и учеником Брюса является Питер Чин. Даже не припомню, как давно я знаю Питера, такое ощущение, что он всегда был рядом. После смерти Брюса Питер провел со мной много времени, когда мы утешали друг друга, пытаюсь понять невероятные “почему” и “что теперь”. Я всегда была ему благодарна за его дружескую поддержку в те дни. Сейчас Питер живет в Лас-Вегасе со сво-

ей женой Сэнди и двумя детьми. В настоящее время у него есть планы по созданию зрелищного трибьюта в честь Брюса и боевых искусств. Он даже ездил в Китай в надежде убедить шаолиньский монастырь отправить своих представителей на это шоу. Питер находился под глубоким влиянием Брюса, не только в боевых искусствах, но и в его личной философии к жизни, и по-своему старался показать миру ценность этого человека.

Наконец, это мои и Брюса дети, Брэндон и Шэннон.

Брэндон родился 1 февраля 1965 года в больнице Ист Окленд. Брюс очень гордился, что у него родился сын, первый внук в его семье. Мне следовало знать, что на горизонте маячили проблемы, когда Брэндон появился на свет со здоровым весом в 8 фунтов, 11 унций. Вследствие неопытности своей матери и нашим частым переездам Брэндон не спал по ночам в течение 18 месяцев. Он никогда не просил соску или детское одеяло, он просто все время кричал, что по иронии отметило начало его пути в жизни.

Брэндон родился с черными как смоль волосами на голове, которые быстро выпали, и выросли новые, платиново-белые. Брюс бывало говорил, что Брэндон был единственным в мире голубоглазым блондином китайцем. Отец Брюса так же гордился рождению внука, и Брюс был счастлив, что его отец знал о рождении Брэндона, потому что Ли Хой Чуэнь умер всего через неделю после рождения Брэндона. Брюс был классным отцом, но он был не из тех, кто менял пеленки или вставал посреди ночи. У него были более весомые вещи в голове, как например, сделать карьеру или платить по счетам.

Когда мы жили в Лос-Анджелесе, Брэндон не только имел в своих глазах лучшего папу в районе, но безусловно самого наводящего страх. У него был друг, Люк, с которым он часто играл, но Люк никогда не приходил к нам играть. Прошло несколько месяцев, прежде чем я узнала от матери Люка, что ее сын боялся отца Брэндона, учеников кунг-фу, ударов по защитному оборудованию и угрожающего вида оружия, которые были частыми картинами и звуками на нашем заднем дворе.

Младший брат, Роберт Ли

Переехав в Гонконг, мы словно попали в другой мир. Детей везде сопровождали родители, куда бы они не шли, потому что город был таким населенным и опасным. Брэндон ходил в колледж Ла Салль как когда-то Брюс ребенком. Все ученики были китайцами, а занятия велись братьями-католиками на английском. Поэтому Брэндон научился свободно говорить на кантонском, играя с другими школьниками. В первом и втором классе у Брюса было 50 учеников в классе, которые сидели за одной партой и учились по полдня. Он так хорошо успевал, что когда мы вернулись в Соединенные Штаты, он смог перепрыгнуть третий класс.

Брюс и Брэндон были очень близки. Они вместе играли, вместе тренировались кунг-фу, вместе путешествовали и читали вместе книги. Брэндону было восемь лет, когда умер Брюс. Объяснить этому ребенку, что герой всей его жизни больше не придет домой, было для него необъяснимо. После традиционных похорон в Гонконге мы вернулись домой в Сиэтл, где состоялась еще одна похоронная церемония, и Брюса похоронили. Столь много всего произошло так быстро, что у детей в жизни также произошли большие перемены. Меня вызвали в Гонконг на коронерское расследование, и мне пришлось на три месяца оставить в Канаде своих детей с сестрой. Им было тяжело понять, почему они вдруг остались без родителей на такой продолжительный срок. Благодаря моей сестре Джоан они пережили это с нетронутой психикой.

В конце концов, мы осели в Сиэтле, где полагали, что сможем жить нормальной жизнью. Этому не суждено было случиться. Поскольку «Выход Дракона» до смерти Брюса не был выпущен в Соединенных Штатах, мы не были готовы к невероятному влиянию, которое Брюс произведет на весь мир. Для Брэндона это было особенно тяжело. Он не только потерял своего отца, но теперь ему пришлось бороться с последовавшей публичностью. Брэндон старался свести на нет свою личную боль, и изо всех сил старался быть мужчиной для своих матери и сестры, а ведь ему было всего восемь лет. В результате он стал очень скрытным человеком и держал свои чувства при себе. Он не любил говорить о своем отце, потому что счи-

тал, что это расстроит меня. У него были сложности в общении с друзьями, повторявшими слухи, которые слышали о Брюсе. Но он никогда не рассказывал мне о них, он просто мирился с этим.

В 1974-ом мы переехали в Лос-Анджелес, где Брэндон впервые за свою жизнь продолжительный период времени ходил в школу, и начал проявлять свою личность. Он стал лидером в школе, качество, часто вызывающее неодобрение у учителей и администраторов. В конечном итоге у него был один учитель в шестом, седьмом и восьмом классе, мистер Монтгомери Уотерс, который хорошо отзывался об интеллектуальном, зачастую буйном нраве Брэндона.

Брэндон всегда заставлял меня задаваться вековым вопросом “генетика или окружающая обстановка”. Как и у его отца, у него никогда не было склонности к математике и точным наукам, но он преуспевал в чтении, письме и ораторском искусстве. В старших классах Брэндон увлекся исполнительским искусством. Он обо-жал писать, и попал под крыло своего учителя по английскому и театральному искусству миссис Карэн Стивенс. В выпускном классе его избрали старостой, но нововведения, которые были у него на уме, не соответствовали политике руководства. В очень раннем возрасте Брэндон четко определил свои цели в жизни, в результате после окончания средней школы он сделал выбор в пользу высшего образования, поступив в колледж Эмерсона в Бостоне, где изучал актерское мастерство и часто ездил в Нью-Йорк на уроки актерского мастерства.

Сегодня Брэндон продолжает стремиться к поиску своей истины и своего уникального места в мире. Как действующий актер он снялся в нескольких фильмах и несколько раз выступал на телевидении. На момент написания этой книги он намерен снять боевик/приключенческий художественный фильм. Несмотря на поверхностную помпезность и обстоятельства, которые часто окружают жизнь известных родителей, Брэндон глубоко и искренне гордится тем, что приходится сыном Брюсу. В то же время, к его чести, он настаивает на сохранении собственной уникальности и хочет жить своей судьбой. Важнее всего то, что сегодня у меня есть 23-летний сын, являющийся моим другом, который желает мне столько же счастья, сколько и я ему.

Наша дочь Шэннон, родилась 19 апреля 1969 в неспециализированной больнице Санта Моника, когда мы жили в западном Лос-Анджелесе. С этого времени Брюс узнал, что я беременна, и выразил надежду, что нашим следующим ребенком также будет мальчик, потому что он считал, что лучше найдет контакт с детьми мужского пола. Но когда родилась Шэннон, леди весом в шесть фунтов, шесть унций, у нас создалось такое чувство, будто ангел спустился с небес, чтобы жить в нашем доме. Брюс был абсолютно восхищен так, как никогда и представить себе не мог. Маленьким девочкам всегда достается папочкино сердце, и случай Брюса и Шэннон был не исключением – она была зеницей ока своего отца.

Как Брэндон был маленьким крутым парнем-ходячей катастрофой – сломанная нога, дважды сломанная рука, перелом черепа, одни из самых крупных случаев – Шэннон была изящным цветком со своими проблемами со здоровьем. С самого рождения у нее были трудные времена. Ее ножка была повернута не в ту сторону, в результате чего с девятимесячного возраста ей пришлось носить ортопедический корсет между обеими ногами. Однако, одаренная решимостью своего отца, она вскоре смогла вылезти из детской кроватки и начала ползать по дому, это было еще до того возраста, когда дети начинают ходить. После нашего переезда в Гонконг у нее начались проблемы с глазами. В конце концов она перенесла операцию на глазах для приведения в порядок глазных мышц – обессиливающее

испытание для Брэндона и Шэннон в возрасте шести и двух-трех лет просыпаться и не иметь возможности видеться целую неделю, не говоря уже о ее родителях. Когда мы наконец подумали, что все ее проблемы со здоровьем были решены, у Шэннон началась потеря слуха. Это состояние попеременно то улучшалось, то ухудшалось в течение нескольких лет, пока наконец в возрасте семи лет ее миндалевидные железы и аденоиды не удалили полностью. С тех пор Шэннон больше не лежала в больнице, она выросла и стала прекрасной молодой леди. Это были не главные проблемы на общем фоне, но я упоминаю их, потому что это были трудные времена для Брюса, поскольку он изо всех сил старался сделать успешную карьеру в кино. Неудивительно, что он стал ужасно оберегать своих детей.

*Фотография 1988 года семейства Ли:
Феба, Грейс, Агнес, Роберт и подруга семьи Нэнси Чой*

Когда мы жили в Гонконге, Шэннон было два годика. Она ходила в китайский детский сад, но он был не таким, каким мы себе представляем детский сад в нашей стране. Из-за большой конкуренции на поступление в первоклассную начальную школу в Гонконге дошкольное образование также становится очень конкурентоспособным. Когда Шэннон ходила в школу в возрасте трех лет, она носила униформу, носила школьную сумку, и ей требовалось изучать китайское чтение, письмо и говорение. Она делала в этом успехи, и, как и Брэндон, до сих пор помнит основы кантонского наречения. После нашего возвращения в Калифорнию Шэннон многие годы ходила в китайскую воскресную школу, чтобы не растерять знания языка и культуры.

Брюс умер, когда Шэннон едва исполнилось четыре годика. У нее сохранились очень смутные воспоминания о том, что происходило вокруг нее в момент смерти своего отца. Даже сегодня она мало помнит о своем отце, что для меня понятно, потому что мой собственный отец умер, когда мне было пять лет, и у меня тоже остались лишь смутные представления о его присутствии. Хотя у нее может не быть конкретных воспоминаний о Брюсе, основная часть личности и темперамента Шэннон сформировались в течение этих ключевых первых четырех лет, когда ее отец был жив. Как и с Брэндоном, Брюс проводил много времени со своей дочерью, играя, читая и обнимая ее. Он был очень близок с обоими своими детьми, и очень сильно их любил. Шэннон и Брэндон были большим утешением для Брюса, и они в свою очередь отдавали ему свою безоговорочную любовь. В конце концов они стали стимулом его целей в жизни.

Шэннон отличница, но как и у Брюса и Брэндона, у нее нет склонности к техническим предметам, но вместо этого она тяготеет к исполнительскому искусству. К счастью, в начальной школе она также находилась под опекой мистера Уотерса, который заставил ее пройти через необходимую математику и точные нау-

ки. Истинная сущность Шэннон начала блистать в средней школе, где она сыграла в нескольких мюзиклах. Она одарена вокальными данными, о существовании которых не подозревала даже я сама. Если смотреть с точки зрения генетики, я даже не представляю, откуда в ней этот талант, потому что я вообще не умею петь, а Брюс шутил, что у него “богатый голос”, потому что он “приносит деньги”.

Сегодня Шэннон учится в университете Тулана в Новом Орлеане, где изучает вокал. Она принимала участие в нескольких шоу, и мы очень ждем ее участия во множестве других. Решит ли она окончательно посвятить себя этой карьере это ее выбор, но сейчас она посвящает себя развитию своего музыкального дара. И Брэндон и Шэннон всегда сдержанно высказывались по поводу своих отношений со знаменитым отцом, и стремятся доказать, на что они сами способны.

И хотя Шэннон не очень хорошо помнит своего отца, его присутствие окружает ее жизнь. Став старше, она приобрела яркую гордость, которая типична для нашей семьи, и прилагает основные усилия, чтобы убедить голливудскую торговую палату поместить звезду ее отца на тротуаре славы.

Шэннон всегда была ребенком, который глубоко сопереживал своей матери. В юности она была нехарактерно обеспокоена моим здоровьем. Даже будучи подростком она отказывалась идти гулять с друзьями, если ей казалось, что я останусь дома одна. Она не делает быстрых суждений, и держит свое мнение о других при себе. Сегодня Шэннон это приятный человек, чью дружбу я ценю выше того факта, что она моя дочь.

И наконец я. У меня сложилась поистине благоприятная жизнь. Иметь двух чудесных, здоровых и счастливых детей было бы само по себе достаточно. Но я всегда считала своей удачей, что смогла выйти замуж за Брюса, узнать его в этом совершенно уникальном отношении. Поскольку наш брак был таким тесным, я отлично знала его сиюминутные настроения и порывы. Я рассчитывала на него за его поразительное понимание людей, за его устойчивость перед невзгодами, и его способность с честью встречать преграды, поистине “благодатью среди греха”.

Смерть Брюса была для меня полным опустошением. Но вскоре после его ухода я ощутила такой поток энергии между нами, который на мой взгляд был результатом нашей близости в жизни. Могу лишь сказать, что испытала ясность рассудка и цели, от которых хотела отказаться, но не могла. Когда Брюс был жив, я часто была его тенью во время публичных выступлений, но с его смертью меня наделила сила, которая была для меня неким даром.

Дети Брюса растут

*На этом фото я с членами сообщества Джит Кун До:
Хербом Джексоном, Тимом Тэкеттом, Ричардом Бустилло, Лэрри Харстеллом,
Джерри Потитом, Дэниэлом Ли и Тэдом Вонгом*

Когда Брюс умер, его последний фильм «Выход Дракона» еще официально не вышел в Соединенных Штатах. Спустя около месяца после его смерти я посетила премьеру фильма в китайском кинотеатре Гауман в Голливуде. Я попросила наших друзей в Уорнер Бразерс “сделать это ради Брюса”, и разумеется, они так и сделали. Это было поистине зрелищно, но нелегко видеть моего мужа на киноэкране, полного жизни, понимая, что он мог бы находиться рядом со мной и наслаждаться своим успехом. На протяжении этих лет были трудные времена. Мне потребовалось немало времени, чтобы понять, что не все настроены к Брюсу так доброжелательно, как я. В ранние годы мне было очень больно читать неправдивые статьи о Брюсе. Как правило я писала длинные письма издателям газет и журналов, когда они печатали ложь о жизни Брюса. Я была в шоке, когда вышли так называемые биографические фильмы – они были не только недостоверны, но и стремились вызвать массовый интерес. Мне понадобилось немало времени, чтобы понять, что юридические вопросы в этой области были часто непреодолимы.

Здесь не только была затронута первая поправка к Конституции США³, но я также не осознавала, что когда человек умирает, он лишается любых прав на свободу частной жизни, которыми обладал при жизни. Тем не менее, несмотря на все это, часто неразрешимые сложности, мой адвокат Адриан Маршалл, усердно работал, чтобы защитить права нас с Брюсом и наших детей. Временами я хотела, чтобы жизнь Брюса была лишена противоречий, но спустя годы я приняла тот факт, что жизнь и смерть Брюса останутся загадкой для многих, кто продолжает поиски в неверном направлении. В конечном счете я смогла направить свою жизнь в здоровом направлении. Я не живу старыми ранами, вместо этого сегодня я наслаждаюсь большим счастьем. На мой взгляд личное удовлетворение не обязательно должно происходить изо дня в день, должно быть общее ощущение благополучия в каждом.

Шэннон и Брэндон

После смерти Брюса я вернулась в Сиэтл, свой родной город, где я планировала осесть со своими детьми. Брюс похоронен на кладбище Лейквью в Сиэтле, которое выходит на озеро Вашингтон. Он был счастлив, когда жил на Пасифик Нортвэст, и мы часто говорили о том, чтобы в будущем приобрести там дом. Однако, по крайней мере, в моем случае, как нельзя лучше подходит фраза “нельзя отступать”, и поэтому, через год тоски по южному солнцу я переехала в Лос-Анджелес. Брюс умер, не оставив завещания. Мы не рассматривали возможность его смерти в столь раннем возрасте. Несмотря на это, сложности в результате этого упущения оказались долгими, и у меня ушло семь лет, прежде чем я получила завещание на имущество Брюса. Для этого потребовались многочисленные поездки в Гонконг на переговоры с представителями власти. В течение этого времени я посещала колледж для получения степени университета Вашингтона, в котором я обучалась много лет назад. Наконец в возрасте 36 лет я получила степень бакалавра по политологии в калифорнийском государственном университете в Лонг-Бич. У меня было намерение поступить в юридический вуз, но к тому времени я слишком придирчиво относилась к своей личности, и в качестве альтернативы получила работу секретаря-ресепшениста в школе, в которую ходили Шэннон и Брэндон во времена обучения в начальной школе. Я продолжила ходить в университет по вечерам, чтобы получить диплом о высшем образовании на осуществление педагогической

³ свобода слова и печати

деятельности, и теперь я обучаю дошколят на территории Лос-Анджелеса. Это продуктивная цель и я получаю от этого безграничное удовольствие.

Брэндон и Шэннон уже взрослые, и уже съехали из нашего семейного дома. Моя мама присоединилась ко мне в Калифорнии после того, как ушла на пенсию из Сирс в Сиэтле, и теперь она и мой отчим Уиллард живут неподалеку. Моя мама оказывала мне большую помощь в течение всех этих лет, помогая растить детей и взяв на себя заботу о доме, и даже больше, мы друзья и она всегда была моей главной болельщицей.

Я всегда была самой удачливой женщиной, факт, который я никогда не воспринимала как сам собой разумеющийся. Брюс был чрезвычайно влиятелен в формировании личности, которой я сейчас являюсь. Кроме того посредством большой любви от моих детей, мамы, дядь, тетя и кузенов, мой курс в жизни всегда был устойчивым. Благодаря этому сегодня я знаю, кто я, и что делаю все возможное, чтобы наш мир стал еще лучше. В конечном итоге, и в конце концов это продолжает приносить мне много счастья.

Читайте также другие книги о Брюсе Ли издательства Охара:

Дао Джит Кун До

Брюс Ли, номер по каталогу 401

Метод борьбы Брюса Ли, том 1 – техника самообороны

Брюс Ли и М.Уехара, номер по каталогу 402

Метод борьбы Брюса Ли, том 2 – основная тренировка

Брюс Ли и М.Уехара, номер по каталогу 403

Метод борьбы Брюса Ли, том 3 – навыки в технике

Брюс Ли и М.Уехара, номер по каталогу 404

Метод борьбы Брюса Ли, том 4 - продвинутая техника

Брюс Ли и М.Уехара, номер по каталогу 405

Китайское гунфу

Брюс Ли, номер по каталогу 451

Легендарный Брюс Ли

От редакторов журнала «Черный Пояс», номер по каталогу 446

Для получения бесплатного каталога пишите по адресу:

Охара Пабликейшнс Инк., Рокфеллер авеню 24715, почтовый ящик 914,

Санта-Кларита, Калифорния, 91380-9018

1-800-423-2874

BLACK BELT™ VIDEO PRESENTS

NUNCHAKU: KARATE WEAPON OF SELF-DEFENSE
 By Fumio Demura
 Students are taught to use the *nunchaku* in a traditional manner. Topics covered: how to grip, stances, blocking, striking, callisthenics, karate and nunchaku similarities, and whipping, applied attacking, and applied block and counter. **BBMV101-VHS (60 min.)**

BRUCE LEE'S FIGHTING METHOD: Basic Training and Self-Defense Techniques
 By Ted Wong and Richard Bustillo
 Bruce Lee's *jeet kune do*, as explained in *Bruce Lee's Fighting Method*. This covers the first two volumes, with topics including warm-ups, basic exercises, on-guard position, footwork, power/speed training and self-defense. **BBMV102-VHS (55 min.)**

TAI CHI CHUAN
 By Marshall Ho'o
 World expert in *tai chi chuan* teaches this Chinese practice, which promotes mind-body awareness and rejuvenation. Topics covered: the nine temple exercises, the short form, push hands and self-defense applications. **BBMV103-VHS (90 min.)**

KARATE (SHITO-RYU)
 By Fumio Demura
 This program includes: warm-up exercises; an analysis of basics, including striking points, target areas, standing positions, and hand, elbow, kicking and blocking techniques; three ten-minute workouts; and a demo of basic sparring and self-defense. **BBMV104-VHS (90 min.)**

Rainbow Publications Inc.

Black Belt Magazine Video, P.O. Box 918, Santa Clarita, California 91380-9018
 Or Call Toll-Free 1(800)423-2874

You are only a phone call away from
THE BEST IN MARTIAL ARTS
 The world's leading martial arts publications

See our page on the World Wide Web.
<http://www.blackbeltmag.com>

Subscribe to these magazines:

- **BLACK BELT®**
- **KARATE KUNG-FU ILLUSTRATED™**
- **MARTIAL ARTS TRAINING™**

Order Hotline **1-800-57-KARATE** Call 24 Hours a day
Call customer service 1-800-266-4066 (8 am-4:30 pm PST Mon.-Fri.)
 in California 1-818-740-8983 (8 am-4:30 pm PST Mon.-Fri.)
 Or send name and address to: RAINBOW PUBLICATIONS INC.
 P.O. Box 16296, North Hollywood, CA 91615-6296. We will bill you later.

HOW-TO BOOKS
The complete Ohara catalog
 The world leader in martial arts publications
 Order Hotline **1-800-396-4272** Call 24 Hours a day

• Bookstores • Merchant Accounts • Individual Customers
 For customer service, fliers and complete catalog call 1-800-423-2874 (8 am-4:30 pm PST Mon.-Fri.)

BLACK BELT MAGAZINE VIDEO
Presents its catalog of videos
for beginner and advanced

Order Hotline **1-800-581-5222** Call 24 Hours a day

• Bookstores • Merchant Accounts • Individual Customers
 For customer service, fliers and complete catalog call 1-800-423-2874 (8 am-4:30 pm PST Mon.-Fri.)

NO POSTAGE
NECESSARY
IF MAILED
IN THE
UNITED STATES

BUSINESS REPLY MAIL

FIRST-CLASS MAIL PERMIT NO. 511 NORTH HOLLYWOOD, CA

POSTAGE WILL BE PAID BY ADDRESSEE

BLACK BELT.

COMMUNICATIONS INC.
P.O. Box 16298
NORTH HOLLYWOOD, CA 91615-9877

POWER TRIO

- BLACK BELT Magazine Save 54%**
One year subscription (12 issues) for only \$24.00
Also receive Annual BLACK BELT Yearbook a \$3.99 value
- MARTIAL ARTS TRAINING Save 55%**
One year subscription (6 issues) for only \$12.97
- KARATE KUNG FU ILLUSTRATED Save 55%**
One year subscription (6 issues) for only \$12.97

Name please print

Address

City State Zip

Send no money now. We'll bill you. DJ2BK

Delivery 6 to 8 weeks for delivery of first issue. Foreign orders add \$10.00 U.S. funds for postage. Place your order on the web at www.blackbeltmag.com

U.S. \$19.95

OHARA PUBLICATIONS, INC., 24715 Avenue Rockefeller, P.O. Box 918, Santa Clarita, California 91380-9018

Материал, защищенный авторским правом